АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
X

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1961

РЕДКОЛЛЕГИЯ

О. С. Ахманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор), *В. М. Жирмунский* (зам. главного редактора), *А. И. Ефимов, И. И. Конрад* (зам. главного редактора), *М. В. Панов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой* (и. о. отв. секретаря редакции), *А. С. Чикобава*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10 Тел. Б 8-75-55

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

1

История научных знаний свидетельствует, что наука о языке (как, соответственно своему предмету и содержанию, и все прочие науки) в своем развитии подчиняется двум факторам: во-первых, общественным требованиям, по-разному обращенным к языкознанию в различные эпохи развития наций и народов, их культуры и социального строя, и, во-вторых, общим закономерностям состояния дифференциации наук и общему направлению научной мысли человечества. К этим двум факторам общего значения добавляются два других, действующих непосредственно: конкретная общественная обстановка в той или иной национально-культурной среде и конкретное состояние самого языкознания в каждый данный момент.

Справедливость этих положений подтверждается историей науки о языке в нашей стране за все время, протекшее после XX съезда КПСС. Как известно, до этого у нас основным требованием, обращенным к языкознанию, было всемерное развитие изучения языков наций, национальностей и народностей, которые с победой Великой Октябрьской социалистической революции приступили к созданию своей национальной школы и к развитию своей национальной культуры, т. е. к постановке и разрешению задач, осуществляемых только на основе и при помощи родного языка. Общее повышение значения национальной культуры в жизни каждого народа Советской страны на новой, поистине всенародной, социальной базе стимулировало изучение своего языка и у тех народов, которые и ранее имели свою национальную школу и большую национальную литературу, в том числе и в особенности у русского народа.

В связи с этими требованиями истории, выдвинутыми социалистическим строем, установившимся в нашей стране, с невиданной ранее интенсивностью развивалось изучение языков различных народностей, причем ряд языков, принадлежащих народам, не имевшим до этого своей письменности, был изучен впервые. Тем самым был значительно пополнен количественно материал мирового языкознания и не только по-новому освещены и развиты многие из теоретических положений науки о языке, но и выдвинуты новые проблемы.

Второе общественное требование было обусловлено общей задачей всемерного повышения культуры народных масс; в области языка — того, что мы называем «культурой речи». Известно, что культурная речь строится на основе так называемого литературного языка. В связи с этим получило огромное развитие изучение литературных языков, давшее ценнейшие научные результаты, особенно в области исследования литературного языка русского народа и его истории; при этом выяснилось, что сама языковая категория («литературный язык») была далеко не ясна для науки: ее понимали и трактовали очень по-разному. Ввиду этого надлежало научно выяснить сущность явления, называемого нами «литературным языком», его языковую природу и специфику. Советские языковеды много сделали в данном направлении, и эта часть нашей науки о языке внесла новое в теоретический багаж общего языкознания.

Выполнение и той и другой задачи было сопряжено с процессом разработки методологической основы науки о языке. Разработка протекала под знаком построения общей теории языкознания на началах диалектико-

материалистической философии, на началах марксизма-ленинизма. Это была уже работа по внесению в мировую науку о языке принципиально новых основ научного исследования. Были и случаи недостаточно критического отношения к теориям, появившимся в языкознании в странах Запада, и догматического применения отдельных положений марксистской теории. Следует отметить, что особой остроте второго способствовало наличие первого. На этой почве и возникли те явления, которые были связаны с принятием как единственно верных общетеоретических взглядов Н. Я. Марра, обозначенных им самим как «новое учение о языке», и взглядов И. В. Сталина, понятых как эталон марксистского языкознания

2

Известное выступление И. В. Сталина в лингвистической дискуссии на страницах газеты «Правда» не устранило догматизма; оно во многом заменило один догматизм другим. Сталинские статьи и его более ранние высказывания по вопросам языкознания содержали наряду с правильными и научно перспективными положениями немало спорных, недоказанных и просто ошибочных утверждений, которые в догматическом восприятии оказались в свою очередь серьезным тормозом для творческой работы специалистов-языковедов. Таким положением явился, например, тезис о курско-орловском диалекте как основе русского национального языка, дезориентировавший советских русистов. В области общих вопросов теоретического языкознания такими явились тезисы о будущем стихийном «слиянии» языков, абстрактно сформулированный тезис об основном словарном фонде, о речи глухонемых, отчасти — о внутренних законах развития языка и некоторые другие. Вместе с ошибками Н. Я. Марра позднее были выброшены за борт и многие из тех важнейших общетеоретических проблем, разработкой которых советское языкознание зарекомендовало себя с первых лет своего существования, продолжая и развивая традиции отечественной науки о языке.

Другим существенным недостатком ряда теоретических работ первой половины 50-х годов (а отчасти и более поздних) было то, что их авторы, осуждая резко негативное отношение Н. Я. Марра и его последователей к научному наследству прошлого, допускали и излишнее восхваление всего того, что было (особенно в русской науке) до Марра.

Разумеется, и в этот период советские языковеды вели работу над подготовкой нужных стране трудов. В частности, может быть отмечен выход в свет академической «Грамматики русского языка» в двух томах, ряда полезных сборников по отдельным теоретическим вопросам языкознания, а также вузовских пособий. Однако сейчас, в канун XXII съезда КПСС, особенно ясно видны недостатки этих работ, которые уже не могут полностью удовлетворить самих авторов, немало потрудившихся в свое время над их созданием.

Можно с уверенностью сказать, что новая эпоха в развитии советского языкознания, начало которой связано с историческими решениями XX съезда КПСС, открывает все возможности для того, чтобы отечественная наука о языке заняла достойное, ведущее место в мировой лингвистике. XX съезд КПСС, указавший на необходимость творческого развития положений марксизма-ленинизма, нанес сокрушительный удар по догматизму. Это относилось ко всем общественным наукам, в их числе — и к языкознанию.

Сейчас ясно видно, что, несмотря на все зигзаги и отклонения, плодотворное развитие науки о языке непрерывно продолжалось. Некоторые выдающиеся лингвисты в нашей стране в основном остались свободными от мертвящего догматизма и продолжали свою исследовательскую деятельность действительно творчески. С другой стороны, вводились в науку о языке и успешно разрабатывались многие положения, выдвинутые

именно на почве марксизма в языкознании. К важнейшим из них принадлежат: учение о национальном языке как определенной исторической категории, учение о социальных диалектах в их историческом движении, своеобразное, творческое развитие концепции языка как системы, оригинальные положения и методологические установки в области общей типологии языков. Были введены некоторые новые теоретические построения в общую теорию языка. Важнейшим из них был тезис о языке как общественном явлении особого рода, выдвинутый И. В. Сталиным и устранивший господствовавшее до этого неверное представление о языке как форме идеологической надстройки.

3

В последующие годы и в настоящее время работа советских лингвистов происходила и происходит в сложных условиях. Прежде всего возникли новые общественные требования к науке о языке. Грандиозное развитие в нашу эпоху массовой коммуникации в самых разнообразных формах и с применением могучих технических средств поставило во весь рост задачу выработки наиболее эффективных языковых способов и приемов такой коммуникации. Эта задача затрагивает все стороны языка, особенно лексическую и фразеологическую, эвфоническую и ритмическую, экспрессивную и эстетическую. В то же время столь же грандиозное развитие точных наук в их новейшем содержании и направлении, повышение их значения в научном познании мира вообще предъявило новые требования к разработке положения о языке как орудии познавательной деятельности. Усиление значения математических методов во всех областях естествознания колоссально расширило диапазон и силу этих требований по отношению к лингвистике.

Возникновение таких новых способов и средств обработки научных материалов и нахождения искомых формул, как различные вычислительные механизмы, исключительное повышение значения и роли механической сигнализации, сделали эти требования к языкознанию принципиально новыми. Так на наших глазах с наглядностью демонстрируется зависимость науки о языке от действия двух указанных общих факторов: общественных требований и общего направления научного исследования. Впрочем последний фактор не самостоятелен: он сам определяется общественными требованиями, т. е. в конечном счете — историей человеческого общества.

Все это поставило языковедов перед новой проблемой: перед проблемой речи. Дело идет не о «речи» в соссюровском понимании этой категории, а о речи как особой форме языкового выражения. Массовая коммуникация заставила видеть речь устную и письменную в плане, отнюдь не совпадающем с категориями языка «разговорного» и «литературного», или «письменного». Наряду с общей проблемой «речи» встала проблема языкового стиля как системы различных форм языкового выражения, специфических для тех или иных целей: познавательных, коммуникативных, художественно-творческих, агитационно-пропагандистских и всяких прочих — во всей собственной сложности каждой из них и в их самом прихотливом переплетении и вхождении друг в друга. Очень большие шаги в изучении существа этой второй проблемы у нас сделаны. Сделан серьезный шаг и по пути решения первой.

К сожалению, этого, однако, недостаточно, а именно в этих сферах может происходить реалистическое развитие таких получивших в наше время первостепенное значение течений в науке о языке, как математическая лингвистика, прикладная лингвистика, теория информации, интерлингвистика, а также стилистика и отчасти поэтика. На путях изучения именно речи в указанном смысле могут быть найдены элементы действительного обновления и обогащения общей лингвистической теории без следов влия-

ния умственного догматизма или просто упрямства, с одной стороны, лингвистического простодушия или просто озорства, с другой. А она, эта общая теория, безусловно нуждается в обновлении и обогащении.

Огромное развитие межъязыковой коммуникации, получившей в наше время поистине мировой масштаб — как в смысле охвата, так и в смысле количества введенных в эту коммуникацию языков, — со всей остротой выдвинуло проблему языковой типологии. По-новому зазвучали многие из тех явлений, которые до сих пор изучались и теперь изучаются главным образом в аспекте генетической зависимости или независимости разных языков, сходства или несходства их грамматического строя, их исторических схождений и расхождений. На этой почве выросли те, нередко весьма различные, направления теоретической мысли, которые обозначаются суммарным и неопределенным наименованием «структурной лингвистики». Наряду с этой сложной проблематикой развитие межъязыковой коммуникации оказало самое решительное влияние на обострение внимания лингвистов к смысловой стороне языка — на формы, способы и средства выражения смысла. Попытки установить возможность «машинного перевода», создать «думающие машины», «электронные мозги» и т. д., вызванные к жизни указанными общественными требованиями и путями развития научных знаний, с одной стороны, возникли на почве особого внимания к семиотической стороне языка, с другой — сами стимулировали такое внимание. Проявилось даже стремление по-новому проанализировать самую природу того, что обозначают словом «смысл»; это вызвало и новый, так сказать «энергетический» подход к природе языка, привело к концепции семантического «поля» и т. п.

Все эти течения, характерные для мировой науки о языке, проявились и в нашем языкознании. Лучшие представители лингвистической мысли у нас не только никогда не теряли связи с мировой наукой, но и оказывали серьезное влияние на общий ход этой науки. Достаточно вспомнить в прошлом влияние на мировое языкознание школы Бодуэна де Куртене — Щербы и развившегося от нее в 20-х гг. направления лингвистической мысли — влияние, особо рельефно проявившееся через теории Пражского лингвистического кружка (особенно проф. Н. Трубецкого), заложившее основы одного из главнейших направлений науки о языке в странах Западной Европы и Америки; достаточно вспомнить влияние в последние десятилетия нашей марксистской лингвистической мысли, особенно в изучении таких явлений, как национальный язык, таких вопросов, как связь истории языка с историей общества, таких задач, как языковое строительство и т. д. Сколько-нибудь решительного отрыва нашего языкознания от мирового в обоих указанных смыслах не было даже в годы исключительного властвования догматизма. Тем более облегчается развитие наших связей с языковедением в других странах после постановлений XX съезда КПСС, причем на первое место ставится уже вторая задача: оказание существенного влияния на мировую лингвистическую мысль.

Это возможно, однако, только при самой интенсивной и подлинно творческой разработке общей лингвистической теории. Такая разработка должна вестись на той же принципиальной основе, на которой строится у нас и знание, и культура — вся жизнь нашего общества: на основе учета бесспорного факта преемственности всякого научного знания, игнорирование которого приводит к абстрактности любого построения, обрекает его на весьма малую реально-историческую значимость и делает, в конечном счете, вполне эфемерной его судьбу, и на основе учета значения всего того нового, что открывает, не может не открывать, должна открывать каждая новая эпоха. Это полностью относится и к современности. Можно сказать даже больше: новое во всем она выдвигает в гораздо большем объеме и с гораздо большей исторической значительностью, чем предшествовавшие эпохи.

4

Задача разработки марксистского учения о языке как функционально-общественном явлении и законах его исторического развития не может быть решена без изучения целого комплекса взаимосвязанных проблем. Среди них особое место должны занимать теоретические исследования, обобщающие современные процессы функционирования языков и намечающие перспективы их дальнейшего развития. Можно уже отметить определенные успехи в подготовке крупных научных трудов, направленных на разрешение актуальных проблем языкознания. Советские языковеды усилили пропаганду в зарубежных странах достижений СССР в области языкового строительства, основанного на ленинской национальной политике.

Важным этапом в развитии советского языкознания следует признать появление новых направлений большого теоретического и прикладного значения, возникших на стыке различных наук (языкознания, литературоведения, математики, психологии, философии, истории и т. д.). К ним относятся: структурная и прикладная лингвистика, связанная с проблемами кибернетики (математическое и статистическое изучение языка, машинный перевод, методы структурного анализа языка); структурно-типологическое изучение языков (взаимодействие языков, их сравнительно-типологическое изучение и т. д.).

Особенно большое значение имеет разработка проблем языков народов СССР и социалистических стран в свете задач строительства коммунизма.

В программе Коммунистической партии Советского Союза читаем: «Усиливается идейное единство наций и народностей, сближение их культур. Исторический опыт развития социалистических наций показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура. Культурная сокровищница каждой нации все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер». Таким образом, «в условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения». Нуждаются в дальнейшем развитии некоторые наши теоретические положения о нациях, народностях, их языках, их истории. С учетом закономерностей перехода от социализма к коммунизму должны быть освещены некоторые теоретические вопросы дальнейшего развития языков народов СССР, их взаимодействий и взаимовлияния. Основная проблема, которую нужно разрешить, — это «закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций».

Русский язык в системе языков Советского Союза и за его пределами приобретает все более интернациональный характер. Программа КПСС отмечает, что «происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР».

В области русистики в Академии наук СССР начата работа над коллективной монографией «Русский язык и советское общество».

Необходимо признать, что исследование теоретических проблем общего языкознания до самого последнего времени проводилось у нас преимущественно лишь в связи с критикой различных теорий зарубежного языкознания. Разработка теории советского языкознания в положительном плане не занимает пока должного места в деятельности академических институтов. Это относится, в частности, к широкому кругу теоретических проблем описательного, сравнительно-исторического, сравнительно-ти-

пологического изучения различных языков, а также к интерлингвистической проблематике, к теории лексикографии, к принципам изучения языка художественной литературы и к вопросам стилистики.

До сих пор еще мало разрабатывались проблемы развития национальных языков СССР в период перехода от социализма к коммунизму (о роли и функциях национальных языков, роли и функциях русского языка в жизни национальных республик, вопросы изучения форм влияния русского языка, двуязычия в национальных республиках и т. д.). Особенно остро стоит вопрос о функциях и перспективах развития литературных языков автономных республик, областей, национальных округов.

Мы вступаем в совершенно новый этап общественной истории — этап коммунизма. В переходную фазу социализма языкознание шло и идет по пути главным образом пересмотра прежних положений о языке, их обновления и обогащения. В области общей теории все усилия были направлены на разработку диалектико-материалистической теории языка. Это вполне естественно и закономерно. Но уже сейчас перед нами встает новая задача: делать конкретные выводы из нашей теории — выводы, позволяющие языкознанию принять достойное для науки о языке участие в строительстве коммунистического общества и его культуры. Содержание этой задачи пока рисуется в самых общих чертах.

Язык есть явление функционально-общественное. Это непреложное положение приводит к необходимости изучать язык и разрабатывать его средства с учетом исторической эпохи и общественных задач, выдвигаемых эпохой. Переход к коммунизму вызывает к жизни также мысль о возможности решительного изменения языковой обстановки и в пределах отдельного языкового сообщества, и в гораздо более широких общественных рамках — в рамках региональных и даже, в конечном счете, общемировых. Новые пути научного исследования, так отчетливо выявившиеся в последнее время, ставят по-иному вопрос о роли, функциях и формах участия языка в таком исследовании. Никогда не следует забывать, что только язык как «практическое действенное сознание» обеспечивает саму возможность исторически реальной познавательной деятельности. Но это не только исключает, но прямо предопределяет изучение языка как средства, открывающего возможность такого научного исследования, которое будет адекватно коммунистическому принципу общественного строя.

Было бы совершенно неисторичным утверждать, что пути дальнейшего изучения языка в этом плане нам в полной мере известны. Многое в этом отношении должно еще считаться именно теми «поисками», о которых говорят представители точных наук. Они называют «поисковыми» такие работы, которые направлены на «выявление закономерностей природы, открывающих новые пути прогресса» (см. доклад акад. М. В. Келдыша на Всесоюзном совещании научных работников 12—14 июня 1961 г.). Пока только поисковыми должны считаться работы, направленные на обнаружение, на открытие закономерностей, проявляющихся в языковой деятельности человека, указывающих и определяющих новые и притом принципиально иные пути прогресса.

Но, так же как и во всех прочих областях науки, и в языкознании сохраняют свое полное значение и являются совершенно неотложными — и именно в перспективах создания коммунистического общества — и два других больших направления научной деятельности: новая разработка, улучшение того, что выдвинуто нашей современностью и абсолютно ей необходимо, и перспективные исследования, направленные на решение уже определившихся, но еще не разработанных задач науки о языке. Языкознание входит в общегосударственный план развития науки в нашей стране наравне со всеми прочими науками.

В каждой науке есть своя специфическая сторона, определяющая ее существо и ее общественное значение. Есть такая сторона и в науке о языке. Языкознание занимает особое место среди прочих наук: язык не есть

ни база, ни надстройка, но язык есть в то же время явление функционально-общественное со специфической природой. Специфика эта состоит в том, что язык есть, как и было уже упомянуто выше, само «практическое действенное сознание» и основное орудие человеческого общения во всех многообразных формах его выражения — того общения, в котором осуществляется и борьба и сотрудничество. Из этого и вытекает все огромное значение надлежащего развития науки о языке — науки о том явлении, которое делает возможным познавательную деятельность и без которого вообще немыслим общественный прогресс.

Предстоящий XXII съезд КПСС имеет своей задачей определение путей наиболее быстрого и успешного построения коммунизма. Это означает и определение путей развития нашей науки в тех же целях. Прочным залогом будущих успехов нашей науки служат вдохновляющие слова Программы Коммунистической партии Советского Союза — программы побеждающего коммунизма: «Партия примет меры для дальнейшего укрепления и совершенствования материальной базы науки и для привлечения к научной деятельности наиболее способных творческих сил. Дело чести советских ученых — закрепить за советской наукой завоеванные передовые позиции в важнейших отраслях знания и занять ведущее положение в мировой науке по всем основным направлениям».

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

А. К. БОРОВКОВ

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР

1

Тюркские языки составляют самую значительную после восточнославянских группу родственных языков в СССР. На различных тюркских языках говорит в наше время коренное население пяти союзных республик, пяти автономных республик, четырех автономных областей и значительные национальные меньшинства в разных районах СССР. Известны тюркские языки и за пределами нашей страны — уйгурский, казахский и киргизский в западных провинциях Китая; казахский и тувинский на территории Монголии; турецкий язык в Турции, турецко-румелийские и гагаузские говоры на Балканах; турецкие, азербайджанские и туркменские говоры в Ираке, Сирии и Египте; азербайджанский, туркменский, кашкайский и другие тюркские диалекты в Иране; узбекские говоры в северном Афганистане; караимские говоры в Польше и т. д.

Размещение тюркских языков на обширной территории исторически обусловило многообразные связи тюркских языков как с типологически близкими, так и с отличными в структурно-типологическом отношении окружающими языками. Экономические, политические и культурные связи тюркских народов с соседними вызвали к жизни разносторонний интерес к тюркским народам и их языкам. Уже с VI в. нашей эры сведения о тюркских народах и в известной мере о тюркских языках приобрели более или менее систематический характер. Древнейшие русские летописи часто упоминают о народах тюркского происхождения — хазарах и булгарах, печенегах, узах, торках и половцах, а после монгольского завоевания близкое знакомство с тюркскими народами в России стало постоянным.

Изучение тюркских языков в нашей отечественной науке всегда занимало значительное место. Достижения научного языкознания в XIX в. оказали свое влияние и на исследования тюркских языков. Труды О. Бётлингка о якутском языке (1848 г.), М. А. Кастрена о тюркских наречиях Западной Сибири (1857 г.), известная «Грамматика алтайского языка» (1869 г.) положили начало научному анализу грамматической структуры отдельных тюркских языков и позволили наметить методы сравнительно-исторических исследований в широкой области урало-алтайских языков. Совершенно исключительное место в развитии тюркского языкознания заняли труды акад. В. В. Радлова, с именем которого связана целая эпоха в этой области науки. В. В. Радлов впервые собрал и обнародовал в своих «Образцах народной литературы тюркских племен» обширнейшие материалы по живым тюркским языкам Сибири и Средней Азии. Он же заново издал большое число древних памятников тюркской письменности. На базе этих материалов появился фундаментальный четырехтомный сравнительный словарь тюркских языков — «Опыт словаря тюркских наречий» (1888—1911 гг.) В. В. Радлова. Мировую известность получила его сравнительная фонетика и классификация тюркских языков (1882 г.). Без трудов В. В. Радлова были бы немыслимы дальнейшие быстрые успехи тюркского языкознания.

Конец XIX в. ознаменовался замечательным открытием для тюркологии. В 1893 г. знаменитый датский лингвист В. Томсен нашел ключ к неизвестным до того «руническим» надписям на каменных надгробных столбах в бассейне рек Орхона и Енисея. Надписи оказались памятниками древнетюркского языка VII—VIII вв. н. э. Дешифровка древнетюркской «енисейско-орхонской» письменности углубила историческую перспективу в тюркском языкознании. До этого древнейшими памятниками тюркской письменности считались памятники письменности XI—XV вв. на древнеуйгурском и арабском алфавитах. За дешифровкой «енисейско-орхонской» письменности последовали в начале XX в. новые открытия древних памятников тюркской письменности в Западном Китае на древнеуйгурском, манихейском и алфавите брахми. Это были юридические документы, переводные сочинения буддийского и манихейского содержания и т. п.

Первые сведения о древностях в западных провинциях Китая принесли русские экспедиции В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1893—1895 гг.) и Д. А. Клеменца (1898 г.). По предложению В. В. Радлова был создан международный комитет для исследования этих древностей. Экспедиции — немецкие (А. Грюнведеля и Г. Гута — 1902—1903 гг., А. Лекока — 1904—1905 гг., А. Лекока и А. Грюнведеля — 1904—1907 гг.), английская (А. Стейна — 1906—1908 гг.), французская (П. Пельо — 1906—1909 гг.), русские (С. Ф. Ольденбурга — 1909 г. и С. Е. Малова — 1909—1911, 1913—1915 гг.) обнаружили большое количество древних памятников тюркской письменности, изучение которых позволило пролить новый свет на язык «енисейско-орхонской» письменности и вскрыть сложные культурно-исторические условия развития тюркской письменности в этом районе и диалектальные особенности древних языков. В наше время А. фон Габен особо выделяет следующие древние диалекты: 1) *y*-диалект буддийских, позднеманихейских и большей части малограмотных рукописей; 2) диалект рунических памятников письменности; 3) *n*-диалект рукописей манихейского содержания и некоторых рукописей рунического письма; 4) диалект рукописей, написанных алфавитом брахми.

Таким образом, из года в год расширялась проблематика тюркского языкознания, смежные с тюркологией проблемы все больше привлекали специалистов других областей — китаистов, иранистов и арабистов. Постепенно наметились особые задачи с кругом все более расширявшихся специальных вопросов — орхоника и уйгурика, история хазарского, булгарского, печенежского и половецкого языков, османистика (турецкий язык, история турецкого языка и диалектология), «чагатаистика» (история староузбекского языка XV в.) и т. д. Одновременно расширялись задачи сравнительно-исторического изучения тюркских языков и установления их родства с урало-алтайскими.

Изучение тюркских языков привлекало все больший круг ученых-специалистов в разных странах. В Турции, Венгрии и Финляндии сложились прочные традиции в этой области. Крупные и постоянные научные очаги тюркологии сложились во Франции, в Германии, Италии и позднее в Швеции и Польше. В 1908 г. в розысках уйгурских древностей в западных провинциях Китая принимала участие и японская экспедиция Зуйчо Тачибана; за последние годы в Японии появились труды Ямада Нобуо и Абе Такео по истории уйгурского ханства, ряд исследований по истории древнетюркского каганата и т. д. Усилиями эмигрантов из разных стран после второй мировой войны ведутся исследования в области тюркского языкознания в США. Новые научные центры по изучению тюркских языков сложились и уже довольно активно проявили себя в Китае и МНР.

Естественно, что уже в начале XX в., еще при жизни В. В. Радлова, обнаружилось, что многие его прежние предположения и выводы необходимо подвергнуть пересмотру, например неверное представление о древнеуйгурском консонантизме, неоправданное отрицание исконных пратюрк-

ских долгих гласных, неправильное объяснение особенностей якутского и чувашского языков на почве субстрата и т. п. Классификация тюркских языков В. В. Радлова была переработана сначала Ф. Е. Коршем (1910 г.), затем А. Н. Самойловичем (1922 г.).

В наше время вопрос о классификации тюркских языков снова привлек к себе внимание и появились попытки нового подхода к классификации в трудах С. Е. Малова, Н. А. Баскакова, И. Бенцинга, Б. А. Серебренникова и других ученых. В этой связи встала, естественно, и проблема первичной общности тюркских языков, причем согласно новой теории Ю. Ф. Немета оказывается очень поколебленной обычная гипотеза о расселении тюркских народностей из района Алтая.

2

С первых дней утверждения Советского государства национальные языки в СССР, в том числе и тюркские, стали необходимым условием национального возрождения и культурной революции. В центре внимания оказались, естественно, и проблемы развития отдельных национальных литературных тюркских языков. Это закономерный исторический процесс. В невиданно короткие сроки национальные республики и области покрылись сетью школ и высших учебных заведений. Выросли научные общества и научно-исследовательские институты, где все больше сосредоточивались научные силы. Значительно увеличилось и число научных центров тюркского языкознания. В прошлом научное исследование тюркских языков проводилось в Петербурге, Москве и в Казани, очень ограниченные практические задачи решались на местах энтузиастами-краеведами и педагогами. В наше время в Абакане, Алма-Ате, Ашхабаде, Баку, Горно-Алтайске, Казани, Кызыле, Нукусе, Ташкенте, Тбилиси, Уфе, Чебоксарах, Фрунзе, Якутске и многих других городах проводится огромная систематическая работа по изучению тюркских языков, издаются многочисленные учебники, учебные пособия и словари, монографии и статьи по самым различным вопросам грамматики, лексикологии, истории и диалектологии тюркских языков, публикуются специальные периодические издания на этих языках, а также на русском языке.

Объем и задачи тюркского языкознания возросли в такой степени, что потребовали определенной специализации. Тюркология всегда была наукой комплексной, где на почве сравнительного языкознания вырастали, наслаиваясь, исторические, историко-литературные и этнографические изыскания. В наших условиях должна была завершиться строгая дифференциация каждой дисциплины с присущими ей особыми методами исследования. С другой стороны, объем исследований по тюркским языкам настолько увеличился, что потребовалась и более узкая специализация по языкам.

Некоторые зарубежные ученые отмечают, что у нас не проводится изучение тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте (на это, в частности, обратил внимание венгерский тюрколог Ю. Ф. Немет в своем докладе в Турецком лингвистическом обществе в 1957 г.). Это верно только отчасти. Трудно переоценить огромные по своим масштабам и результатам исследования советских тюркологов и для решения проблем сравнительно-исторического характера.

Впервые, например, Е. Д. Поливанов представил описание узбекских диалектов и говоров и разработал их классификацию. В теоретическом отношении выводы Е. Д. Поливанова имеют широкий интерес и вызвали новые исследования К. К. Юдахина, К. Менгеса, Г. Ярринга, Ш. Вурма и других тюркологов; проблемы узбекской диалектологии не потеряли и сейчас своей значимости для тюркского языкознания. Детальные исследования туркменского языка и его диалектов, начатые А. П. Поцелуевским и его учениками, выявили систему туркменских долгих и кратких гласных. Это позволило по-новому сформулировать теорию пратюркского

вокализма с учетом ранее известных долгих гласных в якутском и отражения исконных долгот в турецком и чувашском. Вопрос о пратюркских долгих гласных был предметом давних споров. Уже О. Бётлингк установил строгую закономерность в характере якутских долгих гласных и долгот в нижегородско-татарском диалекте. Затем К. Грёнбек теоретически обосновал закон развития конечных звонких согласных после исконно долгих гласных в турецком языке. Вопрос этот был снова поднят Е. Д. Поливановым в 1924 г. в статье «К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке», а затем после появления в 1929 г. русско-туркменского словаря проблема пратюркских долгих гласных, чрезвычайно важная для исторической фонетики тюркских языков, была одинаково решена в работах Л. Лигети, М. Рясянена и К. Менгеса.

Обратимся еще к некоторым примерам. В 1925 г. при Академии наук СССР была создана Комиссия по переизданию словаря В. В. Радлова. Однако уже в 1928 г. эта комиссия под председательством акад. В. В. Бартольда пришла к выводу, что публиковавшиеся и опубликованные к тому времени «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского, «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина, казахско-русский, русско-туркменский, узбекско-русский и другие словари далеко превосходят материалы по живым тюркским языкам, заключенные в словаре В. В. Радлова. Поэтому было решено подготовить к изданию только материалы по древним тюркским языкам. В настоящее время особенное значение с точки зрения культурно-национальной приобретают толковые словари, фиксирующие современную ступень развития национальных тюркских литературных языков. Осуществлен первый опыт толкового словаря казахского языка из большой уже начатой серии толковых словарей узбекского, азербайджанского, киргизского и других языков.

Благодаря исследованиям Е. Д. Поливанова, С. Е. Малова и Н. А. Баскакова были получены достаточные научные сведения о каракалпакском и ногайском языках. К. К. Юдахин и И. А. Батманов внесли ясность в наши представления о фонетике киргизского языка и о его диалектах. Описание языка желтых уйгуров С. Е. Малова и очень важные данные А. А. Пальмбаха и В. М. Наделяева о тувинском консонантизме, фонетические штудии В. А. Богородицкого, Г. Шарафа, А. П. Поцелуевского, У. Ш. Байчуры и других дали исключительно много исходных материалов для фонетики тюркских языков. Все это вместе взятое несомненно служило и служит необходимой научной предпосылкой исследований в области сравнительной грамматики тюркских языков.

Интерес к истории узбекского языка и литературы заново возродил давно забытую после дешифровки енисейско-орхонской письменности область «чагатаистики», т. е. среднеазиатско-тюркского, по старой терминологии, литературного языка XV в. эпохи Алишера Навои и его поэтических предшественников и современников. В период забвения проблем «чагатаистики» исключением были, может быть, только сочинения Захир-эддина Бабура. В связи с изданием А. Беверидж хайдарабадского списка «Мемуаров» Бабура (1905 г.) и изданием стихотворного сборника Бабура сначала Э. Д. Россом (1910 г.), затем А. Н. Самойловичем (1917 г.) появились отдельные текстологические разыскания (ныне они продолжены — Г. Благова, Н. Миклухо-Маклай). Между тем «чагатайский» литературный язык ставил перед исследователями ряд проблем, связанных с предшествующей историей тюркских языков. В 1928 г. в своей статье, помещенной в сборнике «Мир-Али-Шир», А. Н. Самойлович изложил свою теорию развития «среднеазиатско-тюркского литературного языка», зародившегося, по его мнению, в XI в. в Кашгаре, затем прошедшего новый этап развития в XII в. в Хорезме и, наконец, сформировавшегося в XV в. в культурных центрах Тимуридского государства.

Сейчас эта проблема приобрела широкий международный характер. Исследования и публикации Сирри Левенда и Я. Экмана в Турции,

К. Броккельмана и К. Менгеса в Германии, Дж. Клосона в Англии, статьи и текстологические исследования советских ученых — С. Е. Малова, А. М. Щербака, М. Ш. Ширалиева, С. М. Муталибова и др.— представляют исключительное теоретическое значение, поскольку затрагивают очень широкий круг вопросов исторической фонетики, диалектологии, морфологии и лексики тюркских языков XI—XV вв.

Выяснилась очень сложная картина в отношении текстов поэтов и писателей Средней Азии XV в. В свое время (в 1900 г.) П. М. Мелиоранский пришел к мысли, что, как он говорил, «джагатайские рукописи будут всегда источником довольно мутным, и самое тщательное исследование их, соединенное с большими трудностями, даст результаты неполные и, так сказать, неокончательные». Теперь уже нет оснований для такого скептицизма. Проясняются диалектальные взаимоотношения в текстах XV в., как-то более четко вырисовываются палеографические особенности и причины, породившие многочисленные изменения, особенно в поэтических текстах этой эпохи. Правда, впереди еще много работы и в части изучения языка отдельных памятников, и в части накопления новых материалов, главным образом по исторической диалектологии. Уже сейчас можно сказать, что, например, тюркские переводы опубликованного у нас бухарского списка XV в. «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари отражают местные диалектальные черты этого периода, как и более поздние индийские словари Фазлулла-хана и Мухаммеда Якуба Чинги. Все это значительно расширяет наши сведения о литературном языке XV в. и предшествующей эпохи. Уже давно акад. К. Г. Залеман высказал предположение об особом пути развития среднеазиатской орфографии на почве традиций древнеуйгурского письма, в отличие от ближневосточной арабо-персидской традиции. Возможно, в этом отношении особая роль принадлежала и древнему Хорезму. Все это выдвигает новые задачи, связанные с проблемой историко-фонетических изысканий главным образом поэтических текстов на арабском алфавите, весьма и весьма затемняющем фонетику тюркских языков.

Исследование среднеазиатских памятников письменности XI—XVI вв. тесным образом связано с историей тюркских памятников письменности Центральной и Средней Азии. Известный венгерский ориенталист Л. Лигети различает в развитии тюркских языков три периода: 1) древнетюркский (VI—IX вв.) — древнетюркский, уйгурский и, вероятно, древнекиргизский языки; 2) среднетюркский (X—XV вв.) — манихейские и буддийские переводы на уйгурском литературном языке, чагатайский литературный язык, кыпчакские и огузские памятники письменности; 3) новотюркский с XV в.— в облике современных тюркских диалектов. Многие тюркологи придерживаются такого рода периодизации, хотя было бы предпочтительнее резче разделить монгольскую и послемонгольскую эпохи в развитии тюркских языков. Я. Экман разработал весьма детальные лингвистические признаки трех периодов в развитии «исламского среднеазиатско-тюркского литературного языка» примерно в рамках, намеченных А. Н. Самойловичем. В таких же хронологических границах К. Броккельман и представил свою «восточнотюркскую грамматику исламского литературного языка Средней Азии». Сейчас в этом направлении успешно работают А. М. Щербак, С. М. Муталибов и др.

Предстоит продумать методику исследования памятников в связи с историческими условиями распространения книжных языков, разных форм письменности, образования местных литературных языков на почве различных диалектов домонгольского периода в Центральной и Средней Азии, в Причерноморье и Поволжье и исследовать в полной мере процесс образования новых литературных тюркских языков после монгольского нашествия.

Особенно многочисленными были у нас грамматические исследования. В этой связи следует упомянуть о большой серии описательных грамматик:

Н. К. Дмитриева («Грамматика кумыкского языка», «Грамматика башкирского языка»), В. Г. Егорова («Современный чувашский литературный язык»), Н. А. Баскакова («Алтайский язык», «Ногайский язык и его диалекты» и др.), Л. Н. Харитонова («Современный якутский язык»), Е. И. Убрятовой («Исследования по синтаксису якутского языка»), А. Н. Кононова («Грамматика современного узбекского литературного языка»), М. Б. Балакаева («Современный казахский язык»), под редакцией Р. В. Рустамова, М. Ш. Ширалиева и З. И. Будаговой «Грамматика азербайджанского языка» (на азерб. языке) и др. Большое внимание уделялось теории и генезису частей речи в тюркских языках (В. М. Жирмунский, Н. К. Дмитриев, Г. Д. Санжеев, А. И. Исхаков, Э. В. Севортян и др.). Самостоятельное значение приобрели исследования по тюркским числительным (А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, С. К. Кенесбаев и др.); здесь наметились перспективные линии изучения систем числительных на более широкой основе алтайских языков по названиям десятков от последовательных в тофаларском до рудиментарных названий 80 и 90. Издаются на родных языках вузовские курсы по грамматикам современных литературных языков — «Қазіргі қазақ тілі» (Алматы, 1953), «Ҳозирги замон ўзбек тили» (Ташкент, 1957).

Исследования в области синтаксиса тюркских языков также приобрели очень большой размах и значение. Прежде синтаксические исследования носили эпизодический характер (П. М. Мелиоранский, Я. Шинкевич, В. Ланге, Ж. Дени) и только в обстоятельном исследовании «Der türkische Sprachbau» К. Грёнбека нашли развернутое изложение и систему. Советских тюркологов интересовала теория синтаксиса во всем многообразии синтаксических типов в современных тюркских языках с учетом особенностей их исторического развития. При всем том теория синтаксиса у нас остается мало разработанной, в синтаксических исследованиях много схематизма, часто преобладает чисто логическое обоснование синтаксических типов, недостаточное внимание уделяется сравнительно-историческим посылкам. Сейчас основательно ставится вопрос о синтаксических типологических соответствиях во всех урало-алтайских языках. А. Д. Фукс, в частности, намечает широкий ряд таких соответствий: а) именной характер предиката; б) употребление определительного атрибута перед существительным в неизменной форме; в) употребление бессуффиксальной формы существительного (отсутствие суффикса мн. числа в имени существительном после числительных; отсутствие показателя мн. числа при обозначении частей тела, при именах животных, сортов фруктов, цветов, при названиях народов и т. п.); г) словосложение; д) употребление поссессивных местоимений; е) развитие и употребление послелогов; ж) система и употребление суффиксов для определительности; з) обозначение объекта; и) местоимение, например рефлективные местоимения с именами, снабженными притяжательными местоименными суффиксами; к) употребление figura etymologica; л) сложение глаголов (например, уйг. *sïp-bozup* «разломив, разбив»); м) именная природа глагольных форм; н) употребление конструкций с отглагольными именами; о) сочетание координированных частей предложения; п) выражение гипотаксиса; р) формы решительного вопроса, утвердительного ответа (вопросительная частица, ответ посредством стоящей впереди части предложения); с) порядок слов, и т. п.

Первые исследования по теории синтаксиса (Н. А. Баскаков), типологии словосочетаний (Е. И. Убрятова, М. Б. Балакаев), исторической морфологии и смежным явлениям в области лексики и грамматики (Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян, А. М. Щербак, А. Г. Гулямов) намечают широкий круг вопросов, очень интересных и перспективных.

Дальнейшая разработка теории синтаксиса в тюркском языкознании связана с изучением синтаксических конструкций на широкой сравни-

тельно-исторической основе. Если выводы в этом отношении могут быть неопределенны с точки зрения проблемы родства языков, то для теории синтаксиса в целом это даст несомненные положительные результаты.

В каждой области тюркского языкознания теперь возникают новые теоретические проблемы. В диалектологии настойчиво ведутся поиски эффективных методов исследования — экспериментально-фонетические записи в полевых условиях, лингвистическая география и т. п. Изучение истории отдельных тюркских языков, прежде всего бесписьменных в прошлом, ближайшим образом связано с методами сравнительно-исторического направления и, разумеется, предполагает широкое развитие филологической базы исследований — словари исторические, этимологические и т. д. Уже издавна наметилась в тюркском языкознании проблема двуязычия и языкового смешения в различных исторических условиях и результатов смешения, т. е. взаимного влияния на фонетику и грамматическую структуру, с одной стороны, тюркских языков и, с другой, подвергшихся «тюркизации» иных языков. Сейчас возникают новые проблемы, заслуживающие внимания, например образования новых литературных тюркских языков и проблема их развития и др. В данном случае нам хотелось бы сосредоточить внимание на наиболее значительных научных проблемах сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

3

Обращает на себя внимание известная односторонность проблематики в области тюркского языкознания; до сего времени доминируют описательные грамматические темы, словари, описание диалектов, реже лингвистические атласы и т. п. Почти отсутствуют темы по истории тюркских языков и сравнительной грамматике. С другой стороны, исследования отдельных тюркских языков ведутся недостаточно, например, в башкирском, татарском и якутском филиалах АН СССР, в институтах языка и литературы Чувашии, Горно-Алтайской АО, в Хакасии и в Туве. Систематически не изучаются языки некоторых малых тюркских народов — долган, тофаларов, чулымцев и др.

В известной мере были справедливы упреки в адрес советских тюркологов именно в забвении сравнительно-исторического метода в тюркском языкознании. Такого рода упреки высказывались и в отношении тюркологии в целом, поскольку опыты разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков по существу только начались в широких масштабах; до сего времени дело ограничивалось отдельными этюдами и разрозненными наблюдениями. Первая крупная работа в этом направлении — «Phonetik der nördlichen Türksprachen» В. В. Радлова очень скоро устарела и не могла оказать решающего влияния на успехи сравнительно-исторического метода в тюркологии. Нельзя забывать, что исследование В. В. Радлова появилось до дешифровки орхонских и енисейских надписей и новых открытий в Восточном Туркестане; В. В. Радлову не было известно о существовании словаря тюркских языков в XI в. Махмуда Кашгарского, не были еще достаточно отчетливыми представления и о многих живых тюркских языках и диалектах.

Природа агглютинативных тюркских языков с особыми формами слова, где В. В. Радлов выделял резко отграниченные «знаменательную» и «формальную» части, характер фонетических изменений на стыке корневой морфемы и суффиксов, изменчивость вокализма суффиксальных морфем в зависимости от конечных гласных корневых морфем, так же как и отсутствие непрерывности в письменных памятниках, создали определенные трудности в применении сравнительно-исторического метода при исследовании тюркских языков. Сложилось представление о «консерватизме и однородности тюркских языков», развившихся, как полагает, например, М. Рясянен, под влиянием «нивелирующего характера социологических

факторов», т. е. экстенсивного кочевого хозяйства и связанных с ним постоянных передвижений и т. п. Внимание ученых не всегда оправданно отвлекалось исследованиями генезиса и этимологии грамматических морфем, эталонов «гармонии гласных» в тюркских языках и т. д. Отрицательно сказалось у нас на развитии сравнительно-исторического метода в тюркском языкознании влияние «нового учения о языке». Ряд лет исследования сравнительно-исторического направления в тюркском языкознании почти не проводились; практически приостановилась подготовка специалистов в этой области. В результате и в данное время самый сравнительно-исторический метод часто представляется очень упрощенно и сводится к сопоставлениям отдельных изолированных фактов в разных тюркских языках или к столь же упрощенному сопоставлению одного из современных тюркских языков с древнетюркскими языками, хотя известно справедливое замечание С. Е. Малова, что языки любого из древних памятников «трудно представить пока по нашему недостаточному знанию как предка того или иного определенного современного нам тюркского языка».

В настоящее время в Институте языкознания АН СССР запланированы на ближайшие годы исследования по разработке сравнительной грамматики тюркских языков. Эта задача облегчена большим числом трудов В. Банга, Л. Лигети, Ю. Ф. Немета, Е. Д. Поливанова, Б. А. Серебренникова, И. Бенцинга, М. Рясянена, Ж. Дени и других ученых, но круг проблем в этой области слишком велик и надо наметить на ближайшие годы ряд тем, разработка которых позволит подготовить максимально благоприятную почву для будущих исследований. В предварительном порядке можно выделить такой круг вопросов: а) проблема пратюркского вокализма и консонантизма; б) пратюркская акцентуация и проблема корневой морфемы в тюркских языках; в) относительное однообразие тюркских языков и проблема их классификации; г) древнейшие (индоевропейские, китайские, угро-финские, тунгусо-маньчжурские и т. п.) заимствования в тюркских языках и их хронологические рамки; д) древнейшие тюркизмы в славянских, индо-иранских и других языках и их хронологические рамки; е) тюркизмы домонгольской эпохи в русском языке и их хронологические рамки (напомним, что Отделение русского языка и словесности Академии наук на трехлетие 1898—1900 гг. наметило как особую задачу на премию имени М. И. Михельсона тему «Тюркские элементы в русском языке до татарского нашествия». Тема эта получила свое развитие в статьях П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша, С. Е. Малова, В. А. Гордлевского и др., но незаслуженно забыта нашими исследователями); ж) проблема «западнотюркских» и «восточнотюркских» языков и вопрос первоначальной общности тюркских языков; з) сравнительно-историческое изучение тюркских языков и аспекты диалектологических исследований.

Из всех перечисленных тем последняя, возможно, требует некоторых пояснений. В прежние времена тюркологи рассматривали тюркские языки как одну семью родственных наречий. Само словоупотребление отражало такого рода отношение к тюркским языкам. В предисловии к первому тому «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова упоминаются «джагатайский литературный язык» («dschagataische Schriftsprache») и «якутский язык» («jakutische Sprache»), во всех других случаях употреблен термин «наречие» («Dialect»). В проспекте комиссии по переизданию того же словаря В. В. Радлова (1928 г.) перечислены 99 тюркских языков, диалектов, говоров и подговоров, причем и здесь понятие «язык» распространялось только на старописьменные книжные языки: древнекыпчакский (куманский), древнеогузский язык *j*-группы Средней Азии, «древнетурецкий язык енисейско-орхонской письменности», литературный язык анатолийско-балканских турок сельджукского и османского периодов, староуйгурский литературный язык и «среднеазиатско-турецкий литературный язык исламской эпохи (IX—XX вв.)». Из живых тюркских языков лишь тувинский и якутский, поскольку они всегда признавались

изолированными в кругу других тюркских языков, отнесены к самостоятельным «языкам», все же прочие живые тюркские языки именуются в проспекте диалектами, говорами и подговорами, например ногайский диалект, астраханско-ногайский говор, кавказско-ногайские говоры; туркменский диалект, эрсаринско-туркменский говор, йомудско-туркменский говор и т. д.

Дело, разумеется, не в самих терминах: речь идет о понимании этих терминов. Мы отказались от прежних филологических представлений о древних книжных «языках» в противоположность живым «наречиям» и «говорам», ибо эти представления антиисторичны и не отражают объективного процесса образования тюркских языков и диалектов. Новые многочисленные диалектологические исследования говорят о том, что реальные процессы образования современных литературных национальных тюркских языков нельзя познать без учета размещения диалектальных групп и истории их образования, без тщательного изучения форм смешения и нивелировки диалектов и говоров и источников сложения междиалектных койне.

Мы располагаем сейчас описаниями различных диалектальных типов, например городских говоров (гор. Нухи — Н. И. Ашмарина, гор. Баку — М. Ш. Ширалиева и т. п.), областных или территориальных диалектов (описание татарских диалектов Л. Дж. Заляя и т. п.), «племенных» диалектов и говоров — туркменских, казахских, алтайских и т. д. С другой стороны, обнаружилось удивительное разнообразие самих диалектальных особенностей от самых многосторонних и резко выраженных, например в узбекских диалектах и говорах, до крайне ограниченных некоторыми фонетическими чертами и различиями в лексике, например в казахском языке (см. труды С. А. Аманжолова) и в якутском (см. исследования Е. И. Убрятовой) и т. д.

Рано или поздно нам придется вернуться к вопросам точного обозначения понятий языка, диалекта, говора и подговора и т. п. в тюркских языках. Все эти вопросы в какой-то мере уже поднимались в последнее время в докладах Е. И. Убрятовой, Д. Г. Тумашевой и монголиста Т. А. Бертагаева. Все более значительными становятся вопросы методологии и методики диалектологических исследований. Практически мы сталкиваемся с исключительным разнообразием условий образования территориальных и особо — городских говоров, с пережитками родо-племенных диалектальных делений, с появлением изолированных говоров и смешанных диалектальных групп в результате разновременных миграций и т. д. По мнению Е. Д. Поливанова, узбекские диалектальные группы образовались на почве объединения по меньшей мере трех генетически различных тюркских языков. В зонах интенсивного диалектального смешения возникали новые явления, например в среднем Хорезме в «джекающих» узбекских говорах произошли регулярные подмены начального *ǯ* посредством *j* под влиянием южнохорезмских узбекских говоров. Вместе с тем по всей территории Хорезма распространилась севернохорезмская форма настоящего времени на *-jatïr*, а южнохорезмская форма будущего времени на *-ažaq* проникла еще дальше и на всю территорию каракалпакского языка. В Ферганской долине «джекающие» говоры узбекских групп минг, сарай и других под влиянием местных старших диалектов почти утратили свои исконные черты. Здесь сложился общеферганский тип узбекских говоров. На почве диалектального смешения повсюду возникают новые контаминированные формы, например *megän* «мне» в говоре ферганских каракалпаков (<*maγan* × *meŋä*) или форма мн. числа *baγalar* «дети» в среднехорезмских говорах при ед. числе *bala* «дитя» (<узб. *bala* × туркм. *čaγa* «дитя») и т. д. Е. Д. Поливанов отметил в одном из «джекающих» узбекских говоров появление новой фонемы *ɔ* в первых слогах, которая была усвоена из окружающих узбекских городских говоров под влиянием «гиперурбанизма» и распространилась на случаи в первых слогах, где во всех узбекских говорах исконно имелся *a*, например казах.-найман.

sɔri «желтый», *tɔri* «просо» (во всех городских говорах *sariγ* и *tariγ*) и т. д. Этот факт известен во многих узбекских «джекающих» говорах.

Особенно многообразны и хронологически разновременны явления в области диалектальной лексики. Например, в узбекских областных самаркандско-бухарских говорах употребляются *jɔwuq* «близко, близкий», *jirɔq* «далеко, далекий»; в ташкентском говоре оба эти слова сохранились только в одном выражении *jɔwuq-jirɔq* «родня, близкие и далекие родственники» при обычных *jaqin* «близко, близкий» и *uzɔq* «далеко, далекий» и т. д.; в самом ташкентском говоре имеются два типа произношения в случае *ŭj* и *ŏj* «дом», а это имеет глубокую историческую перспективу. В тех же самаркандско-бухарских говорах употребляется регулярно *ėnäk*~*énäj* «корова», причем уже по одному этому слову упомянутые говоры резко отличаются от окружающих узбекских «джекающих» говоров, где всегда *sïjïr* «корова». Нигде больше в Средней Азии *enäk* «корова» не встречается, только далеко на восток в некоторых современных уйгурских говорах, в частности в диалекте желтых уйгуров, употребляется *enek* ~ *inek* «корова»; далее к северо-востоку начинается широкая зона, где распространено это слово: алт. *ijnek* ~ *ĕnek* «корова» (в женском языке), хакас. *inek* «корова», *ine* «самка», тюрк., сагайск., койбал. *inäk* ~ *näk* «корова», тув. *inek* «корова», якут. *inax* ~ *anax* «корова», тофалар. *inig* «самка лося», монг. разг. *üniee*(*n*), бурят-монг. *ünee*(*n*) «корова» и т. д. Так же широко это слово известно в «кыпчакских» и «огузских» языках Поволжья, Кавказа и Ближнего Востока: в карачаево-балкарском *inek* ~ *ijnek*, в кумыкском хайдакском диалекте *inek* (другие диалекты имеют *sïjïr*), в Codex Cumanicus *ynac*, в кыпчакском словаре XIV в. (Houtsma, 59) *inäk*, в чувашском *ĕne* ~ *ine*, в гагаузском *inek*, в азерб. *inäk*, в турецком *inek* «корова». Прослеживая изоглоссы слова «корова», мы, таким образом, фактически выходим за пределы тюркских языков. Кстати сказать, уже отмечалось, что скотоводческая лексика дает массу примеров общности в алтайских языках, и делались попытки объяснить это обстоятельство в связи с эпохой возникновения и развития скотоводства в Центральной и Средней Азии и, вероятно, в Приуралье и Причерноморье.

Особое место в исследованиях лексики занимают заимствования в тюркских языках и зоны распространения заимствований. Ю. Немет проследил, например, распространение слова *sirá* «пиво» (из др.-инд. *surā* «священный напиток»; ср. авест. *hurā* «алкогольный напиток, молочное вино, кумыс»). В древних памятниках этого слова нет, встречается оно только вокруг Алтая, в кыпчакских и поволжско-тюркских языках: алт., кирг. *sïra*, карач. *sïra*, башк. *hïra*, чуваш. *sŭra* «пиво». Таков же, примерно, круг распространения хазарских названий дней недели. Заимствования такого рода часто позволяют наметить хронологические рамки заимствования и условия распространения их.

Вообще лексика наряду с фактами фонетики и морфологии представляет исключительно ценный материал для сравнительно-исторических выводов и обобщений. И. Бенцинг настаивает, например, на противопоставлении западнотюркских языков восточнотюркским и находит ряд признаков морфологических и лексических, подтверждающих его теорию: вост.-тюрк. *tamγa* «тамга, знак собственности» — зап.-тюрк. *tuγra* (укр. *тавро* из тюрк., чуваш. *tura*); вост.-тюрк. *erin* «губы» — зап.-тюрк. *dudaq*, чуваш. *tuta*; вост.-тюрк. **kin* «пуп, пупок» — зап.-тюрк. **kop* (турецк. *göbek*, чуваш. *kavara*); вост.-тюрк. *āq* «белый» — зап.-тюрк. *sarï* «белый» (в вост.-тюрк. *sariγ* «желтый») и т. д.

Все эти примеры свидетельствуют о правомерности применения некоторых новых методов в тюркской диалектографии. Сейчас широко распространяются приемы лингвистической географии; начаты работы по составлению диалектологических атласов азербайджанского, узбекского, татарского и других тюркских языков. Вместе с тем возникает вопрос о составлении зональных атласов тюркских языков: а) Сибири, б) Поволжья

и Кавказа, в) Средней Азии и Казахстана. На первых порах здесь очень важно по линии координации этих работ предварительно согласовать диалектографические анкеты и вопросники с целью учета общих изоглосс на картах. Обоснованным и многообещающим является также предложение В. М. Жирмунского об атласе тюркских языков СССР. При вдумчивом отношении к делу атлас тюркских языков даст ценнейший материал для решения целого ряда проблем тюркского языкознания. Эта задача должна быть выделена особо.

Некоторые широкие проблемы истории отдельных тюркских языков, например якутского, чувашского и др., вопросы образования групп тюркских языков и их классификации, вопросы исторической грамматики и т. д., не могут быть разрешены без учета возможного родства тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими в первую очередь. Между тем исследований в области алтайского языкознания у нас очень мало, если не сказать, что они вообще не ведутся. Надо признать справедливым замечание о том, что наши отечественные тюркологи почти не проявляют необходимого интереса к проблемам алтаистики в целом. Разумеется, теория родства алтайских языков требует новых обоснований. Сама методика сравнительно-исторических исследований в алтаистике не разработана в достаточной степени; многие линии исследования, так хорошо обоснованные, например, в индоевропеистике и семитологии, не дают исходных данных в агглютинативных алтайских языках. Не находят оправдания многие прежние теории. Когда-то О. Бётлингк считал бесспорным доказательством родства урало-алтайских языков гармонию гласных, ныне специалисты склоняются к мнению, что гармония гласных, в частности в финно-угорских языках, не была изначальной. Согласно новой теории Ж. Дени, не была изначальной гармония гласных и в тюркских языках.

Сомнений много. Г. Рамстедт допускал, что в эпоху 500—600-х годов до н. э. между пратюркским и прамонгольским языками не было существенных различий. В. Банг, напротив, очень осторожно подходил к доказательствам родства тюркских и монгольских языков. Для него не было ясным, являются ли общие в тюркских и монгольских языках слова доказательством родства или они есть результат заимствований или субстрата. Покойный польский монголист В. Котвич склонился к той мысли, что тюркские и монгольские языки типологически близки, но не являются родственными языками. С такой же осторожностью оценивает данные о родстве тунгусо-маньчжурских и монгольских языков С. М. Широкогоров.

Вместе с тем в современной алтаистике значительно продвинулись вперед некоторые линии исследования в области сравнительно-исторической фонетики и морфологии. Выдвигаются новые теории (Е. Д. Поливанов, Г. Рамстедт) родства алтайских языков и корейского и т. д. В этой области на первых порах нам совершенно необходимо наладить систематическую научную информацию. Важное значение имеет также подготовка научных кадров в области сравнительно-исторического изучения тюркских и алтайских языков. В какой-то мере такого рода работа, но пока еще разрозненно и не систематично, проводится в ЛГУ (А.М.Щербак), в Башкирском гос. университете (Дж. Г. Киекбаев), в Ташкенте (группа в Институте языка и литературы АН Узб. ССР) и в Тувинском НИИЯЛИ (Г. Ф. Бабушкин).

4

Чем больше растет интерес к истории отдельных тюркских языков и к сравнительно-историческому их изучению, тем больше возрастает значение филологических задач в тюркском языкознании. И в этом отношении сделано за последние годы немало. Появились новые публикации памятников (Codex Cumanicus К. Грёнбека, его же издание старейшей

лондонской рукописи «Сказания о пророках» Рабгузи, «Нехджул-фарадис» Я. Экмана, «Огуз-наме» и «Мухаббат-наме», опубликованные А. М. Щербаком, «Мухаббат-наме» в издании Э. Н. Наджипа, критические издания сочинений Навои П. Шамсиева и Х. С. Сулейманова и пр.), в том числе ряд словарных источников («Мукаддимат ал-адаб» Замахшари, Кыпчакские словари А. Зайончковского, чагатайско-персидский словарь «Санглях» Дж. Клосона, «Бада'и ал-луғат» А. К. Боровкова и др.). Выросла специальная литература по исследованию знаменитого «Дивана» Махмуда Кашгарского. Продолжались публикации новых материалов по орхонике и уйгурике. Новейшие филологические исследования памятников древнетюркской письменности С. Е. Малова, Г. Рамстедта, А. фон Габен, Дж. Клосона и других ученых способствовали общему прогрессу филологической интерпретации памятников древнетюркской письменности. Открытия новых мелких памятников енисейско-орхонской письменности позволили советским археологам сделать чрезвычайно важные наблюдения и выводы относительно форм и распространения древнетюркской письменности и хронологических рамок развития енисейской и орхонской письменности (С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов).

Однако лингвистическое исследование отдельных памятников древней тюркской письменности и групп источников, наблюдения в области фонетики, орфографии и морфологии далеко еще не достаточны. Наши кадры тюркологов-филологов очень немногочисленны, их трудам не придается должного значения. Публикация работ этого направления всегда затруднена укоренившимися отчасти предрассудками о будто бы малом научном значении «атомистических» исследований, отвлекающих будто бы ученых от широких обобщающих трудов в области тюркского языкознания. В результате филологические исследования отрываются от общих проблем тюркского языкознания, находят место только в археологических и этнографических журналах и превращаются в род любительства.

Это приводит и к другого рода трудностям, весьма нежелательным. Задуманные в Институте языкознания АН СССР крупные и значительные труды, значение которых для развития филологической базы тюркского языкознания трудно переоценить, а именно — этимологический словарь тюркских языков и древнетюркский словарь, не «обрастают» попутными частными детальными исследованиями, которые привлекли бы широкое внимание наших тюркологов и втянули бы их в общую работу.

*

Все сказанное, разумеется, не исчерпывает многочисленных проблем современного тюркского языкознания, а только, хотелось бы думать, характеризует основные направления и задачи сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ХИНДИ

Структурно-типологическое изучение новоиндийских языков представляет особый интерес, так как на территории Индии в настоящее время можно наблюдать самые различные типы языковых контактов, редко встречающихся в таком многообразии в других местах. Одна из значительных трудностей на пути построения типологии новоиндийских языков заключается в отсутствии единообразно описанных фонологических систем этих языков. Исследователи интересовались преимущественно частностями новоиндийской фонологии [1]. В результате до сих пор нет описания системы дифференциальных признаков даже такого языка, как хинди. Частичному заполнению этого пробела посвящена настоящая статья.

*

Прежде чем обратиться непосредственно к предмету нашего исследования, необходимо решить вопрос о том, какие именно фонемы можно считать принадлежащими фонологической системе языка хинди. Вопрос этот достаточно сложен, так как хинди представляет собой язык, находившийся в длительном и тесном контакте с языками совсем иной фонологической (и грамматической) структуры. Лексика хинди изобилует заимствованиями из санскрита и из персидского языка (в меньшей степени также из английского). Языковые навыки, характерные для речи хинди, переносились, естественно, и на произношение заимствованных слов в разговорном языке. Фонологическая система хинди вступала в противоречие с санскритской или персидской фонологической системой, что приводило обычно к той или иной форме адаптации заимствованного слова [2]. Однако в литературном языке иногда могли сохраняться как отдельные фонемы чужого языка, так и не свойственная хинди дистрибуция фонем. Именно поэтому вопрос о выделении заимствованной лексики является релевантным для хинди.

При фонологической стратиграфии литературного хинди приходится учитывать несколько источников влияния на его фонологическую систему. Во-первых, это язык урду и особенно его разговорная разновидность — хиндустани, богатые персидско-арабской заимствованной лексикой. Во-вторых, это санскрит, точнее многочисленная санскритская лексика, распространяемая при помощи радио, прессы, специальных терминологических словарей и т. п. В-третьих, это местные разговорные диалекты хинди, фонологические системы которых часто довольно сильно отличаются от фонологической системы литературного языка.

[1] Обзор этих трудов за последнее время см. в работе: W. S. Allen, Indo-Aryan, «Phonetica», IV, 1, 1959, стр. 33—35. Единственную (и, надо сказать, довольно удачную) попытку описать один из новоиндийских языков с точки зрения дихотомической теории представляет собой статья: Ch. A. Ferguson and M. Chowdhury, The phonemes of Bengali, «Language», XXXVI, 1, 1960, стр. 22—59. Фонологическая система санскрита описана в книге: В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Санскрит, М., 1960, стр. 51—73.

[2] Хинди в этом отношении дает ценный материал для разработки тех лингвистических проблем, связанных с языковыми контактами, которые рассматриваются в работах Вейнрейха; см., например: U. Weinreich, Languages in contact, New York, 1953; его же, On the description of phonic interference, «Word», XIII, 1, 1957.

Какой бы вид современного литературного хинди мы ни взяли, в нем можно обнаружить сосуществование двух или более фонологических систем, из которых одна будет представлена в полном виде, а другие (персидская, санскритская, диалектная) — в виде отдельных элементов, проникших в литературный хинди вместе с лексическими заимствованиями и не адаптированных фонологической системой хинди [3]. Поэтому всякая попытка построения единой фонологической системы, которая охватывала бы все факты, неизменно будет приводить к несколько условным и абстрактным результатам.

При установлении инвентаря фонем в данной статье не будут приниматься во внимание те фонемы, которые явно принадлежат только персианизированному урду, а в речи большинства говорящих на хинди заменяются другими (фонетически более или менее им близкими) фонемами. Так, например, встречающиеся в персидских заимствованных словах увулярный смычный *q* и увулярные щелевые *x* и *γ* в хинди, как правило, заменяются соответствующими велярными *k*, *kh* и *g*. Следует отметить, что противопоставление велярных согласных увулярным отсутствует также и в речи значительной части говорящих на урду. Таким образом, в данном случае происходит регулярная парадигматическая интерференция в области согласных фонем.

Возможен, однако, и другой результат столкновения двух фонологических систем: фонемы одной системы могут быть усвоены другой системой. Такова именно судьба фонем *f* и *z*, попавших в хинди в составе персидско-арабской заимствованной лексики. В отличие от *q*, *x*, *γ*, звуки *f* и *z* произносятся всеми говорящими на литературном хинди (иное дело в диалектах). Они служат для различения смысла слов хинди, вступая в оппозицию с другими звуками на основании различных дифференциальных элементов. Иными словами, *f* и *z* представляют собой самостоятельные фонемы языка хинди. Принадлежность этих фонем к фонологической системе хинди подтверждается также наличием ряда отыменных глаголов, в составе которых встречаются *f* и *z*. Эти глаголы, образованные от имен персидского происхождения, построены по словообразовательным моделям хинди, например хинди *guzarnā* «проходить, жить, существовать» от перс. *guzar* «прохождение, существование», хинди *farmānā* «приказывать» от перс. *farmān* «приказ» и др.

При анализе согласных фонем хинди не будут учитываться диалектные особенности, хотя отдельные диалектные черты спорадически отражаются в литературном языке. Система согласных фонем и их противопоставления в разных диалектах могут довольно сильно отклоняться от той модели, которая свойственна литературному языку. Так, в диалектах могут отсутствовать некоторые оппозиции фонологической системы, характерной для литературного языка, например *š* — *s* (по диалектам — один сибилянт *s*), *j* — *z* (по диалектам только *j*), *f* — *ph* (по диалектам только *ph*), и, наоборот, могут использоваться оппозиции согласных, отсутствующие в литературном языке, например противопоставление по церебральности — нецеребральности среди сонорных: *l* — *ḷ*, *n* — *ṇ*. Различия же между согласными фонемами в словах хинди и в заимствованных санскритских словах относятся преимущественно к области дистрибуции. Задачи данной статьи ограничены изучением согласных фонем хинди на парадигматической оси. Изучение их на синтагматической оси не менее важно, но оно требует применения совсем иных методов исследования.

---

[3] О методике выделения нескольких фонологических систем, сосуществующих в одном языке, см.: Ch. C. Fries, K. L. Pike, Coexistent phonemic systems, «Language», XXX, 1, 1949. В качестве конкретного образца можно привести работу: H. Kučera, Inquiry into coexistent phonemic systems in Slavic languages, 's-Gravenhage, 1958.

*

В нашей статье делается попытка проанализировать согласные фонемы с точки зрения теории дифференциальных элементов [4]. Теория эта неоднократно проверялась на практике в применении к различным языкам [5] и обладает рядом неоспоримых достоинств. Преимущество новой фонологической теории по сравнению с прежним подходом заключается в том, что раньше, описывая фонологическую систему языка, исследователи имели дело с гораздо большим количеством единиц. В работах представителей пражской, московской и других школ единицей служила каждая фонема. Дихотомическая теория в фонологии, рассматривающая фонему как пучок дифференциальных элементов, позволяет в пределах данного языка описать все фонемы при помощи двенадцати (практически — менее чем двенадцати) соотносительных пар единиц, т. е. дифференциальных элементов. Эта теория дает возможность при исследовании фонологических систем разных языков использовать единый критерий — двенадцать пар дифференциальных элементов. Раньше же, когда единицей служила фонема, при описании разных фонологических систем приходилось оперировать несоотносимыми единицами. Важно отметить также, что количество дифференциальных элементов, позволяющих описать любую фонологическую систему, будет заведомо меньшим, чем количество фонем в самом малофонемном языке мира.

Новая фонологическая теория также дает возможность простейшим образом понять и описать ряд явлений в фонологии, трактовка которых при помощи прежних методов вызывала затруднения, например нейтрализацию оппозиций [6]. Теория дифференциальных элементов, однако, не может дать ответа на ряд вопросов, существенных при фонологическом анализе. Эта теория рассматривает только тот круг проблем, который связан с парадигматической осью фонологических систем, с инвентарем фонем. Изучение фонем по синтагматической оси не предусмотрено в рамках этой теории.

Практически исследователь обычно имеет дело с текстом или с сообщением. Теория дифференциальных элементов дает возможность извлечь из текста фонологическую систему. Но этой операцией не исчерпываются все задачи, стоящие перед исследователем. Для полного описания фонологической системы данного языка надо знать не только его фонологический состав, но и функциональную нагрузку каждой фонемы, правила ее дистрибуции (т. е. с какими фонемами она может вступать в сочетание, встречается ли она в начале, в конце или в середине слова, в заимствованных или в исконных словах и т. д.). Именно такая ограниченность дихотомической теории прежде всего вызывает критику ее противников [7].

[4] Мысли, которые легли в основу этой теории, были впервые высказаны Р. Якобсоном в 1939 г. (см. R. Jakobson, Observations sur le classement phonologique des consonnes, «Proceedings of the Third International congress of phonetic sciences», Ghent, 1939, стр. 34—41). Подробно дихотомическая теория фонем была изложена в работах: R. Jakobson, C. G. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis («Technical report», 13 [of the Acoustics laboratory of the Mass. inst. of technology], May 1952), 2-nd print., [Cambridge], 1955; R. Jakobson, M. Halle, Fundamentals of language, 's-Gravenhage, 1956. Изложение основ этой теории на русском языке и дальнейшая ее разработка на материале польской фонологической системы представлены в кн.: С. К. Шаумян, История системы дифференциальных элементов в польском языке, М., 1958.

[5] К сожалению, статья Метьюса (W. K. Matthews, Phonetics and phonology of Hindi, «Le maître phonétique», 3-me ser., 102, London, 1954), где эта проверка осуществляется в применении к хинди, оказалась нам недоступной.

[6] Об этом см.: В. В. Иванов, О приемлемости фонологических моделей, «Симпозиум по методике спектрального анализа речи» [1-го МГПИИЯ], М., 1960 (стеклограф).

[7] См., например: A. Martinet, Économie des changements phonétiques Berne, 1955, стр. 73—75; его же, Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), М., 1960; его же, Substance phonique et traits distinctifs, BSLP, LIII, 1, 1958. Здесь надо различать также критику тех авторов,

Исследование фонем на синтагматической оси имеет большое значение, хотя до сих пор эта область не была в достаточной степени разработана. Большие надежды можно связать с мыслями В. Винтера о возможности установления некоторых соотношений между количеством дифференциальных элементов, составляющих данную фонему, и спецификой ее сочетаемости [8]. Нужно думать, что дальнейшее исследование в этой области позволит при определении фонем соотнести показания парадигматической и синтагматической осей.

*

Теория дифференциальных элементов устанавливает единый критерий классификации как для согласных, так и для гласных фонем. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько правомерно с точки зрения этой теории рассмотрение в каком-либо языке согласных и гласных фонем по отдельности. Видимо, на этот вопрос следует ответить положительно уже потому, что в каждом конкретном языке лишь определенная часть дифференциальных элементов является общей и для гласных, и для согласных фонем, значительная же их часть входит в состав только согласных (соответственно: только гласных) фонем. Кроме того, различие между гласными и согласными, устанавливаемое авторами бинарной теории (т. е. теории дифференциальных элементов) лишь на парадигматической оси (отсюда возможность сочетания в одной фонеме таких дифференциальных элементов, как консонантность и вокальность — плавные сонорные — или неконсонантность и невокальность — глайды [9]), некоторыми учеными трактуется как чисто синтагматическое явление. Такая интерпретация вопроса, основанная на учете разной роли гласных и согласных в последовательности фонем, точнее — в пределах слога, также подтверждает правомерность специального изучения только гласных или только согласных фонем. Не следует забывать, что, рассматривая дифференциальные элементы согласных фонем какого-либо языка, нужно всегда иметь в виду и те узловые пункты, через которые можно «пройти» всю фонологическую систему данного языка.

В хинди такими «узловыми пунктами», связывающими в одну фонологическую систему гласные и согласные, являются *y* и *v*, которые с фонологической точки зрения можно интерпретировать как согласные аллофоны гласных *i* и *u*. В пользу такой трактовки говорит их близость в артикуляционном [10], акустическом и перцептивном отношении, а также наличие в языке многочисленных вариантов слов типа *gaĩ*/*gayĩ*, *laṛkĩā*/*laṛkiyā̃* и др. Поэтому на парадигматической оси *y*(*i*), *v*(*u*) можно охарактеризовать как фонемы, которым свойственна неконсонантность и невокальность.

которые просто не сумели удачно применить дихотомическую теорию (см. L. Z g u s t a, Die Unrichtigkeit des Prinzips der binären Digiti in der phonematischen Analyse, «Μνήμης χάριν. Gedenkenschrift P. Kretschmer», II, Wien, 1957). Иной характер носят методологически важные упреки Бар-Хиллела (см. Y. B a r - H i l l e l, Three methodological remarks on «Fundamentals of language», «Word», XIII, 1957, стр. 323—334).

[8] См. W. W i n t e r, Über eine Methode zum Nachweis struktureller Relevanz von Oppositionen distinktiver Merkmale, «Phonetica», IV (Suppl.), 1959.

[9] Критика С. К. Шаумяном подобной интерпретации плавных сонорных и глайдов имеет свои основания, так как она исходит из оценки фактов с точки зрения синтагматической оси. Тем не менее предлагаемые им усовершенствования (замена двух оппозиций: консонантность — неконсонантность, вокальность — невокальность одной: вокальность — консонантность, а также введение новой оппозиции: плавность — неплавность) не приводят к созданию более простой и экономной системы по сравнению с системой, предлагаемой авторами «Preliminaries...» (см. С. К. Ш а у м я н, указ. соч., стр. 32—33 и сл.).

[10] Подробную артикуляционную характеристику этих звуков см.: С. Г. Р у д и н, Очерк фонетики языка хинди, в кн.: «Русско-хинди словарь», под ред. В. М. Бескровного, М., 1957, стр. 1257—1272. Фонетическая близость согласных *y*, *v* и гласных *i*, *u* подчеркивается в книге: T. G. B a i l e y, Teach yourself Urdu, London, 1956, стр. XVI.

Эти фонемы встречаются в хинди в виде согласных или гласных аллофонов только в зависимости от дистрибуции. В приводимой ниже матрице идентификации фонем хинди за основные аллофоны принимаются согласные *y* и *v*.Таким образом,в хинди *v* не входит в оппозицию по звонкости — глухости с *f*: *v* противостоит губным смычным согласным *p*, *ph*, *b*, *bh*, как фонема, характеризуемая неконсонантностью и невокальностью,— консонантным фонемам, в то время как *f* противостоит им, как непрерывная фонема — прерывным.

Характерно также, что в хинди почти нет слов, которые различались бы только фонемами *v* и *f*. В данном случае синхронический анализ фонологической системы небезынтересно сопроводить также диахроническими данными. Звук *f*, проникший в хинди вместе с многочисленными персидскими (а в дальнейшем и с английскими) лексическими заимствованиями, встречается обычно в словах иной фонетической структуры, чем у исконной лексики хинди (т. е. в так называемых словах tadbhava). Этим и объясняется почти полное отсутствие в хинди слов, в которых *v* и *f* были бы противопоставлены друг другу так же, как *d* и *t* в *dāl* — *tāl*, *jh* и *ch* в *jhīl*—*chīl*, *b* и *p* в *bābū*—*bāpū* и т. д.

*

Необходимо сделать еще некоторые предварительные замечания относительно того, какие дифференциальные элементы являются в хинди общими для согласных и гласных фонем. Противопоставления фонем по компактности — диффузности и по низкой тональности — высокой тональности, характеризующие согласные и гласные фонемы не только в хинди, но и в других многочисленных языках, особых пояснений не требуют. Подробнее следует остановиться на некоторых оппозициях менее общего характера, которые свойственны фонологической системе хинди, как, например, назальность — неназальность, придыхательность — непридыхательность, долгота — краткость.

На основании оппозиции назальность — неназальность различаются согласные фонемы *t*, *d* — *n*; *th*, *dh* — *nh*; *p*, *b* — *m*; *ph*, *bh* — *mh*. Эта же оппозиция служит для различения всех гласных фонем хинди: *ī* — *ĩ*, *ī* — *i*, *e* — *ẽ* и т. д. У ряда гласных фонем данная оппозиция регулярно используется для различения отдельных грамматических форм глагола, например: претерит жен. рода ед. числа — претерит жен. рода мн. числа (*gaī* — *gaĩ*, *likhī* — *likhĩ* и т. д.), 2-е, 3-е лицо ед. числа сослагат. наклонения — 1-е и 3-е лицо мн. числа сослагат. наклонения (*kare* — *karẽ*, *khule* — *khulẽ* и т. д.), условное наклонение жен. рода ед. и мн. числа (*kartī* — *karĩ*, *ātī* — *ātĩ* и т. д.), а также для различения ряда грамматических форм вспомогательного глагола *honā*. Широко распространенная грамматикализация гласных по назальности — неназальности делает ее смыслоразличительную роль в хинди особенно важной.

Некоторые авторы в целях создания наиболее экономной системы описания предлагают трактовать новые гласные как сочетание неносового гласного с носовым согласным [11]. Для фонологической системы хинди такой способ описания не представляется целесообразным по целому ряду причин. Во-первых, существует большая артикуляционная разница между произношением носового гласного и последовательности неносового гласного + носовой согласный; правда, фонетический критерий никогда не должен играть решающей роли в установлении фонологических оппозиций. Во-вторых, дистрибутивные возможности носового гласного по сравнению с сочетанием неносового гласного с носовым согласным совершенно различны. Нако-

[11] Такую интерпретацию носовых гласных при фонологическом анализе предлагает, например, Г. Глисон (см. его «Введение в дескриптивную лингвистику», М., 1959 стр. 256).

нец, в-третьих, противопоставление носового гласного сочетанию неносового гласного с носовым согласным служит в ряде слов хинди единственным средством для различения смысла, в таких случаях, как, например: *ṭank* «мера веса» —*ṭa̰k* (императив от глагола *ṭāknā* «быть припаянным, быть спитым»);*tāntā* (причастие наст. времени муж. рода от глагола *tānnā* «тянуть») — *ta̰tā* «последовательность, ряд, линия», и др. Из всего сказанного следует, что в данном случае выбор более экономного способа описания не явился бы правильным.

Оппозиция придыхательность — непридыхательность является одной из важнейших оппозиций в применении к согласным фонемам хинди. Это признают даже те авторы, которые, стремясь к созданию предельно экономного описания фонологической системы хинди, интерпретируют придыхательные согласные как сочетание непридыхательной согласной фонемы с фонемой *h*[12]. С интерпретацией придыхательных как сочетания двух фонем вряд ли можно согласиться уже хотя бы потому, что слогораздел в хинди, обычно проходящий посреди группы согласных, никогда не делит на две части придыхательный согласный; в хинди это звуковая единица, принадлежащая одному слогу, например: *li-khā*, *pa-ṛhant*, а не *lik-hā*, *paṛ-hant* (подобно *mak-khī*, *can-dan* и др.). Кстати, интересно отметить, что сочетания спирантов с *h*, встречающиеся в заимствованной арабской лексике, в отличие от смычных придыхательных в словах tadbhava, разделяются в хинди на два слога, например, *iz-hār*, *as-hār*, *iš-hād* и др. Особенности дистрибуции придыхательных фонем также говорят в пользу их интерпретации как единых фонем, а не как сочетания двух фонем [13].

Иначе обстоит дело с так называемыми «придыхательными гласными» в хинди. Вопрос о существовании особых придыхательных гласных не совсем ясен еще и на фонетическом уровне изучения языка. Одни исследователи не выделяют самостоятельных придыхательных гласных, считая, что в этих случаях имеет место сочетание гласной фонемы с фонемой *h* [14]. Другие придерживаются прямо противоположной точки зрения, утверждая, что все гласные в хинди делятся на придыхательные и непридыхательные, причем оппозиция гласных по этому признаку не менее важна, чем оппозиция по назальности — неназальности [15]. Таким образом, оппозиция придыхательность — непридыхательность по сути дела признается фонологически релевантной и для гласных хинди. Наконец, есть ученые, которые при описании фонетических особенностей звуков хинди отмечают, что некоторые гласные, а именно *ā*, *a*, *e*, *o*, *ū*, могут быть придыхательными (соответственно *āh*, *ah*, *eh*, *oh*, *ūh*) [16]. Впрочем, поскольку речь идет об о п и с а н и и фонологической системы, каждый из предложенных трех типов анализа оказывается в принципе возможным, тем более что эти три типа описания взаимно обратимы. Выбор между ними определяется конкретными прагматическими требованиями [17].

При фонологической трактовке гласных хинди не представляется целесообразным принимать в качестве самостоятельной оппозиции придыхательность—непридыхательность. Во-первых, принятие этой оппозиции не сделало бы системы описания более экономной, так как наряду с придыха-

---

[12] См., например: J. J. G u m p e r z, Phonological differences in three Hindi dialects, «Language», XXXIV, 2, 1958, стр. 215.

[13] Кстати, авторы «Preliminaries...» отмечают (см. стр. 39 этой работы), что в языках, фонологической системе которых свойственно противопоставление придыхательных непридыхательным, обычно имеется также самостоятельная согласная фонема *h*.

[14] Этого взгляда фактически придерживается С. Г. Рудин (специально, правда, вопрос о придыхательных гласных в хинди им не рассматривается) (см.: С. Г. Р у д и н, указ. соч., стр. 1271; е г о ж е, Некоторые вопросы фонетики языка хиндустани, «Уч. зап. Ин-та востоковедения [АН СССР]», XIII, М., 1958, стр. 243—246).

[15] См. H.-J. P i n n o w, Über die Vokale im Hindī, ZfPh, VII, 1/2, 1953.

[16] См. T. G. B a i l e y, указ. соч., стр. XXVIII.

[17] Эта точка зрения удачно иллюстрируется в статье: R. T. N a s r, Velarization in Lebanese Arabic, «Phonetica», III, 4, 1959, стр. 203—208.

тельными согласными и придыхательными гласными все равно пришлось бы признать существование самостоятельной согласной фонемы *h*. Во-вторых, система гласных фонем стала бы асимметричной, так как по признаку придыхательности — непридыхательности, видимо, противопоставлялись бы не все гласные фонемы, а лишь часть их. В-третьих, такая фонологическая интерпретация менее полно подтверждалась бы фонетическими данными. Как показывают исследования Т. Бейли, особенности произношения некоторых гласных хинди перед *h* обусловливаются звуковым окружением (т. е. зависимостью от того, следует ли за *h* гласный или согласный звук) и влиянием ударения [18]. К тому же следует отметить, что в отличие от придыхательных согласных через «придыхательные гласные» может проходить слогораздел, например: *lo-hā*, *ra-hā* и т. д. Таким образом, оппозиция дифференциальных элементов придыхательность — непридыхательность будет считаться релевантной для согласных фонем хинди и не будет применяться к гласным фонемам.

Оппозиция долгота — краткость в работах многих авторов считается присущей как гласным, так и согласным фонемам хинди. Однако и в том и в другом случае есть веские основания для того, чтобы усомниться в правильности такой точки зрения. Соответствующие долгие и краткие гласные в хинди отличаются друг от друга не только количеством, но и качеством, причем фонологически релевантной является, по-видимому, именно степень открытости, а не долгота или краткость [19]. Поэтому точнее было бы употреблять для обозначения соответствующих долгих и кратких гласных фонем не одинаковые буквы с диакритическим знаком для передачи долготы, как это у нас принято (например, *a* — *ā*, *i* — *ī*), а разные буквы, как это делается обычно в работах английских ученых (например, *ə* — *a*, *y* — *i*) [20].

Так называемые «долгие согласные» в хинди могут противопоставляться соответствующим кратким, т. е. одинарным согласным как для различения значений отдельных слов, например: *pakā* (претерит от глагола *paknā* «созревать, вариться») — *pakkā* «спелый»; *patā* «след» — *pattā* «лист» и др., так и для регулярного различения грамматических категорий, например: *jānā* (претерит глагола «знать») — *jānnā* (инфинитив того же глагола); *bunā* (претерит глагола «ткать») — *bunnā* (инфинитив того же глагола) и др. «Долгие согласные» встречаются достаточно часто и на стыке двух морфем (*jān-nā*, *bun-nā*), и в таких словах, которые с синхронической точки зрения не поддаются морфологическому членению (*pakkā*, *pattā*). Разница между этими двумя типами слов существует только на уровне морфологического анализа. С фонетической точки зрения ее нет, поскольку «долгие согласные» всегда встречаются в хинди только в интервокальном положении и принадлежат к двум различным слогам (т. е. слогораздел проходит через «долгий согласный»). Все это указывает на правильность полифонематической интерпретации «долгих согласных» [21].

Таким образом, «долгие согласные» в хинди, контрастируя в интервокальном положении с простыми согласными и обладая такой общей харак-

[18] См.: T. G. B a i l e y, One aspect of stress in Urdū and Hindī, в его кн. «Studies in North Indian languages», London, 1938, стр. 198—199; e r o ж e, The pronunciation of Urdu and Hindi, там же, стр. 206; e r o ж e, Phonetic notes on Urdu records, там же, стр. 218.

[19] Аргументацию см.: H.-J. P i n n o w, указ. соч. Этого же взгляда придерживается Дж. Ферт [см. J. R. F i r t h, Phonological features of some Indian languages («Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, 1935»), в его кн. «Papers in linguistics, 1934—1951», London, 1957, стр. 50].

[20] Эту транскрипцию гласных фонем хинди ввел Дж. Ферт в своем очерке фонетики хинди, который включен в книгу: A. H. H a r l e y, Colloquial Hindustani, London, 1944.

[21] Возможности интерпретации геминат в различных языках мира рассматриваются в труде Н. С. Трубецкого: N. S. T r u b e t z k o y, Grundzüge der Phonologie, 2-e Aufl., Göttingen, 1958, стр. 156.

теристикой сочетания согласных фонем, как принадлежность к двум разным слогам [22], должны рассматриваться как сочетание двух одинаковых согласных фонем. Следовательно, в фонологической системе хинди оппозиция дифференциальных элементов долгота — краткость не является релевантной ни для гласных, ни для согласных фонем.

Сделав эти замечания относительно некоторых фонологических оппозиций и особенностей их интерпретации в хинди, согласные фонемы хинди можно идентифицировать на основе дифференциальных элементов так, как это сделано на таблице (см. стр. 30).

*

Как видно из матрицы идентификации согласных фонем (см. стр. 30), в современном хинди можно установить десять пар дифференциальных элементов: 1) вокальность — невокальность, 2) консонантность — неконсонантность, 3) непрерывность — прерывность, 4) яркость — тусклость, 5) звонкость — глухость, 6) компактность — диффузность, 7) низкая тональность — высокая тональность, 8) церебральность — нецеребральность, 9) придыхательность — непридыхательность, 10) назальность — неназальность. Объем оппозиций этих дифференциальных элементов весьма различен. Наибольшим объемом обладают оппозиции вокальность — невокальность, консонантность — неконсонантность, охватывающие все 34 согласных фонемы хинди. Плавные сонорные *r* и *l* обладают и вокальностью, и консонантностью, а глайды *y* и *v* характеризуются невокальностью и неконсонантностью. Все остальные согласные фонемы хинди являются невокальными и консонантными.

Оппозиция непрерывность — прерывность значима для 29 согласных фонем. По этому признаку непрерывные фонемы *s*, *š* и *z* противопоставлены прерывным *k*, *kh*, *g*, *gh*, *c*, *ch*, *j*, *jh*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *t*, *th*, *d*, *dh*; непрерывные *r*, *ƒ* — прерывным *p*, *ph*, *b*, *bh*; непрерывная фонема *y* — прерывным *c*, *ch*, *j*, *jh*; непрерывные *l*, *lh* — прерывному *r*. Две фонемы могут различаться только этим одним дифференциальным элементом, как например, *l* и *r*, но могут также различаться наряду с этим и другими дифференциальными элементами, например *k* и *s*, *p* и *v* и др. Оппозиций фонем только по одному признаку прерывность — непрерывность в хинди, как и в других языках, сравнительно мало, потому что число непрерывных фонем значительно меньше, чем прерывных. Между прочим, диахроническое изучение этой оппозиции показывает, что объем ее увеличился на протяжении истории развития фонологической системы. Отчасти это произошло в результате изменения этой системы в среднеиндийский период (ср. др.-инд. *l*—*r* и ср.-инд. *l*, *lh*—*r*), отчасти — вследствие адаптации фонологической системой хинди отдельных фонем (*ƒ* и *z*) заимствований в новоиндийский период из персидско-арабской лексики.

Оппозиция низкая тональность — высокая тональность охватывает 27 согласных фонем хинди. Она служит для различения заднеязычных и губных согласных (*k*, *kh*, *g*, *gh*; *p*, *ph*, *b*, *bh*), с одной стороны, и переднеязычных и среднеязычных согласных (*t*, *th*, *d*, *dh*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *c*, *ch*, *j*, *jh*), с другой; на основании этих же дифференциальных элементов противопоставлены носовые *m*, *mh* — *n*, *nh*; глайды *v*—*y*.

Оппозиция дифференцильных элементов придыхательность—непридыхательность охватывает в хинди 26 фонем. Только по этому признаку образуют бинарные оппозиции все смычные шумные согласные: *k*—*kh*, *g*—*gh*, *ṭ*—*ṭh*, *ḍ*—*ḍh*, *t*—*th*, *d*—*dh*, *p*—*ph*, *b*—*bh*; аффрикаты: *c*—*ch*, *j*—*jh*; носовые сонорные: *n*—*nh*,*m*—*mh*; плавные сонорные: *l*—*lh*. Вне этой оппозиции находятся все шумные щелевые: *ƒ*, *s*, *š*, *z*, *h*, а также сонор-

[22] Именно эти два критерия выдвигаются М. Сводешем как достаточные для интерпретации долгих согласных в качестве сочетания двух согласных (см. M. S w a d e s h, The phonemic interpretation of long consonants. «Language», XIII, 1, 1937).

Матрица идентификации согласных фонем хинди *

Дифференциальные признаки	Фонемы																															
	k	*kh*	*g*	*gh*	*c*	*ch*	*j*	*jh*	*ṭ*	*ṭh*	*ḍ/ṛ*	*ḍh/ṛh*	*t*	*th*	*d*	*dh*	*n*	*nh*	*p*	*ph*	*b*	*bh*	*m*	*mh*	*y*	*r*	*l*	*lh*	*f*	*v*	*š*	*s*	*z*	*h*
Вокальность (невокальность)	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	−	−	−	−	−	−
Консонатность (неконсонантность)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	−	+	+	+	+	−	+	+	+	+
Непрерывность (прерывность)	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	0	0	−	−	−	−	0	0	+	−	+	+	+	+	+	+	+	0
Яркость (тусклость)	−	−	−	−	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	0	0	−	−	−	−	0	0	0	0	0	0	0	0	+	−	0	0
Звонкость (глухость)	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	0	0	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	−	+	0
Компактность (диффузность)	+	+	+	+	+	+	+	+	±	±	±	±	−	−	−	−	0	0	−	−	−	−	0	0	+	0	0	0	−	−	0	0	0	0
Низкая тональность (высокая тональность)	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	−	0	0	0	+	+	0	0	0	0
Церебральность (нецеребральность)	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+	+	+	−	−	−	−	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Придыхательность (непридыхательность)	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	0	0	−	+	0	0	0	0	0	0
Назальность (неназальность)	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−	+	+	0	0	−	−	0	0	0	0	0	0

* Каждый из дифференциальных элементов может иметь положительное значение (вокальность, консонантность, непрерывность, яркость, звонкость, компактность, низкая тональность, церебральность, придыхательность, назальность) или отрицательное значение (невокальность, некомпактность, прерывность, тусклость, глухость, диффузность, высокая тональность, нецеребральность, непридыхательность, неназальность). Знак 0 выражает, что постановка данного вопроса в отношении той или иной фонемы некорректна, так как данный дифференциальный элемент не играет роли при идентификации фонемы.

ные: *y*, *r*, *v*. Противопоставление согласных фонем по придыхательности — непридыхательности (которое можно рассматривать как одну из разновидностей более общего противопоставления согласных по напряженности—ненапряженности [23]) представляет собой одну из характерных особенностей системы согласных фонем хинди. С точки зрения диахронического исследования можно сказать, что объем этой оппозиции постепенно возрастал. В древнеиндийский период она не распространялась на сонорные согласные.

Звуки *nh*, *mh*, *lh* образовались в результате изменения согласных в среднеиндийский период и вступили в оппозицию с соответствующими непридыхательными *n*, *m*, *l*.

Оппозиция дифференциальных элементов назальность — неназальность служит для различения 26 согласных фонем хинди: *m*, *mh* противопоставляются *p*, *ph*, *b*, *bh*, а *n*, *nh* противопоставляются латеральным сонорным *l*, *lh*, а также шумным (смычным и аффрикатам) *t*, *th*, *d*, *dh*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *c*, *ch*, *j*, *jh*, *k*, *kh*, *g*, *gh*.

Следует отметить, что в сочетании с церебральными согласными употребляется *ṇ*, с палатальными — $\tilde{n}$ и с велярными — $\bar{n}$, представляющие собой аллофоны фонемы *n*.

Объем оппозиции назальность — неназальность возрос на протяжении истории развития фонематической системы в связи с тем, что в среднеиндийский период, как отмечалось ранее, образовались придыхательные корреляты носовых: *n*—*nh*, *m*—*mh*, вступившие в оппозицию с соответствующими неносовыми придыхательными: *mh*—*ph*, *bh* и т. д.

На основании дифференциальных элементов компактность — диффузность в хинди различаются 23 фонемы. По этому признаку согласные, образуемые в задней части ротовой полости: *k*, *kh*, *g*, *gh*, *c*, *ch*, *j*, *jh*, *y*,— противопоставляются согласным, образуемым в передней части ротовой полости: *t*, *th*, *d*, *dh*, *p*, *ph*, *b*, *bh*, *f*, *v*. Церебральные занимают промежуточное положение между этими двумя типами согласных: *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh* являются диффузными по отношению к задним согласным *k*, *kh* и пр. и компактными по отношению к передним согласным *t*, *th* и пр. Поэтому в таблице место церебральных в оппозиции компактность — диффузность обозначено через $\pm$.

По яркости — тусклости различаются 22 согласные фонемы хинди. По этому признаку аффрикаты: *c*, *ch*, *j*, *jh* противостоят смычным согласным: *k*, *kh*, *g*, *gh*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *t*, *th*, *d*, *dh*, *p*, *ph*, *b*, *bh*; а среди шумных щелевых *š* противостоит *s*. На основании звонкости — глухости различаются 22 согласные фонемы хинди, образующие бинарные оппозиции всех непридыхательных и придыхательных смычных и аффрикат: *k* — *g*, *kh* — *gh*, *c* — *j*, *ch* — *jh*, *ṭ* — *ḍ*, *ṭh* — *ḍh*, *t* — *d*, *th* — *dh*, *p* — *b*, *ph* — *bh*, а также некоторых шумных щелевых: *s* — *z*. Противопоставление по звонкости — глухости шумных щелевых возникло в новоиндийский период в результате адаптации фонемы *z* в персидско-арабской заимствованной лексике (ср. хинди *sās* «свекровь, теща» — перс. [24] *saz* «инструмент, украшение»; хинди *sīnā* «сшить» — перс. *zīnā* «лестница» и т. д.).

Оппозиция церебральность — нецеребральность (которая представляет собой один из возможных видов более общей оппозиции диезная тональность — простая тональность [25]) имеет наименьший объем среди других оппозиций согласных фонем хинди: в ней участвуют 8 фонем. По этому признаку различаются два ряда переднеязычных смычных: церебральные *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh* и дорсальные *t*, *th*, *d*, *dh*.

---

[23] *Tense* — *lax*, по терминологии авторов «Preliminaries...» (стр. 36 и сл.).

[24] Помета «перс.» сопровождает слова, широко употребляющиеся в современном литературном хинди и некогда заимствованные из персидского языка.

[25] В «Preliminaries...» (стр. 31 и сл.) эта оппозиция обозначена: *sharp* — *plain*.

*

Помимо указанных церебральных фонем в хинди существуют еще два звука, одинаковых по месту образования: *ṛ* и *ṛh*. В матрице идентификации фонем они рассматриваются как аллофоны соответственно *ḍ* и *ḍh*. Между *ṛ* и *ṛh*, с одной стороны, и *ḍ* и *ḍh*, с другой, существует следующая дистрибуция. В начальном положении встречаются только *ḍ* и *ḍh*. В интервокальном, а также в конечном положении могут встречаться как *ḍ* и *ḍh*, так и *ṛ* и *ṛh*. Слов, которые различались бы только противопоставлением *ṛ*, *ṛh* и *ḍ*, *ḍh* при остальных одинаковых фонемах, по-видимому, не бывает, зато возможны фонетические варианты одного слова с чередованием *-ḍḍh-*/*-ṛh-* или *-ḍh-*/*-ṛh-*, например: *gaḍḍhā*/*gaṛhā* «яма», *buḍḍhā*/*būḍhā*/*būṛhā* «старый», *ḍhū̃ḍhnā*/*ḍhū̃ṛhnā* «искать» и др. В интервокальном положении *ṭ* противопоставляется *ṛ*, а *ṭh* — *ṛh*, так же как в начальном положении *ṭ* противопоставляется *ḍ*, а *ṭh* — *ḍh*, например: *choṭā* «маленький» — *choṛā* «бросил» [26], *gāṭh* «узел» — *gāṛh* «большой, прочный, густой»; ср. *ṭālnā* «отодвигать» — *ḍālnā* «бросать», *ṭhār* «холод» — *ḍhār* «спуск» и т. д. Все эти особенности дистрибуции не дают оснований рассматривать *ṛ* и *ṛh* как самостоятельные фонемы, противопоставленные *ḍ* и *ḍh* [27]. Таким образом, в данном случае фонемы и их аллофоны устанавливаются на синтагматической оси.

Следует обратить внимание еще на одну особенность дистрибуции *ṛ*. Помимо вариантности *ṛ*/*ḍ* в хинди возможна также вариантность *ṛ*/*r*, например: *baochāṛ*/*baochār* «ливень»; *ughāṛnā*/*ughārnā* «раскрывать, обнажать»; *ghabṛānā*/*ghabrānā* «беспокоить(ся)» и др. Наряду с этим можно привести достаточное число примеров, иллюстрирующих фонологическое противопоставление *ṛ* и *r*: *goṛā* «нога» — *gorā* «светлый, красивый»; *saṛnā* «гнить» — *sarnā* «продвигаться, осуществляться» и др. Остается предположить, что при чередовании *ṛ*/*r* в фонетических вариантах одного и того же слова сонорность *ṛ* является фонологически релевантным, а церебральность — иррелевантным признаком; при чередовании же *ṛ*/*ḍ* и *ṛh*/*ḍh* релевантной, наоборот, является церебральность, а иррелевантной — сонорность. Так или иначе, *ṛ* и *ṛh* не могут рассматриваться в хинди как самостоятельные фонемы.

*

Любую фонему хинди можно представить в виде пучка дифференциальных элементов, которые были рассмотрены выше. Пересечения 10 пар этих дифференциальных элементов образуют в хинди 34 согласные фонемы. Эти фонемы составляют определенную систему противопоставлений, которую можно изобразить в виде следующей схемы (см. рисунок).

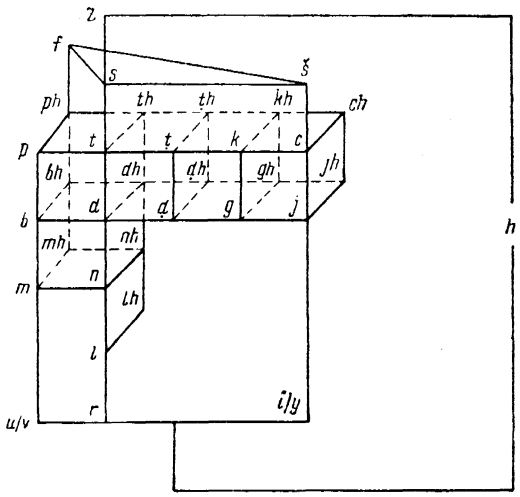
20 из 34 согласных фонем хинди образуют 5 симметричных четырехугольных структур. Фонемы, входящие в состав каждой такой структуры, объединяются рядом общих дифференциальных элементов, на основании которых они противопоставлены другим четырехугольным структурам. Так, для велярных (*k*, *kh*, *g*, *gh*) этими общими элементами являются тусклость, компактность, низкая тональность; для палатальных (*c*, *ch*, *j*, *jh*) — яркость, компактность, высокая тональность; для церебральных (*ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*) — тусклость, компактность по отношению к диффузным фонемам и диффузность по отношению к компактным, высокая тональность; для дентальных (*t*, *th*, *d*, *dh*) — тусклость, диффузность, высокая тональность; для лабиальных (*p*, *ph*, *b*, *bh*) — тусклость, диффузность, низкая тональность. Следует отметить, что одна из структур *c*, *ch*, *j*, *jh* противостоит остальным по яркости — тусклости.

[26] Не исключены, однако, и отдельные случаи чередования *ṭ*/*ṛ* в фонетических вариантах одного слова, например: *ghaṭ*/*ghaṛ* «кувшин для воды».

[27] Такого же взгляда придерживается и С. Г. Рудин (см. его «Некоторые вопросы фонетики языка хиндустани», стр. 234, примеч. 2).

Эти 5 четырехугольных структур построены по принципу изоморфизма. Каждая из входящих в их состав фонем отличается от соседней фонемы по горизонтали или по вертикали одним дифференциальным элементом: глухость, непридыхательность — глухость, придыхательность — звонкость, придыхательность — звонкость, непридыхательность.

Все фонемы, входящие в состав изоморфных четырехугольных структур, характеризуются прерывностью и неназальностью. Как прерывные они противопоставляются непрерывным фонемам *s*, *z*, *š* и *f*; *s* и *z* противостоят четырехугольной структуре дентальных, *f* — лабиальных, *š* — палатальных фонем. Между собой *s* и *z* различаются по глухости — звонкости; *š* противостоит *s* и *z*, как яркая фонема — тусклым и как компактная фонема — диффузным; *f* противостоит *š*, как диффузная фонема — компактной, и *f* противостоит *š*, *s*, *z*, как фонема низкой тональности — фонемам высокой тональности.



По неназальности фонемы изоморфных структур противостоят четырем назальным фонемам. Лабиальным неназальным противостоят *m* и *mh*, различающиеся между собой по непридыхательности—придыхательности. Остальным четырем изоморфным структурам противостоят непридыхательная назальная *n* и придыхательная назальная *nh*. Между собой *n*, *nh* и *m*, *mh* различаются по признаку высокая тональность — низкая тональность. Назальным фонемам *n*, *nh* противостоят неназальные фонемы *l*, *lh*, отличающиеся также и тем, что *n*, *nh* характеризуются невокальностью и консонатностью, а *l*, *lh* — вокальностью и консонантностью. В свою очередь *l* противостоит *r* по признаку непрерывность — прерывность.

Фонемы *l*, *lh*, *r* объединяются тем, что они сочетают в себе вокальность и консонантность. Им противостоят *y*, *v*, характеризуемые невокальностью и неконсонантностью. Между собой *y* и *v* различаются по компактности — диффузности. Вне оппозиций согласных фонем находится фонема *h*, релевантными признаками которой являются только невокальность и консонантность. Может быть, именно в связи с такой бедностью характеристики этой фонемы по парадигматической оси особенно интересно было бы изучение ее дистрибуции.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. ЗАБРОЦКИЙ

ЗАМЕЧАНИЯ О РАЗВИТИИ АРМЯНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

В противоположность консонантизму индоевропейского праязыка консонантизм армянского подвергся большим изменениям. Эти изменения обусловлены, в частности, так называемым передвижением согласных. Уже давно армянское передвижение согласных сравнивается с германским (между прочим, на это сходство указывал А. Мейе) [1]. В книге, посвященной усилению и лениции в индоевропейских и угро-финских языках [2], я старался установить внутренние закономерности обоих передвижений согласных. Как показывает мое исследование, в обоих случаях мы имеем дело с идентичными общими процессами чисто фонетического характера. Ни в прагерманском, ни в классическом армянском я не смог обнаружить действия каких-либо фонологических процессов. Только при анализе киликийского передвижения согласных я обнаружил необходимость считаться и с фонологическими воздействиями. Однако и здесь первоначально имел место чисто фонетический процесс; лишь позднее вступают в силу факторы фонологического уровня. В моей указанной выше работе современные армянские диалекты не рассматриваются.

В последнее время развитие армянского консонантизма вызвало живой интерес в языкознании. На Западе были опубликованы работы Г. Фогта и Э. Бенвениста [3]. В Советском Союзе вышла принципиально важная работа А. С. Гарибяна [4]. Гарибян пришел к выводу, что современные армянские диалекты не всегда проходили через состояние согласных классического армянского: в них наличествовало также и совершенно независимое развитие. Так, в этих диалектах, по Гарибяну, отсутствует передвижение согласных, характерное для классического армянского. Имеются, в частности, диалекты групп I и II, в которых до наших дней сохраняются древние индоевропейские звонкие придыхательные (mediae aspiratae).

Работа А. С. Гарибяна привлекла к себе большое внимание в науке. На нее откликнулись известные ученые, которые пытались поддержать указанный тезис и в той или иной форме приняли концепцию, согласно которой звонкие аспираты в современных армянских диалектах являются непосредственным продолжением тех же индоевропейских звуков. Сюда относятся статьи известного болгарского лингвиста В. И. Георгиева и парижского германиста Ж. Фурке [5]. Работа Фурке основана на материа-

[1] А. Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., 1952.

[2] L. Zabrocki, Usilnienie i lenicja w językach indoeuropejskich i w ugrofińskim, Poznań, 1951.

[3] См. H. Vogt, Les occlusives de l' arménien, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», XVIII, Oslo, 1958; E. Benveniste, Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien, BSLP, LIV, 1, 1959.

[4] А. С. Гарибян, Об армянском консонантизме, ВЯ, 1959, 5.

[5] В. И. Георгиев, Передвижение смычных согласных в армянском языке и вопросы этногенеза армян, ВЯ, 1960, 5; Жан Фурке, Генезис системы согласных в армянском языке, ВЯ, 1959, 6.

ле Гарибяна. За указанными статьями последовали еще две другие работы, написанные армянскими учеными Э. Б. Агаяном и Г. Б. Джаукяном [6]. Оба ученых пытались опровергнуть основные тезисы А. С. Гарибяна. Я глубоко убежден, что им это полностью удалось. Прежде всего Гарибян не привлекает весь имеющийся материал; в работах такого рода необходимо учитывать все позиции в слове, а также все согласные и группы согласных. Лишь такой подход дает возможность составить себе правильную картину. В противном случае легко можно поддаться иллюзиям. Чисто фонологический анализ, проведенный Фурке, основывался, как уже говорилось, на материале Гарибяна. Поэтому ему присущи все слабые стороны исследования Гарибяна. Статья Г. Б. Джаукяна и в особенности прекрасная статья Э. Б. Агаяна внесли ясность в интересующую нас проблему: все армянские диалекты прошли через древнеармянскую ступень передвижения согласных. Консонантизм современных армянских диалектов может быть выведен только из древнеармянского консонантизма, из так называемого грабара, т. е. классического армянского.

Так как в своей указанной выше работе я подробно рассматривал возникновение консонантизма древнеармянского языка, то в настоящей статье коснусь в основном лишь исторического анализа консонантизма современных армянских диалектов, и прежде всего мне хотелось бы сделать некоторые принципиальные замечания относительно используемых мной методов анализа. Они опираются на основные принципы структуральной фонетики. Существуют фонетические процессы, не зависящие от фонологического уровня. Это — механические процессы, охватывающие в принципе все звуки и сочетания звуков. Если мы устанавливаем, скажем, что те или иные звуки не охвачены каким-либо фонетическим процессом, то необходимо объяснить, почему это происходит.

Возьмем, например, передвижение согласных. Если предполагать, что этот процесс обусловлен усилением воздушной струи, то усиление это должно было относиться ко всем звукам, в том числе к плавным и гласным! Необходимо поэтому объяснить, почему передвижение согласных затронуло только смычные. Я пытался сделать это в своей указанной выше работе. Методически необходимо тем самым исходить из принципа всеобщности фонетических процессов. В противном случае мы не пойдем дальше методов, которые применялись младограмматиками. Во-вторых, необходимо признать, что фонетические процессы являются основными процессами. Фонологические процессы вступают в действие как реакция против определенных фонетических процессов. Первые можно определить как фонетические, действующие в обратном направлении по сравнению с соответствующими основными фонетическими процессами. Так, фонетический процесс монофтонгизации, мыслимый как основной процесс, может вызвать фонологический процесс дифтонгизации. В принципе на определенном отрезке времени не могут действовать одновременно два противоположных чисто фонетических процесса. Если это происходит, то необходимо предположить воздействие фонологического уровня.

*

После замечаний относительно метода, применяемого в настоящей работе, можно обратиться непосредственно к нашей теме. Как уже говорилось, при первом армянском передвижении согласных имел место только фонетический процесс. Никакого воздействия на фонологическом уровне здесь не было. В результате передвижения согласных один из консонантных рядов был утрачен, а именно индоевропейский ряд чистых шумных согласных, т. е. ряд индоевропейских смычных непридыхательных. Ряд

[6] Э. Б. Агаян, О генезисе армянского языка, ВЯ, 1960, 4; Г. Б. Джаукян, К вопросу о происхождении консонантизма армянских диалектов, ВЯ, 1960, 6.

глухих придыхательных (tenues aspiratae) остался. Лишь *kh* превратилось в *x*; это, однако, не было результатом процесса передвижения согласных! На месте старого *kh* появилось новое из и.-е. *k*. Ко времени передвижения новые придыхательные согласные отличались от старых придыхательных. Лишь позднéе это различие было утрачено. В общем мы наблюдаем движение вправо, т. е. в направлении глухих придыхательных.

$$\xrightarrow{\quad}$$
$$bh,\ b,\ p,\ ph$$
$$b,\ p,\ p^{\epsilon},\ ph$$

Глухие придыхательные образуют как бы неподвижную точку. Общий кризис четырехрядной структуры разыгрался на подступах к этому неподвижному ряду. Процесс последовательного передвижения рядов как бы «разбивался» о стабильный костяк глухих придыхательных, которые передвижению не подвергались. Фонетический процесс усиления (Verschärfung) нейтрализовался самой природой этих звуков. Следует отметить, что в той части индоевропейского, из которой развился прагерманский, не было глухих придыхательных. Об этом говорят также и факты ларингальной теории. Поэтому здесь процесс передвижения согласных мог осуществляться полностью. В этом заключается принципиальное различие между германским и армянским передвижением согласных. В остальном в обоих случаях действовали одни и те же процессы, а именно — усиление тока воздуха с одновременным неадекватным усилением как глоттальных, так и супраглоттальных артикуляций.

В результате указанного усиления аспирированные звонкие в армянском превратились в звонкие спиранты, а затем постепенно перешли в смычные (при этом, как и в германских языках, сперва в начале, а потом в середине слова). Только *b̂* в середине слова осталось спирантом. В армянском *b̂* по своей природе было слабым звуком. В современных армянских диалектах сохранился старый спирант *v* в тех позициях, где он существовал в древнеармянском. Звонкие согласные в результате супраглоттального усиления перешли в глухие. Из основ структуральной фонетики мы знаем, что звонкость особенно характерна для спирантов и открытых звуков. Напротив, глухим благоприятствует образование супраглоттальной смычки. Таким образом, чем сильнее смычка, тем благоприятнее условия для глухости звуков, и, наоборот, чем больше открытость супраглоттальной артикуляции, тем легче озвончение звуков. Глухие согласные не могли противопоставить усиленному току воздуха соответствующую по силе артикуляцию. Поэтому в них произошла преждевременная эксплозия смычки, а отсюда — и аспирация. При дальнейшем развитии в середине слова произошла спирантизация и даже вокализация индоевропейских глухих. Однако это — более поздние процессы, в основе которых лежала тенденция к обязательному раскрытию звука; в середине слов в том же направлении оказывали влияние соседние гласные.

Группы согласных оказывают большее сопротивление разбираемым процессам. Более открытые простые согласные нейтрализуют усиленный ток воздуха. В связи с этим мы не наблюдаем передвижения носовых и плавных согласных. Эти звуки в соответствующих сочетаниях предохраняют и следующие за ними глухие. Звонкие согласные в сочетаниях такого рода сначала подверглись передвижению. Однако позднее под действием лениции они снова превратились в звонкие. Следы этих процессов хорошо прослеживаются во всех современных армянских диалектах.

Во всех армянских диалектах, кроме групп VI и VII, мы имеем дело со вторым передвижением согласных. Причина этого передвижения идентична той, которая обусловила передвижение согласных в древнеармянском. Опять мы сталкиваемся здесь с процессом фонетическим. Разумеется, что все согласные подвергаются воздействию усиленного тока воздуха. Изменяются, однако, только смычные и аффрикаты. При этом, как и

в древнеармянском, процесс передвижения не затрагивает глухих придыхательных. Поэтому, при условии закономерного развития, древнеармянские звонкие должны были стать глухими, а глухие — придыхательными. В результате этого процесса мы получили бы вместо трех рядов согласных только два ряда: глухие и глухие придыхательные. На данном этапе развития вступили в силу воздействия фонологического уровня, имевшие тенденцию не допустить разрушение трехрядной системы согласных. Все дальнейшее развитие консонантизма пяти групп западноармянских согласных определяется борьбой фонологического уровня с механическими тенденциями передвижения в рамках фонетического процесса усиления. Процесс передвижения на этом не останавливается, что, впрочем, характерно вплоть до наших дней и для германских языков. В общем можно сказать, что в современных (как и в древних) армянских диалектах центральных областей воздействие фонологического уровня было сильнее, чем в периферийных диалектах.

Киликийский диалект. IV группа

Киликийский диалект А. С. Гарибян причисляет к IV группе. Как уже говорилось, передвижение смычных происходило по направлению вправо. Смычные *b*, *d*, *g* постепенно превратились в глухие, и поэтому их передвижение было направлено в сторону древнеармянских глухих. Напротив, древнеармянские глухие вследствие усиления тока воздуха и неадекватного усиления супраглоттальной артикуляции подверглись аспирации. Таким образом, возникла опасность совпадения этих звуков с древнеармянскими придыхательными *ph*, *th*, *kh*, поскольку эти последние по своей природе нейтрализуют процесс усиления. В результате указанного развития на границе между древнеармянскими глухими и глухими придыхательными происходит фонологический кризис. Воздействие фонологического уровня создало выход из этого положения, вызвав поворот процесса усиления в обратном направлении. Древнеармянские глухие подверглись ослаблению (Lenierung) и поэтому в своем дальнейшем развитии двинулись в направлении древнеармянского звонкого ряда. Между тем место, которое занимали армянские звонкие, тем временем оказалось свободным, поскольку эти последние передвинулись в глухие. В результате древнеармянский ряд *b*, *d*, *g* превратился в *p*, *t*, *k*, а древнеармянский ряд *p*, *t*, *k* — в *b*, *d*, *g*. Подобные процессы не являются исключениями [7].

I группа

Эта группа прошла такой же путь развития, как и IV группа. Сперва в результате действия процесса усиления под влиянием закономерностей фонологического уровня возник ряд *p*, *b*, *ph* как непосредственное продолжение древнеармянского ряда *b*, *p*, *ph*. Однако здесь древний процесс усиления продолжал свое действие и дальше. То же мы наблюдаем в немецком языке после второго передвижения согласных (*d*- частично превращается в *t*-). Но теперь этот процесс мог действовать лишь в пределах нового ряда *p*, так как новый ряд *b* под воздействием фонологических закономерностей начал развиваться в другом направлении (подвергся ослаблению), вследствие чего усиление здесь не имело места. Из ряда *p* (древнеарм. ряд *b*) теперь должен был возникнуть ряд придыхательных. Однако под влиянием тенденций фонологического уровня развитие этого процесса остановилось на полпути. Возникла опасность слияния со старым рядом *ph* (др.-арм. ряд *ph*). Таким образом, опять процесс усиления сменился процессом ослабления. Полупридыхательные *p*, *t*, *k* превра-

[7] См. по этому вопросу: A. G. Haudricourt, A. Martinet, Propagation phonétique ou évolution phonologique?, Assourdissement et sonorisation d'occlusives dans l'Asie du Sud-Est, BSLP, XLIII, 1, 1947. Киликийское передвижение согласных подробно разобрано в указанной выше моей работе (стр. 162—170).

лись в *bh*, *dh*, *gh*. Тот факт, что из придыхательного *k* в результате ослабления может возникнуть *gh*, доказывается примером баварского диалекта (*ghind* из старого *khind*). В одной из частей этого диалекта отсутствовал звук *ph*; он перешел в *pf*, из которого путем ослабления образовалось *bf*[8].

Точно так же после второго усиления *p*, *t*, *k* не могли перейти в *b*, *d*, *g*, так как продолжал существовать ряд звонких. В связи с этим аспирация получила возможность дальнейшего развития и только смычка подверглась ослаблению. Так образовались в конце концов звонкие придыхательные и глухие придыхательные. Ранее мы имели фонологическую оппозицию : придыхательный : непридыхательный (глухой : звонкий). Теперь получилась оппозиция : глухой придыхательный : звонкий придыхательный : непридыхательный.

Схематически весь процесс развития можно изобразить следующим образом:

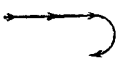
И.-е.		*bh*	*dh*	*gh*	*b*	*d*	*g*	*p*		*t*		*k*	*ph*	*th*	*kh*
Др.-арм.	I	*ƀ*	*đ*	*g̣*	*p*	*t*	*k*	*pʿ*		*tʿ*		*kʿ*	*ph*	*th*	*χ*
Др.-арм.	II	*b*,	*v*	*d*	*g̣*	*p*	*t*	*k*	*h*,	*w*	*th-*, *j*, *w*	*kh*	*ph*	*th*	*χ*

1 группа

1.	*b*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*					*ph*	*th*	*kh*
2.	*p*	*t*	*k*	*b*	*d*	*g*					*ph*	*th*	*kh*
2a	*b*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*					*ph*	*th*	*kh*
3.	*b*	*d*	*g*	*pʿ*	*tʿ*	*kʿ*					*ph*	*th*	*kh*
4.	*ḃ*	*d*	*g*	*bh*	*dh*	*gh*					*ph*	*th*	*kh*
4a.	*bh*	*dh*	*gh*	*b*	*d*	*g*					*ph*	*th*	*kh*

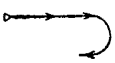
Объяснение таблицы

I — первый этап древнеармянского передвижения согласных;
II — второй этап древнеармянского передвижения согласных;
1 — состав рядов до второго передвижения согласных;
2 — ряды, получившиеся в результате второго передвижения согласных;

 — поворот фонетического процесса усиления в обратном направлении под воздействием закономерностей фонологического уровня;

2a — упорядоченная последовательность рядов: звонкие, глухие, глухие придыхательные;

3 — третье передвижение согласных или дальнейшее продолжение второго передвижения;

 — второе воздействие фонологического уровня в пределах ряда, затронутого кризисом;

4 — результат фонологического воздействия;

4a — упорядоченная последовательность рядов: звонкие аспирированные, звонкие глухие, глухие аспирированные;

—→— движение вправо вследствие усиления;

—→|— нейтрализация процесса усиления перед глухими придыхательными;

— кризисное положение перед глухими аспирированными;

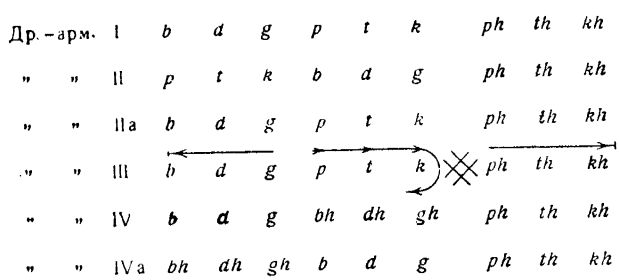
— слабая фонологическая тенденция к лениции.

[8] Ср. E. Kranzmayer, Historische Lautgeographie des gesammtbairischen Dialektraumes, Wien, 1956, стр. 115.

Таким образом, в результате второго воздействия фонологических закономерностей возник ряд аспирированных звонких смычных. Этот процесс оградил от распада древнеармянские звонкие смычные, которые в результате усиления попали в кризисное положение. Ряд, охваченный кризисом, остался теперь незамещенным. Как уже отмечалось, усиление, действовавшее со времени первого передвижения, вызвало в конце концов аспирацию глухих, вновь возникших в результате второго передвижения согласных. Надо полагать, что развитие придыхания при этом значительно продвинулось, в противном случае получились бы не звонкие аспирированные, а простые звонкие (ослабленные глухие). Этот процесс легко можно наблюдать в развитии немецкого ослабления после второго передвижения согласных. Только там в результате ослабления могли возникнуть простые ослабленные глухие, где придыхание было слабым и тем самым не являлось составной частью глухих звуков. В тех случаях, когда придыхание было более сильным, в результате ослабления получились звонкие придыхательные.

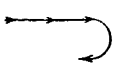
II группа

В развитии консонантизма II группы необходимо отметить некоторые отклонения от развития I группы. Это, однако, относится лишь к последней фазе развития (начало слова : середина слова). Сначала во II группе мы имеем дело с процессом дальнейшего усиления, наступившим после второго передвижения согласных (т. е. с тем же процессом, что и в I группе). Результат процесса также идентичен тому, что мы имеем в I группе. Таким образом:



Объяснение таблицы

I — древнеармянский;
II — второе передвижение согласных;
IIa — упорядоченная последовательность рядов: звонкие, глухие, глухие аспирированные;
III — третье передвижение согласных;

 — воздействие закономерностей фонологического уровня;

IV — результат этого воздействия;
IVa — упорядоченная последовательность рядов: звонкие, глухие, глухие аспирированные;
←— слабая фонологическая тенденция к лениции (после второго передвижения согласных);
—→| —нейтрализация усиления перед глухими аспирированными;

— кризисное положение перед глухими аспирированными.

Таким образом, позиция, в которой наличествовал кризис, снова освобождается. Приведенная выше схема относится только к позиции согласных в начале слова. В середине слова в этой группе можно наблюдать значительно меньшее усиление глухих, что вполне понятно. В середине слова легко осуществляется чисто фонетическое ослабление.

Звуки *-p-*, *-t-*, *-k-*, слегка подвергшиеся усилению, и здесь были затронуты действием фонологических тенденций. В результате появились простые звонкие, совпавшие с ранее существовавшими звонкими. Слабое развитие аспирации было результатом фонетического ослабления. Последнее охватывает все звуки в данной позиции. Переход глухих, затронутых аспирацией, в ряд звонких с точки зрения фонетики также представляет собой ослабление, однако процесс этот был вызван воздействием фонологического уровня.

Напротив, в начале слова в более позднее время мы наблюдаем усиление старых *p*, *t*, *k*, затронутых ослаблением. Это усиление имеет фонетический характер. Оно могло наступить после уменьшения ослабления под воздействием фонологического уровня. Это могло произойти после того, как *p-*, *t-*, *k-*, затронутые аспирацией, перешли в *bh-*, *dh-*, *gh-*. Позднее мы еще раз коснемся этой проблемы.

В айраратском диалекте в группе *r* + индоевропейская звонкая аспирированная мы находим не *r* + звонкая, а *r* + аспирированная глухая. Например, и.-е.**dhabhro* > др.-арм. *darbin* «кузнец» ≥ айрарат. *dharphin*. Ср. также айрарат. *harphel* ≤ др.-арм. *arbel* ≤ и.-е. **sṛbh* «черпать; пить». Это необычное развитие вполне возможно объяснить. Как известно, в индоевропейской группе *rbh* более позднее *ƀ* перешло в *b* также и в середине слова. В процессе второго передвижения согласных, как показывает киликийский диалект, это сочетание перешло в *rp*, которое развивалось в направлении *rph*, как и все другие древнеармянские звонкие. Однако в данном случае мы должны констатировать, что воздействие фонологического уровня не имело места. Произошло совпадение с индоевропейской группой *rph*. Поэтому в элементе *ph* сочетания *rph* мы имеем сохранение начальной ступени более позднего *bh*.

Все современные армянские звонкие придыхательные прошли через эту ступень развития. Так, *pind* «крепкий», приводимое Агаяном (указ. соч., стр. 46), могло быть продолжением др.-арм. *pind* независимо от того, произошло здесь передвижение согласных или его не было. В обоих случаях мы одинаково получили бы *pind* как конечный результат. Напротив, приведенная Гарибяном форма *pindh* (указ. соч., стр. 83) может, разумеется, представлять собой только подвергшуюся передвижению форму *pint*.

Как известно, в классическом армянском передвижению подверглись только группы *rd*, *ld*, но не группа *nd*. В случае *pindh* мы должны были бы считаться также с передвижением *nd*. Это означало бы, что в данном случае мы имеем дело с более интенсивным процессом передвижения.

Айраратское *axper* «брат», вероятно, развилось, из **aχpher*. Здесь также отсутствовало влияние закономерностей фонологического уровня. Группа *χph* [≤ *χb*] была упрощена в *χp*. То, что в середине и в конце слова во II группе процесс ослабления носил сначала чисто фонетический характер (ослабленный процесс усиления), можно видеть, между прочим, на примере мушского диалекта. В этом диалекте в сложных словах мы всегда находим звонкие согласные вместо глухих, стоящих в начале простых слов; например, др.-арм. *kerakur* «пища» представлено в мушском диалекте как *keragur*. Фонетический процесс ослабления препятствовал усилению *k* в *kh* и дальнейшему развитию его в *gh* под воздействием фонологического процесса ослабления. Вместо этого в результате воздействия фонологического уровня возникает *g*. Процесс ослабления не касался сочетаний согласных. Так, например, *p* в группе *rp* не подверглось ослаблению и могло развиваться в *ph*. Отсюда в конечном итоге должно следовать, что *pind* развилось из др.-арм. *pind*, не подвергшегося передвижению.

III группа

Диалекты этой группы расположены на западе и на севере Малой Армении. В этих диалектах, как и в киликийском, произошло второе

передвижение согласных. Дальнейшее усиление др.-арм. *b*, *d*, *g* было здесь вообще менее интенсивным, чем в группах I и II. Кризисное положение было снято фонологическим ослаблением *p*, *t*, *k*, однако поскольку эти звуки не были в достаточной мере придыхательными, они в конце концов совпали с *b*, *d*, *g*. Отсюда видно, что фонологические процессы в этом случае не смогли «спасти» трехрядную систему. Как мы уже говорили, в конечном итоге образовались два ряда согласных. Все это — периферийные районы армянской языковой области. Воздействие фонологических процессов имело здесь, если можно так выразиться, гибельный для фонологической системы результат. Однако основной костяк армянского консонантизма, т. е. глухие придыхательные, остался незыблемым. Как видно из приведенного выше материала, воздействие фонологического уровня является односторонним (unilateral), а не двусторонним (bilateral). Если бы это воздействие было двусторонним, то не могло бы произойти слияния со звонкими согласными.

IV группа

Эта группа рассматривалась нами как I группа (киликийский диалект).

V группа

Эта группа охватывает юго-западные периферийные районы армянского языка, а также север Месопотамии. И в этих диалектах второе передвижение согласных произошло сходно с киликийским. Однако при дальнейшем усилении др.-арм. *b*, *d*, *g* процессы фонологического уровня не вступили в действие. В связи с этим возникли аспирированные глухие, которые совпали с древнеармянскими глухими придыхательными. Это — единственный случай такого рода в армянском языке.

VI группа

Эти диалекты находятся на древнеармянской ступени развития консонантизма. Поэтому мы не имеем здесь дела со вторым передвижением согласных. Консонантизм этой группы сравнительно быстро стабилизировался.

VII группа

Эта группа включает в себя диалекты крайнего востока и частично юго-востока армянской языковой области. И здесь также не произошло второго усиления, наподобие киликийского передвижения согласных. Однако в этой группе диалектов позднее все же имело место второе передвижение, но действие его было весьма неинтенсивным. Оно затронуло лишь древнеармянские звонкие, т. е. наиболее слабые из смычных. Глухие оказали сопротивление процессу передвижения. Согласно основным положениям структуральной фонетики [9], передвижение всегда касается сперва лишь небольшого числа согласных. В данном случае речь идет о звонкости, вызываемой действием голосовых связок. Это, по-видимому, более позднее передвижение затронуло также соседнюю вторую группу армянских диалектов, обусловив оглушение звонких в начале слова. Однако такое развитие не всегда является обязательным. Нам известны случаи, когда в начале слова происходит фонетическое усиление, а в середине — ослабление, например в датском языке, а также в различных нижненемецких диалектах. В результате действия слабого усиления произошло совпадение древнеармянских звонких с глухими. Из этих рядов

[9] См. L. Z a b r o c k i, Zagadnienia fonetyki strukturalnej, Poznań, 1960, стр. 180 и сл.

согласных получилось два. Воздействие фонологического уровня не имело места. И здесь мы имеем периферийные районы армянской языковой области.

Как видно из приведенных выше примеров анализа, современное состояние армянского консонантизма можно без особых затруднений объяснить исторически. Подводя итоги, необходимо указать на следующее:

1. По всей армянской языковой области имело место передвижение согласных. Результаты этого процесса были такими же, как и в классическом армянском. Даже развитие $t \geqslant d$ в энклитическом положении (в и.-е. *tū* «ты») имело место во всех диалектах! Индоевропейские глухие придыхательные в армянском оказали сопротивление передвижению согласных. В основе этого лежали чисто фонетические причины. Данный факт привел к столкновению с древними индоевропейскими глухими, развивавшимися в направлении глухих придыхательных. Поле, занимаемое рядом глухих, стало поэтому кризисной позицией. Круг передвижения был задержан глухими придыхательными, которые сохраняли свое первоначальное положение. Вмешательство фонологического уровня не имело здесь места. Четырехрядная структура индоевропейского превратилась в трехрядную.

2. В области диалектов I—V групп произошло второе передвижение согласных. И в этих диалектах глухие придыхательные противостояли процессу передвижения. Поэтому опять создалась опасность совпадения глухих с глухими придыхательными и образования двухрядной системы согласных. Поле, которому угрожал кризис, опять оказалось перед глухими придыхательными. Однако здесь вступили в действие процессы фонологического уровня. Критическое положение оказалось снятым тем, что глухие подверглись ослаблению в результате воздействия фонологического уровня. Тем самым глухие в результате процесса ослабления (лениции) заняли место древнеармянских средних звонких, тогда как последние под влиянием усиления, сопровождавшего передвижение согласных, передвинулись на место древнеармянских глухих.

3. В большинстве диалектов (за исключением группы IV) процесс усиления продолжал свое действие. Впрочем то же явление можно наблюдать и в германских языках. Вплоть до наших дней германский консонантизм находится под влиянием передвижений, начавшихся еще в прагерманском. Процессы усиления и ослабления (последний главным образом в середине слова) действуют здесь попеременно. В армянском процесс усиления продолжает действовать в тех случаях (группы I—V), когда он не устраняется фонологическим ослаблением, т. е. в пределах ряда глухих (развившихся из древнеармянских звонких в результате второго передвижения). Звонкие (древнеармянские глухие) со времени второго передвижения были защищены от фонологического процесса ослабления. Поэтому снова создавалась «опасность» совпадения глухих, которые под влиянием процесса усиления должны были получить аспирацию, с древними глухими аспирированными. Кризисная позиция продолжает действовать на прежнем месте. И в данном случае древние аспираты противостояли новому (третьему) или скорее продолжавшемуся второму передвижению согласных.

Здесь наступает второе воздействие фонологического уровня, которое должно сохранить трехрядную систему. В общем кризисная позиция опять снимается. Направление смещения перед сохранившими стабильность глухими придыхательными было таким же, как и при втором киликийском передвижении согласных. Фонетический процесс принял обратное направление. Активизировался второй полюс процесса передвижения согласных, т. е. снова происходило ослабление (лениция). Однако в данном случае этим процессом (как это было при втором передвижении согласных) не были затронуты звонкие. Они все еще находились под защитой предшествующего фонологического процесса ослабления и по-

этому не были затронуты усилением. В центре передвижения согласных, т. е. в группах I и II, где процесс усиления проходил весьма интенсивно и где глухие (древнеармянские звонкие) успели стать глухими полупридыхательными, эти полупридыхательные в результате просто перешли в звонкие придыхательные. Таким образом, трехрядная структура сохранилась. Однако в периферийных областях (группа III) произошло совпадение со звонкими (⩽ древнеармянские глухие). В группе V, напротив, мы не наблюдаем никакого воздействия фонологического уровня. Поэтому здесь произошло совпадение глухих (древнеармянских звонких) с древнеармянскими глухими придыхательными.

4. Слабая форма второго передвижения согласных наблюдается также в VII группе. Оно коснулось только звонких. Воздействие фонологических процессов здесь не имело места.

Как видно из всего изложенного, при анализе развития армянского консонантизма мы привлекаем к рассмотрению как фонетический, так и фонологический процесс. Как уже отмечалось, фонетический процесс всегда является основным. Его воздействие носит чисто механический характер и затрагивает все соответствующие звуки. Фонологический процесс исходит из семантического уровня. Он возникает всегда как реакция на фонетические процессы и тесно переплетен с ними. Усматривая абсолютную основу фонетических процессов в фонологическом уровне и абсолютизируя значение этого последнего, мы неизбежно приходим к неправильным выводам. Однако из всего изложенного следует, что ни чисто фонетический, ни чисто фонологический анализ в большинстве случаев не дают удовлетворительных результатов. Оба вида анализа необходимо проводить одновременно, ибо они дополняют друг друга. Только после отделения явлений, обусловленных фонологическими процессами, можно установить чисто фонетические закономерности в развитии «звуковой субстанции» языка. То же относится и к фонологическим закономерностям, т. е. к воздействию фонологического уровня на направление фонетических изменений. И здесь следует точно разграничивать чисто фонетические явления от фонологических.

На основе одновременно фонетического и фонологического анализа диахронного развития армянского консонантизма я пришел к твердому убеждению, что концепция Р. А. Ачаряна и А. Мейе должна и впредь оставаться незыблемой. Что же касается статьи А. С. Гарибяна, то я считаю ее весьма плодотворной. Эта работа должна побудить сторонников концепции Ачаряна и Мейе к поискам позитивного исторического объяснения современного состояния консонантизма армянских диалектов. Небольшую попытку в данном направлении представляет и этот мой труд.

Первое, или древнеармянское, передвижение согласных

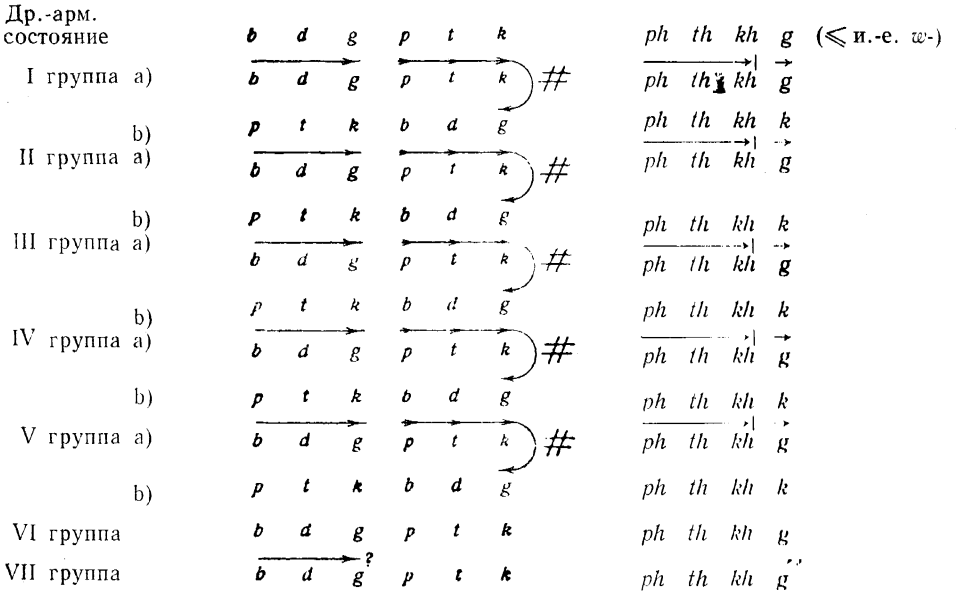
	bh	*dh*	*gh*	*b*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	※	*ph*	*th*	*kh*	*w*
И.-е.	→			→			→				→|		→	
Др.-арм.:														
a)	*b*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*p*ʿ	*t*ʿ	*k*ʿ		*ph*	*th*	χ	*g*
b)	*b*,*v*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*h*,*w*	*th*-,*y*,*w*	*kh*		*ph*	*th*	χ	*g*
I группа b)	*b*,*v*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*h*,*w*	*th*-,*y*,*w*	*kh*		*ph*	*th*	χ	*g*
II группа b)	*b*,*v*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*h*,*w*	*th*-,*y*,*w*	*kh*		*ph*	*th*	χ	*g*
III группа b)	*b*,*v*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*h*,*w*	*th*-,*y*,*w*	*kh*		*ph*	*th*	χ	*g*
IV группа b)	*b*,*v*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*h*,*w*	*th*-,*y*,*w*	*kh*		*ph*	*th*	χ	*g*
V группа b)	*b*,*v*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*h*,*w*	*th*-,*y*,*w*	*kh*		*ph*	*th*	χ	*g*
VI группа b)	*b*,*v*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*h*,*w*	*th*-,*y*,*w*	*kh*		*ph*	*th*	χ	*g*
VII группа b)	*b*,*v*	*d*	*g*	*p*	*t*	*k*	*h*,*w*	*th*-,*y*,*w*	*kh*		*ph*	*th*	χ	*g*

Объяснения:

a — первая фаза передвижения согласных;
b — вторая фаза передвижения согласных;
→ — движение согласных вправо вследствие процесса усиления;
→| — нейтрализация движения вправо (вследствие своеобразной структуры глухих придыхательных);

// — кризисное положение при движении согласных вправо.

Второе передвижение согласных



Объяснения:

— движение вправо вследствие процесса усиления;

— нейтрализация движения вправо;

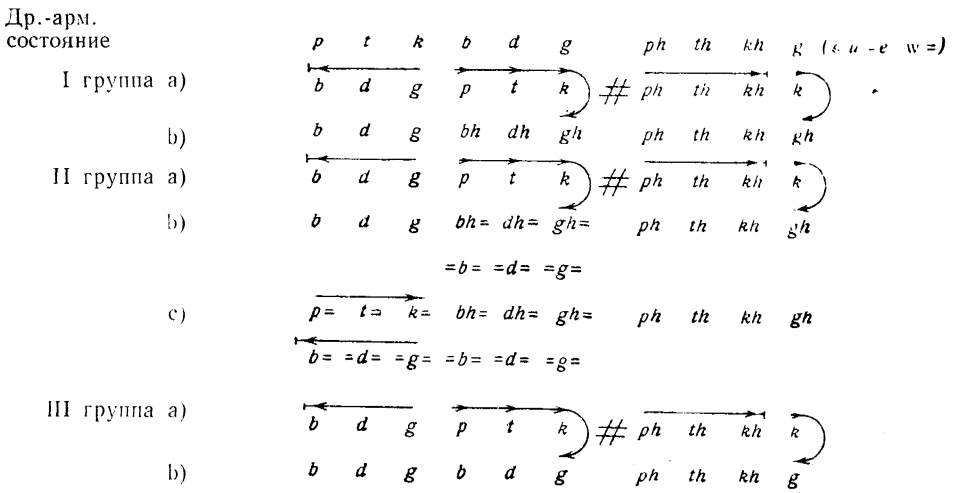
— воздействие фонологических процессов. Обратное развитие фонетического процесса: фонетическое усиление переходит в фонологически-фонетическое ослабление;

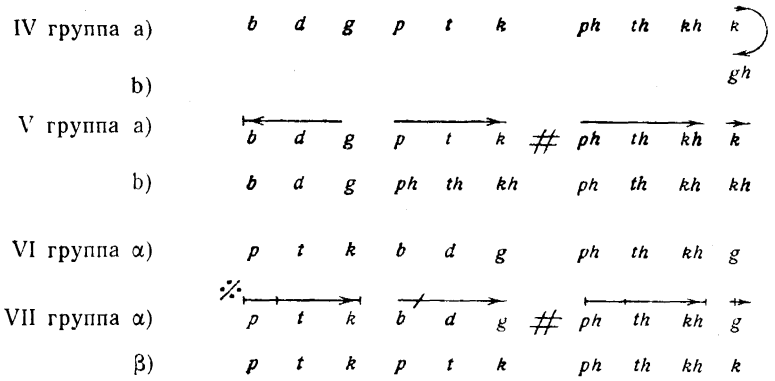
— кризисное положение (перед глухими придыхательными, не подвергающимися передвижению);

a — первая фаза передвижения согласных;

b — вторая фаза передвижения согласных.

Третье передвижение согласных (продолжение второго передвижения)





Объяснения и замечания:

— слабая фонологическая тенденция к ослаблению;

— развитие согласных вправо вследствие усиления;

— воздействие фонологических процессов. Обратное развитие фонетического процесса. Фонетическое усиление переходит в фонологически-фонетическое ослабление;

— нейтрализация процесса усиления перед глухими придыхательными;

— кризисное положение (перед глухими придыхательными, не подвергающимися передвижению);

— слабый процесс усиления;

— нейтрализация слабого процесса усиления;

— кризисное положение перед глухими при слабом процессе усиления;

α — состояние консонантизма после первого передвижения согласных;
b, β — состояние консонантизма после третьего передвижения согласных;
a — состояние консонантизма после второго передвижения согласных;
c — третье передвижение согласных (*b-*, *d-*, *g-*) в начале слова.

Согласно Агаяну, в IV группе армянских диалектов из др.-арм. *g* (⩽и.-е. *w-*) получилось *gh*. Точно так же в IV группе, по Агаяну, др.-арм. *d* в слове *du* (⩽и.-е. *tū*) переходит в *dh* (*dhun*, *dho*) др.-арм. *j* — в *jh* (см. Агаян, указ. соч., стр. 38, 40, 42).

Перевел с немецкого
М. М. Маковский

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

Ф. ФЕЙДИ

ЗАМЕТКИ ПО АРМЯНСКОМУ КОНСОНАНТИЗМУ

Теории, выдвинутые при исследовании текстов, точный фонетический состав которых неизвестен, очевидно, придется пересмотреть, как только техника описания диалектов того или иного языка достигнет такого совершенства, когда можно будет на этой основе выводить законы и строить соответствия.

Прежде чем перейти к проблеме взрывных согласных в системе армянского консонантизма, следует рассмотреть, что́ именно в звуковой системе классического армянского языка явилось основой для сравнения с индоевропейскими соответствиями (которые сами по себе гипотетичны). Взрывные классического армянского языка известны из следующего:

а) из гипотезы о том, что, в отличие от всех прочих фонем, подвергшихся эволюции [յ (у) и ղ (ł)], взрывные полностью сохранились на части армянской языковой территории и идентичны взрывным, известным нам по так называемому «восточноармянскому» произношению. Хотя методы исследования, на которых основана указанная гипотеза, не лишены недостатков, эту гипотезу можно в общих чертах считать вполне правдоподобной;

б) из транскрипции в классическом армянском слов, заимствованных из иностранных языков. Здесь, очевидно, следует быть чрезвычайно осторожным в выводах. Деление смычных на глухие и звонкие, чистые и придыхательные слишком примитивно и вряд ли может соответствовать сложным явлениям действительности; восприятие фонемы теми, кто ее произносит или слышит, часто весьма неточно; наконец, при транскрипции фонемы иностранного языка она передается знаком, который в о с п р и н и м а е т с я исследователем как н а и б о л е е б л и з к и й к транскрибируемой фонеме в его родном языке. Таким образом, транскрипция представляет собой лишь приближение.

Гипотеза о новом передвижении согласных классического армянского языка (которые рассматриваются как эквиваленты согласных современного восточноармянского) при образовании системы консонантизма, характерной для «современного западноармянского», основана на теоретически предполагаемом переходе глухих в звонкие и обратно; при этом не учитывается, что как «восточноармянский», так и «западноармянский» обнаруживают резкие диалектные различия. Даже в литературном произношении глухой восточноармянского вовсе не произносится как «передвинутый звонкий» западноармянского и наоборот. Я далеко не уверен в том, что армянин из западных областей произносит բաղ /pat/ «утка» или ձագ /tzak/ «детеныш животного» точно так же, как армянин из восточных областей произносит слова со значениями «стена» /pat/ и «дыра» /tsak/. Это особенно относится к аффрикатам, которые в теории подразделяются так же, как и взрывные; в западноармянском ջ/dš/ и ց/tz/ не являются ни полностью глухими, ни полностью звонкими.

Статья А. С. Гарибяна очень заинтересовала меня, ибо в течение долгого времени я ожидал появления наблюдений такого рода. Подобные наблюдения могли быть сделаны лишь арменистом, живущим непосред-

ственно в армянском окружении и опирающимся на результаты диалектального обследования. Уже давно я констатировал существование звонких придыхательных, причем придыхание особенно чувствительно для лабиального; однако я не был достаточно близко знаком с моими информаторами, чтобы расспрашивать их о том, откуда они происходят, не рискуя обидеть их. Судя по общему звучанию их говора, можно было предположить, что они происходили из западноармянских областей. Поскольку ни в одном из языков, граничащих с армянской языковой областью, нет звонких придыхательных, трудно, по моему мнению, предположить, что и.-е. *bh* в классическом армянском превратилось в *b* и затем, путем неожиданного регрессивного развития, снова перешло в *bh* в некоторых западных диалектах; мне кажется, что эти фонемы скорее представляют собой сохранение древнего состояния, чем результат обратного передвижения.

С другой стороны, я заметил, что в народном говоре Константинополя глухие представлены только глухими придыхательными, которые, по-видимому, утратили часть своего придыхания; кроме того, в этом говоре имеются два звонких, которые, как мне кажется, не являются идентичными: *գ* /g/ в *գլօխ* /glox/ «голова» — более слабый, чем тот же звук в *գլլել*/gllel/ «глотать» (*գ*). В данном случае мы имеем дело не с простой перестановкой глухих и чистых звонких при сохранении глухого придыхательного, а с изменением системы: мы обнаруживаем оппозицию двух звонких непридыхательных одному глухому придыхательному.

Учитывая два указанных положения: а) сохранение в некоторых диалектах звонкого придыхательного, б) различие в системе,— я пришел к выводу, что «западноармянский» не может представлять собой видоизменение классического армянского и что даже невозможно установить общую основу для классификации взрывных. Однако я не имел возможности производить свои исследования на месте и рассчитывал, что решение этой проблемы будет дано армянскими учеными. И действительно, появилась теория проф. Гарибяна, гораздо более разработанная в деталях, чем я мог надеяться, хотя некоторые факты еще трудно поддаются объяснению. Что касается отношения этой теории к концепциям германского передвижения согласных, то это находится вне моей компетенции.

Теория нового передвижения согласных из классического армянского языка в «западноармянский» основывается на удивительной регулярности соответствий; однако эта регулярность, хотя она и подсказывает мысль о наличии генетической связи, ничего не говорит о *направлении* передвижения. Что касается перехода фонем непосредственно из индоевропейского в армянский язык Малой Армении, то здесь для меня возникли некоторые трудности.

Прежде всего следует указать на тот факт, что *գ* (*gh* по Гарибяну) соответствовал не только и.-е. *gh*, но также и и.-е. *w*. Переход и.-е. *w* в классич. арм. *գ*/g/ (согласно традиционной теории) объясняется наличием переходной ступени **gw*. Разве невозможно, что в эпоху существования этой промежуточной ступени **gw*- подобная изолированная фонема могла подвергнуться аттракции со стороны *gh*, который входил в систему? Впрочем, этот переход и.-е. *w* в арм. *գ*/g/ не является регулярным, и даже представители традиционной теории вынуждены рассматривать наряду со случаями типа *գին* /gin/ «цена», *գործ* /gorc/ «работа» случаи типа *վեց* /veç/ «шесть» и *վաւիմ*/vaʔim/ «я горю». Если мы признаем возможным, что в двух дублетах одного и того же слова *վեր* /ver/ и *գեր* /ger/ «сверху» отражаются две различные трактовки и.-е. *w*, то можно допустить, что одна из этих трактовок является результатом аттракции. Эта аттракция **gw*, возникшего из и.-е. *w*, со стороны *gh* или *gwh* могла произойти в то самое время, когда и.-е. *gh*, перейдя в *ջ*/ǰ/ перед передненебным (имеются в виду случаи *ջերմ* /ǰerm/ «горячий» и *ջիլ* /ǰiɫ/ «сухожилие»), тем самым частично нарушал цельность системы звонких придыхательных и вы-

свобождал место в системе согласных, требующее восполнения. В свете сказанного произношение /ghidem/ слова *գիտեմ*, классич. арм. /gitem/ «я знаю» или /ghed/ слова *գետ*, классич. арм. /get/ «река» вполне оправдано.

Вторая трудность, касающаяся не только перехода индоевропейских согласных в армянский язык Малой Армении, но и внутренней системы языка, состояла в том, что в сочетаниях «свистящий или шипящий + + смычный» как в начальной, так и в конечной позиции, независимо от происхождения этих звуков, мы обнаруживаем фонемы одной и той же ступени в звуковом составе классического армянского и фонемы противоположных ступеней — в произношении западноармянского литературного языка. Что касается армянского языка Малой Армении, то указанная проблема не относится к звонким фрикативным, ибо следующий за ними смычный является звонким придыхательным; однако эта проблема встает в отношении глухих фрикативных с последующим звонким. Объяснение этого явления могло бы быть найдено моими армянскими коллегами.

Взяв на себя, по поручению ЮНЕСКО, обязанность перевести на французский язык «Давида Сасунского» (по согласованию с соответствующими академическими инстанциями в СССР), я, к сожалению, до сих пор не мог ознакомиться полностью с ценными работами, изданными в Ереване по этому вопросу. Однако при чтении текста «Давида Сасунского», изданного Государственным издательством Армении, бросается в глаза архаизм языка некоторых разделов эпопеи; и хотя диалекты различных частей «Давида Сасунского» не указываются, их происхождение может быть угадано. Наблюдения, которые можно сделать в отношении письменных текстов, должны, очевидно, ограничиваться областью морфологии и синтаксиса. Однако данные морфологии и синтаксиса также подтверждают маловероятность того факта, что все диалекты происходят из грабара. Я ограничусь двумя примерами:

1. В армянском, как и в других языках, употребление артикля развивается с течением времени в сторону обобщения (генерализации), и в современном литературном армянском языке область применения артикля очень широка (если отвлечься от известных синтаксических ограничений)[1]. В частности, нам представляется, что определение прямого дополнения, выражаемое предлогом /z/, является более ранним, чем определение, выражаемое артиклем, который в принципе может употребляться независимо от функции слова[2]. Между тем мы констатируем, что в современных литературных диалектах простой определенный артикль еще не употребляется с некоторыми падежами, в то время как мы находим употребление артикля с этими падежами в классическом армянском. Более того, в «Давиде Сасунском» мы находим отрывки, в которых определенный артикль вообще не встречается.

2. Вполне логично, как мне представляется, предполагать, что развитие системы происходит в направлении от системы сильного глагола к системе слабого. Но как объяснить использование форм типа следующих:

Դուք ինձի հալիք /Dowkᶜ inci halik'/ (классич. арм. *haleçik'*) («Давид Сасунский», стр. 298)

Հնպէս գրի/Ēnpēs gri/ (классич. арм. *greçi*) (там же, стр. 312);

Դու իմ աչք խաբիր /Dow im aĉk' xabir/ (классич. арм. *xabeçir*) (там же, стр. 359)?

Система сильного глагола в этих примерах является настолько жи-

[1] Ср. мою статью «Les articles en arménien moderne occidental», опубликованную в журнале «Pazmaveb» (1952, 7—9, стр. 171—179), особенно положение, касающееся определения и использования определенного артикля.

[2] Ср. мое сообщение Парижскому лингвистическому обществу, сделанное 2 VI 1951 г. (см. протокол в BSLP, XLVII, 1, 1951, стр. XXXII—XXXIV).

вой, что от слова *tamam* «полный», «законченный», заимствованного из арабского после классического периода, образовался глагол, который на протяжении всей эпопеи «Давид Сасунский» встречается в сильной форме перфекта *թամամաւ* /t'amamaw/. Сравнение западноармянского и восточноармянского литературных языков подтверждает более консервативный характер западноармянского, в котором широко употребительные глаголы все еще являются сильными: *ըրի* /əri/ «я сделал», *սկսայ* /sksay/ «я начал», *բերի* /beri/ «я принес» и т. д. (ср. формы *արեցի* /areçi/, *սկսեցի* /skseçi/, *բերեցի* /bereçi/ в восточноармянском). В западноармянском мы находим даже форму *ըսի* /əsi/ «я сказал», в отличие от классич. арм. *ասացի* /asaçi/.

Этим я вовсе не хочу сказать, что в развитии различных областей фонетики, морфологии и синтаксиса обязательно имеется параллелизм; я хотел лишь показать различия, которые существуют в разных аспектах между двумя большими ветвями армянского языка. В области лексики диалектология безусловно могла бы сообщить нам некоторые сведения, которые поддаются более непосредственному использованию. В армянском языке, взятом как целое, мы находим большое количество синонимов (например, *փնտռել* /p'ntṙel/, *որո՞նել* /oronel/). Исследование этих синонимов и распределения их по диалектам (поскольку нередко в разных диалектах одни синонимы употребляются предпочтительно перед другими) позволит, может быть, обнаружить сохранение индоевропейских слов, которые в одних районах больше поддаются этимологическому анализу, чем в других. То же относится к диалектным формам одного и того же слова. На первый взгляд такая форма, как *լապտր-ակ* /lapstr-ak/ «заяц» (вероятно, с метатезой *laprs* в *lapsr* и последующей эпентезой *-t-*), если она не является заимствованием, ближе к лат. *lepus*, *leporis* и к эолийск. *leporis*, чем *նապաստակ* /napast-ak/.

Было бы интересно внутри самого классического армянского, представляющего как бы сумму всего армянского языка, исследовать распределение по авторам указанных синонимов, а также некоторых мало употребительных слов, особенно тех, которые признаются по своему происхождению индоевропейскими. То же относится и к морфологическим дублетам; ср., например, изменение форм род. и твор. падежей мн. числа в зависимости от вокалического склонения: *աստեղաց* /astełaç/ и *աստեղաւք* /asteławk'/ от *աստղ* /astł/ «звезда» наряду с формами *աստեղց* /astełç/ и *աստեղբք* /astełbk'/[3]. В случае, если происхождение некоторых синонимов известно, указанное их распределение по авторам позволит обнаружить возможный вклад различных диалектов в общий лексический фонд и изучить состояние каждого из них. При этом вполне понятно, что фонетические явления имеют свое независимое развитие.

В заключение хотелось бы отметить, что тезисы коллеги Гарибяна представляются мне весьма правдоподобными, хотя в связи с ними возникают определенные трудности. Однако нельзя забывать, что и классическая концепция формировалась в процессе долгих дискуссий по конкретным вопросам и до сих пор не претендует на то, чтобы все объяснить. Новая теория А. С. Гарибяна имеет то преимущество, что дает возможность устранить проблему второго передвижения согласных из грабара в западноармянский. Это передвижение, которое можно было бы считать допустимым при рассмотрении литературного («официального») произношения современных восточно- и западноармянского, может вызвать только растерянность, даже при поверхностном рассмотрении диалектов. Необходимо также признать, что теория, развиваемая Гарибяном, отличается строгой логической последовательностью.

Перевел с французского
М. М. Маковский

[3] Любопытно отметить, что такое заимствованное из арабского слово, как *խաթր* (xat'r) «уважение, почтение»,в некоторых диалектах в род. падеже дает *խաթեր* (xat'er).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

Э. А. МАКАЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ

Понятие изоморфизма, обоснованное и утвержденное в математике[1] и применяемое в существенно математическом смысле также в других науках, например в химии, с недавнего времени было введено Е. Куриловичем в лингвистический обиход. Не представляется возможным заключить из работ Е. Куриловича, в какой мере их автор настаивает на математической интерпретации изоморфизма, когда вводит данный термин. Во всяком случае в работе «Понятие изоморфизма»[2] Е. Курилович, вводя без всякой квалификации данный термин, тут же говорит о параллелизме уровней языка, именно о параллелизме фонетических и синтаксических единиц. В своей последней работе, посвященной данной проблеме, Е. Курилович не дает никаких пояснений относительно термина «изоморфизм»[3]. Из содержания работ Куриловича, однако, явствует, что автор, употребляя данный термин, имеет в виду параллелизм структуры языковых единиц различных уровней. Об этом свидетельствует следующее его положение: «Фонические комплексы (например, слоги) и семантические комплексы (например, предложения), независимо от объединяющих их функциональных отношений, обнаруживают глубокий параллелизм структуры. Можно установить между ними удивительное сходство формы (изоморфизм). Важнейшей идеей глоссематики как раз является выяснение структурных черт, общих двум планам языка, фоническому и семантическому (выражение и содержание)»[4]. Некоторые языковеды предпочитают говорить о «сходстве структуры» («analogie de structure») разных единиц или разных уровней языка[5].

Когда за основу берется математическая интерпретация изоморфизма, не может быть сомнения в том, что к языку данное понятие неприменимо, как вообще неприменимо к языку ни одно математическое понятие. (Принятое у некоторых языковедов в лингвистическом обиходе употребление таких математических терминов, как «множества», «пересекающиеся множества», «классы» и пр., в настоящее время пока еще является «медью звенящей и кимвалом бряцающим», поскольку они предполагают наличие аксиоматики языкознания и подход к языку как дедуктивной системе, что пока еще лежит в области pia desideria.)

Хорошо известно, что в языкознании употребляется значительное количество терминов, общих с другими науками или заимствованных у других наук. Достаточно указать на «поляризацию», «ин-

[1] Ср., например, следующее определение: «При известных обстоятельствах отношение между двумя рядами в одно-однозначном соответствии называется изоморфизмом» [A. G. Oettinger, Automatic language translation, Cambridge (Mass.), 1960, стр. 46], и далее: «Отношение между двумя рядами в много-однозначном соответствии называется гомоморфизмом от многозначных рядов в однозначном ряду... Изоморфизм можно рассматривать как особый случай гомоморфизма» (там же, стр. 48); ср. также: С. К. Клини, Введение в метаматематику, М., 1957, стр. 30.

[2] J. Kuryłowicz, La notion de l'isomorphisme, в кн. «Recherches structurales» (TCLC, V), 1949, стр. 48.

[3] J. Kuryłowicz, Allophones et allomorphs, Сб. «Omagiu lui Iorgu Iordan...», Bucureşti, 1958.

[4] J. Kuryłowicz, La notion de l'isomorphisme, стр. 48.

[5] Ср., например, положения Л. Ельмслева: L. Hjelmslev, Note sur les oppositions supprimables, TCLP, VIII, 1939.

вариант», «дистрибуцию», «нейтрализацию» и т. п.[6]. Следовательно, речь может и должна идти о той лингвистической интерпретации, которую определенный термин получает в той или иной области языкознания, в зависимости от интерпретации соответствующего языкового явления. Поэтому необходимо для ответа на вопрос о применимости или неприменимости понятия изоморфизма к языку выяснить прежде всего, какая лингвистическая интерпретация будет дана этому термину.

*

Предлагается следующее рабочее определение понятия изоморфизма в языкознании: изоморфизм — это однотипность структуры конститутивных языковых единиц различных уровней, следствием чего является (или может являться) однотипность отношений между этими единицами на разных уровнях.

Можно сделать следующие выводы из данного определения.

1. Любая языковая единица всегда дана в структурной оформленности (или, в иных терминах, она всегда «структурирована»).

2. Любой уровень языка имеет ему присущую качественную определенность, известный набор языковых единиц и набор типичных отношений между этими единицами. Этим набором единиц и отношений между ними определяются принципы моделирования каждого уровня.

3. Все уровни языка непосредственно или опосредствованно связаны друг с другом. Этим определяется степень зависимости или иерархичности одного уровня по отношению к другому; так, дифференциальный уровень и фонемный уровень, фонемный и морфемный, морфемный и синтагматический уровни находятся в непосредственной зависимости, и представляется возможным установить иерархию перечисленных уровней.

С другой стороны, дифференциальный и морфемный, дифференциальный и синтагматический, фонемный и семантический уровни находятся лишь в опосредствованной зависимости, и не представляется возможным установить иерархию данных уровней. Поэтому при решении вопроса о наличии или отсутствии изоморфности у языковых единиц разных уровней следует исходить из уровней, находящихся в непосредственной зависимости, т. е. допускающих иерархическую градацию. Если это так, то тогда приведенный Е. Куриловичем пример изоморфизма слога (фонетический уровень) и предложения (синтагматический уровень) следует признать мало эффективным. В настоящей статье оставляется в стороне вопрос, в иной связи имеющий принципиальное значение, а именно: какой иерархической градации — восходящей или нисходящей — следует придерживаться при анализе языковых единиц (т. е. от единиц низшего уровня к единицам высшего уровня или наоборот)[7].

4. Вопрос об изоморфизме языковых явлений разных уровней был бы и вовсе излишним, если бы каждый уровень языка представлял собой замкнутое целое с набором единиц, встречающихся лишь на данном уровне и допускающих анализ лишь в пределах данного уровня при сознательном исключении единиц других уровней[8].

---

[6] По этому поводу П. Дидерихсен пишет: «История теории языкознания может быть представлена как история лингвистов, которые не доверяют надежности традиционных понятий их науки и которые усваивают понятия и термины из других, очевидно, более точных наук и применяют их при помощи двусмысленных аналогий к лингвистическому анализу; вначале термины заимствовались из логики, позже из биологии („организм", „эволюция"), физиологии, психологии, истории и т. д.; теперь очередь дошла до математики» (P. Diderichsen, The importance of distribution versus other criteria in linguistic analysis, «Reports for the Eight International congress of linguists», I, Oslo, 1957, стр. 23).

[7] О важности нисходящей градации при анализе морфемы см.: C. L. Ebeling, Linguistic units, 's-Gravenhage, 1960, стр. 107—108 и сл.

[8] См. об этом: K. L. Pike, Interpenetration of phonology, morphology and syntax, «Reports for the Eight International congress of linguists», II, 1957; L. Hjelmslev, указ. соч.

На самом деле система языка представляет собой пересечение разных уровней и пересечение единиц разных уровней. Точки пересечения позволяют обнаружить как различия, так и сходства единиц разных уровней. Языковая действительность обнаруживает, однако, следующее: наряду с единицами, типичными лишь для данного уровня (например, структура вопросительного предложения на синтагматическом уровне), гораздо чаще приходится иметь дело с единицами, проходящими сквозь разные уровни. Так, морфема является конститутивной единицей морфемного уровня, но выступает также на уровне синтагматики; слово является конститутивным элементом семантического уровня, но одновременно выступает и на морфемном уровне, и т. д. Данные конститутивных единиц, выступая на разных уровнях, всякий раз в известной мере преображаются, но это преображение, продиктованное иной конфигурацией элементов, иной функциональной нагрузкой и иными приемами членения, не затрагивает все же самого существа конститутивной единицы. Рассмотрим один случай: принципы членимости таких единиц, как слово и морфема, будут иными на разных уровнях. Так, слово на семантическом уровне является предельной единицей, не допускающей дальнейшего членения; на морфемном уровне слово членимо (или может быть членимо) на ряд морфем. Что касается морфемы, то она на морфемном уровне является предельной единицей, не допускающей дальнейшего членения; на фонемном уровне морфема членима на ряд более мелких единиц. Различные принципы членимости конститутивных языковых единиц на разных уровнях не меняют, однако, существа самой единицы, она лишь «преображается».

Быть может, в интересах более строгого лингвистического анализа было бы желательно ввести особую терминологию для единиц, проходящих сквозь разные уровни, или те же единицы на разных уровнях обозначать различно, например «слово» на семантическом уровне обозначить как «лексема», на морфемном — как «глоссема». Приходится в то же время отметить, что подобная многоярусная терминология конститутивных единиц окажется громоздкой и излишне затрудняющей при описании определенного языка и языковых единиц перекрещивающихся уровней. Наличие этих языковых единиц, проходящих сквозь разные уровни, оказывается возможным именно потому, что различные уровни и единицы данных уровней обнаруживают как черты структурного различия, так и черты структурного сходства.

Одной из отличительных особенностей семантического уровня является то, что конститутивные единицы данного уровня — слова — объединяются в определенные структурно-семантические единства, называемые семантическими полями. Принципы объединения слов в различные семантические поля, объем семантических полей, степень большей или меньшей сплоченности единиц в каждом из этих полей, соотношение центральных и периферических единиц данного семантического поля изменчивы в разных языках и на разных этапах развития одного языка, но при всех различиях проступают и определенные черты сходства: слово выступает не только как экспонент семантического уровня, оно является одновременно членом одного или чаще всего нескольких семантических полей, на пересечении и границах которых происходит нейтрализация семантических показателей слова.

5. Подобное объединение конститутивных единиц семантического уровня — слов — в определенные семантические поля не только свидетельствует о структурной оформленности и целостности семантического уровня в составе языковой системы[9], но позволяет говорить о сходном структурном принципе объединения языковых единиц других уровней. Действительно, подобно объединению слов в определенные структурные

[9] Здесь имплицитно принимается, что семантический уровень является составной частью системы языка, а не выносится за ее пределы.

разряды, или семантические поля, наблюдается объединение единиц других уровней в определенные разряды, группировки или «поля». На дифференциальном уровне фонемы объединяются в определенные пучки, которые можно было бы назвать фонемными полями; на морфемном уровне морфемы объединяются в многообразные перекрещивающиеся классы, или «морфемные поля»; на синтагматическом уровне синтагмы также объединяются в определенные разряды, или «синтагматические поля». При всем различии конститутивных единиц и при различии принципов их сцепления с несомненностью проступает то, что их всех объединяет — наличие на всех уровнях более широких разрядов или «полей», цементирующих, структурно спаивающих соответствующие единицы разных уровней, причем в пределах полей также господствует универсальный принцип языковой системы: иерархия всех ее элементов. Представляется заманчивым описание структурной оформленности, функциональной нагрузки и индуцирующего воздействия фонемных, морфемных, синтагматических и семантических полей с точки зрения ряда общих для всех них структурных признаков.

Неотъемлемой чертой языковой системы является то, что каждый языковой элемент наделен большей или меньшей степенью вариативности. Можно дать следующую схему вариативности языковых единиц на разных уровнях:

Аллофоны ~ фонемы
Алломорфы ~ морфемы
Аллосинтагмы ~ синтагмы
Аллолексемы (или глоссемы) ~ слова.

Помимо структурного параллелизма всех уровней, здесь важно то, что варианты приводят к инвариантам. Другой характерной чертой языковой системы является то, что количество инвариантов каждого уровня (известного рода исключением является лишь семантический уровень в силу его особой специфики) ограничено и на низших уровнях сводится к нескольким десяткам элементов, количество же вариантов каждого уровня теоретически не ограничено. В этом выборе достаточно ограниченного количества конститутивных единиц каждого уровня и типичных отношений между ними нельзя не видеть проявления принципа языковой экономии, в силу которого язык с таким успехом выполняет свою коммуникативную функцию. Было бы интересно иметь описание набора единиц каждого уровня, а также типичных отношений между ними с тем, чтобы можно было приступить к описанию принципов моделирования каждого уровня. Уже сейчас можно сказать, что принципы моделирования позволят обнаружить при наличии довольно ограниченного набора инвариантов каждого уровня значительную однотипность структуры языковых единиц различных уровней. Всюду будет реализоваться тенденция к языковой экономии, и лишь на метасемиотическом уровне (т. е. в области стилистики) языковое излишество станет добродетелью.

6. Другой неотъемлемой чертой языковой системы, позволяющей говорить об однотипности структуры языковых единиц разных уровней, является то, что при линейно-объемном характере системы языка, обусловленном переплетением синтагматических и парадигматических отношений, единицы всех уровней образуют парадигматические структуры: фонема, морфема, синтагма, слово — все эти конститутивные элементы имеют парадигматическую структуру или свою парадигму. Не подлежит сомнению качественное различие парадигм данных единиц, ибо однотипность структуры единиц разных уровней вовсе не предполагает полного параллелизма разных уровней или возможности определить систему A при помощи системы A^1 при условии тождественности структур обеих систем, но в то же время нельзя не видеть и того общего, что объединяет единицы разных уровней и что находит себе выражение в принципе построения парадигмы. То, что

единицы всех уровней имеют парадигматическую структуру и что это относится как к однолинейным единицам дифференциального уровня, так и к двусторонним (знаковым) единицам всех прочих уровней, не может не говорить о том, что не существует непроходимой грани между однолинейными и двусторонними единицами и что, следовательно, принцип А. Мартине «la double articulation linguistique» [10] страдает значительным преувеличением. При попытке моделирования элементов разных уровней должны выявиться как различия парадигматической структуры разных уровней, так и несомненно имеющиеся общие приемы построения парадигм у единиц разных уровней.

Одна конститутивная особенность характеризует механизм системы языка на всех ее уровнях, именно нейтрализация фонемных, морфемных, синтагматических и лексических оппозиций [11]. При всех различиях реализации нейтрализации в парадигматическом и синтагматическом направлениях, при всех различиях позиции нейтрализации на разных уровнях — всюду выступает структурная общность нейтрализации, предполагающая наличие на каждом уровне двух подсистем: одной — более широкой, с большим набором конститутивных единиц, и другой — более узкой, с меньшим набором конститутивных единиц. В то же время нейтрализация оппозиций на разных уровнях заставляет постулировать более сложные конститутивные единицы соответствующих уровней. Можно дать следующую схему:

Фонема ~ архифонема
Морфема ~ архиморфема
Синтагма ~ архисинтагма
Лексема ~ архилексема [12].

В этой конфигурации элементов языковой системы нельзя не видеть проявление изоморфизма архитектоники механизма языка. Нейтрализация несет еще одну импликацию. Дело в том, что парадигматическая структура языковой единицы покоится на двух полярно противоположных точках: на нейтрализации и на нулевых показателях. Поскольку парадигматическая структура всех уровней, кроме морфемного, мало разработана, в настоящее время представляется затруднительным со всей определенностью установить, в каком объеме и в каких структурных контурах должны быть введены нулевые показатели на фонемном, морфемном, синтагматическом и семантическом уровнях. В парадигматике нейтрализация и нулевые показатели представляют собой как бы узлы динамических напряжений, опорные пункты, позволяющие со всей четкостью определить как элементы устойчивости и равновесия, так и элементы неустойчивости и недостаточного равновесия всей парадигматики.

7. После того как станет реальным моделирование совокупности единиц разных уровней, а также типичных отношений между ними, будет возможной постановка вопроса о трансформации единиц одного уровня в единицы другого уровня. И здесь речь может идти лишь об уровнях, находящихся в непосредственной зависимости один от другого. Следует полагать, что целесообразность подобной процедуры будет диктоваться как реализацией проблем, связанных с общей теорией языка-посредника, с машинным переводом и детальной разработкой языкового кода, так и с насущными задачами описательного и сравнительного языкознания.

[10] A. Martinet, La double articulation linguistique, TCLC, V, 1949.

[11] Интересный пример лексической нейтрализации приводит Э. Бенвенист: индоевропейский корень **dhē-* имел значение «ставить» и «делать»; в некоторых сочетаниях происходила нейтрализация этих двух значений, например греч. βασιλέα τιυαθεῖναι «поставить, сделать кого-либо царем» (см. E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la reconstruction, «Word», X, 2—3, 1954, стр. 252—253).

[12] См. кн. «La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique»[«Travaux de l'Institute de linguistique...», II (1957)], 1958, стр. 69—70, где автор настоящей статьи с иной точки зрения рассматривал тот же вопрос.

8. Дело в том, что как для сравнительной, так и в еще большей степени для типологической грамматики чрезвычайное значение имеет прием лингвистической экстраполяции, стихийно применяемый компаративистами и специалистами по общему языкознанию, но до сих пор не получивший теоретического обоснования. Не будучи в состоянии подробно остановиться на данном лингвистическом приеме, укажу на то, что интенсивная разработка данного приема позволит значительно расширить наши возможности реконструкции предшествующих состояний языка на разных уровнях. Конечной целью или идеалом может явиться попытка по элементам одного уровня восстановить элементы других. Вот как об этом мечтал А. А. Потебня: «Ответить на вопрос о значении данной формы или ее отсутствия для мысли было бы возможно лишь тогда, когда бы можно связать эту форму с остальными формами данного строя языка, связать таким образом, чтобы по одной форме можно было заключить о свойстве если не всех, то многих остальных»[13]. Следует, однако, оговорить, что реконструкция элементов одного уровня по данным другого станет в известной мере возможной лишь тогда, когда: а) будет дано описание моделирования разных уровней; б) будет осуществлена трансформация единиц одного уровня в единицы другого уровня, находящегося в отношении непосредственной зависимости от исходного уровня. Нет нужды оговаривать, что подобная реконструкция мыслима лишь при условии однотипности структуры языковых единиц и типичных отношений между ними на разных уровнях.

9. Все вышеизложенные соображения относятся лишь к языковой системе или к коду и возможностям преобразования этой системы на разных уровнях. В стороне оставлены вопросы о применимости или неприменимости понятия изоморфизма во всех манифестациях речевой деятельности, т. е. в соотношении кода и сообщения (или, в иных терминах, схемы и употребления), литературной нормы и диалектов; оставлены в стороне и метасемиотические проблемы, а также рассмотрение принципов изоморфизма с точки зрения исторического развития языка. В настоящее время представляется затруднительным ответ на вопрос, в какой мере возможно и в какой мере целесообразно применение принципа изоморфизма не только к языковой системе, но к языку во всех его проявлениях.

10. На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам.

а) Явления изоморфизма, или однотипности структуры конститутивных языковых единиц и отношений между ними, отражают особенности системы языка и теснейшим образом связаны с его различными уровнями. Интерпретация изоморфизма в терминах математики в применении к языку непригодна, и вопрос о применимости или неприменимости данного понятия к языку может быть поставлен лишь после того, как будет дано лингвистическое осмысление данного понятия.

б) Разработка принципов синхронного описания языка на всех его уровнях, составление инвентаря единиц языка каждого уровня, описание приемов моделирования каждого уровня и, в дальнейшем, трансформация единиц языка с одного уровня на другой будет способствовать обнаружению не только различий в структуре языковых единиц разных уровней, что не нуждается ни в каком доказательстве, но и обнаружению однотипности структур единиц разных уровней.

в) При описании изоморфности языковых единиц следует строго соблюдать принцип иерархии уровней, т. е. исходить из уровней, находящихся в непосредственной зависимости друг от друга; недопустимо со-

[13] А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 62.

поставление конститутивных единиц уровней, не находящихся в непосредственной зависимости.

г) Все уровни языковой системы характеризуются некоторыми однотипными структурами: наличием ограниченного количества инвариантов при теоретически неограниченном количестве вариантов; конститутивные единицы всех уровней образуют парадигмы; в этом отношении дифференциальный уровень (или однолинейные единицы) ничем не отличается от прочих «знаковых» уровней (двусторонние единицы). Подчеркивание непроходимой грани между этими уровнями со стороны некоторых языковедов является сильным преувеличением.

д) Принцип изоморфизма теснейшим образом связан с лингвистической экстраполяцией и с приемами реконструкции различных уровней языка, а также с построением типологической грамматики. Без преувеличения можно сказать, что в основе лингвистической экстраполяции лежит положение об однотипности структур языковых единиц разных уровней.

е) При описании изоморфизма единиц системы языка применяются те же приемы исследования, которые применяются при синхронном описании любого языка или его отдельного уровня (прием дистрибуции, субституции и т. п.[14]); можно полагать, что особенно действенным при описании языковых единиц разных уровней и установлении однотипности их структуры окажется дистрибутивный и трансформационный анализ[15].

---

[14] Интересные наблюдения по данному вопросу содержатся в работе: C. B a e l l, Linguistic form, Istanbul, 1953.

[15] Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность И. А. Мельчуку, любезно согласившемуся прочитать статью в рукописи и сделавшему много ценных забечаний, которые были мною учтены.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ *

Вопрос № 18: «Как протекали процессы смещения и смешения границ между тремя стилями в области литературной лексики и фразеологии со второй половины XVIII в.?»

Одной из характерных черт системы трех стилей («штилей») русского литературного языка, как она сложилась к середине XVIII в., является стилистическая замкнутость, стилистическое единство контекста. Лежащее в основе этой черты соответствие стилистических свойств языковых элементов «материи», предмету повествования или рассуждения надо понимать лишь как зависимость языка от общего содержания, темы повествования, куда входит и характер авторского восприятия этого содержания, проникающее все повествование настроение. «Давление стиля» определяет отбор языковых средств для всего контекста независимо от характера данного конкретного предмета[1].

В литературе классицизма таким образом понимаемый контекст охватывает обычно целое произведение, содержание которого определяется жанром; поэтому связь языка с изображаемой «материей» выглядит в этой литературе как жанровая условность. Отношение «язык — жанр» является лишь производным от отношений «язык — предмет, тема, „материя“» и «предмет — жанр».

---

* Продолжение публикации ответов на анкету, помещенную в № 4 за 1959 г. (стр. 50—51).

[1] В связи со сказанным мне представляется сомнительным следующее утверждение Г. А. Гуковского в его «Очерках по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в.» (Л., 1938, стр. 238—239): «Слово в стиле „Россиады“ ...значит в меру точно определенного своего логического значения. Самый принцип высокости славянизма не является признаком эмоционального ореола вокруг данного слова (так было отчасти у Ломоносова), а является результатом детальной классификации точных значений... *Молодость*, *баран*, *смотреть* — эти слова были не просто словами иного эмоционального звучания, чем *младость*, *агнец*, *зрети*, а обозначают другие объекты: *молодость* относилась к фактам личной жизни человека, *младость* была общим понятием. Иерархия высокого и низкого в данной системе мысли и творчества была не столько иерархией выражений, сколько иерархией выражаемого. Это была не столько классификация слов, сколько классификация понятий. В конце концов синонимика, лингвистическая (славянизм — русизм) или стилистическая, исключалась».

Употребление славянизмов как знаков таких понятий, которые не охватываются их общеупотребительным синонимом, что связано с наличием у определенного круга славянизмов символического или обобщающего смысла, дополнительных ассоциаций или с обязательной прикрепленностью их к «высоким» объектам,— такое употребление было вне распределения по «штилям»; оно, действительно, указывает на частичное распадение или усложнение синонимического ряда. Елизавета — «Петрова *дщерь*» в любом стиле, как и «божественная *десница*» или «Юпитерова *длань*» и т. д. Позднее это окажется чрезвычайно важным. Но для литературы классицизма это лишь частный случай; во всяком случае это не исключает синонимических отношений стилистического характера. При этом для демонстрации отмеченного выше «давления стиля», стремления к стилистическому единству контекста особенно показательны случаи «возвышения» при помощи слова вполне «нейтрального» предмета или понятия типа *Как хворост огнь спешит в сухой пещи возжечь* у Хераскова в «Россиаде» или *Стук слышан млатов по ветрам* в «Водопаде» Державина (ср. в последнем случае прозаический комментарий Державина о том, что в Кивач «в сильную погоду по ветру слышно иногда бывает действие заводских машин») и т. п.

Принцип стилистического единства контекста и четкая противопоставленность таких контекстов друг другу определяют тот факт, что применительно к этой системе можно говорить о стилях не только как о группах, совокупностях определенным образом окрашенных языковых элементов, но и как о внутренне организованной, нормированной системе речевых контекстов[2]. Ведь М. В. Ломоносов не только группирует по стилистическим признакам «речения» и грамматические формы, но и дает правила конструирования из них самих этих «штилей», указывая, в частности, и на границы допустимых соединений слов из разных групп.

Основой системы, ее «душой» был средний стиль; поэтому существенным признаком данной системы является противопоставление высокого и низкого стилей среднему (а не противопоставление их друг другу). Средний стиль характеризуется при таком противопоставлении чисто негативно. При стилистической квалификации языковых элементов, если исходить из системы трех стилей, устанавливаются, таким образом, слова, формы, конструкции в ы с о к и е, т. е. определяющие высокий стиль, н и з к и е, т. е. определяющие низкий стиль, и н е й т р а л ь н ы е, общие. При этом для понимания дальнейшей судьбы литературного языка, его стилистической системы представляются существенными следующие два факта.

1. «Высокие» и «низкие» языковые средства не вполне соотносительны. Низкие слова и формы выполняют чисто характерологические функции и по существу выходят за пределы литературного языка[3]. Ведь только в низком стиле в этот период возникают некоторые специфические проблемы языка художественной литературы. Вообще же для системы трех стилей проблемы языка художественной литературы (речь идет именно о языке как таковом, а не о «языке», слоге) принципиально не отличаются от проблем литературного языка вообще. Поэтому представляется неправомерной сама постановка вопроса о том, имеем ли мы дело со стилями литературного языка или языка художественной литературы[4] (хотя и требуется учет своеобразия некоторых черт низкого стиля).

2. В пределах литературного языка отсутствует противопоставление книжной и разговорной речи. Литературное — это книжное. Разговорная речь до самого конца XVIII в. (или даже начала XIX в.) не являлась предметом литературной нормализации, хотя и была дифференцированной. Поэтому для характеристики лексики литературного языка как нейтральной не существенно совпадение или несовпадение с разговорной речью; она нейтральна по отношению к разным стилям литературного языка.

Литературный язык конца XVIII — начала XIX в., в частности так называемый «новый слог», нередко соотносят непосредственно с системой трех стилей, как она сложилась в ломоносовский период. Слабо учитываются процессы развития литературного языка во второй половине XVIII в. В лучшем случае говорят о нарушениях некоторых норм этой системы, выразившихся в смешении элементов разных стилей. Между тем эти процессы глубже и своеобразнее, они имеют самостоятельное значение. В связи с этим полезно обратить внимание на замечания Карамзина, Дмитриева, позднее Грота и других относительно «славяно-русского языка» второй половины XVIII в. [5].

---

[2] Может быть, можно различать эти два понимания термина «стиль» как «стили языка» и «стили речи»?

[3] См. тезисы доклада В. В. Виноградова в кн. «Тезисы докладов на Совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени», М., 1960, стр. 4.

[4] Ср. в третьем издании кн.: А. И. Е ф и м о в, История русского литературного языка, М., 1957, стр. 161 и сл.

[5] См. у Карамзина в «Пантеоне российских авторов» (в заметке о Кантемире): «Разделяя слог наш на эпохи, первую должно начать с Кантемира, вторую с Ломоносова, третью с переводов славяно-русских господина Елагина и много-

Развитие «славяно-русского языка» — свидетельство недостаточности ломоносовской системы трех стилей, которая даже в 40—60-х и тем более с 70-х годов не охватывала всего многообразия литературной практики. «Славяно-русский язык» нашел наиболее отчетливое выражение в тех видах письменности (очевидно, исключительно в прозе), которые или не были предусмотрены этой системой, или относились к среднему стилю, лишенному с самого начала внутреннего единства. Синтаксис «славяно-русского языка» — речь идет о структуре фразы, порядке слов, а не об отдельных синтаксических конструкциях, например конструкции дательного самостоятельного,— тяготеет к сближению с «употреблением», с речевой практикой образованного общества; но в употреблении слов и некоторых грамматических форм этот тип литературного языка отчетливо ориентируется на высокий стиль, практически превосходя наиболее типичные произведения этого стиля и «репертуаром», и частотой употребления «высоких», архаических слов и форм[6]; заметно усиливаются старые, доломоносовские книжно-приказные традиции; сами неологизмы в многочисленных переводах этого времени звучат необычайно архаично, будучи созданы преимущественно на «славенской» основе (см., например, неологизмы в переводе М. Попова «Освобожденного Иерусалима»).

В этом «противоречии» между синтаксисом и лексикой выразилось стремление (воспользуюсь формулировкой Фонвизина из предисловия к его известному переводу «Иосифа» Битобе) «держаться токмо важности славенского языка, но притом наблюдать и ясность нашего». «Славенская» лексика, очевидно, способствовала созданию этой «важности» и в то же время, будучи по отношению к структуре языка фактом внешним, не препятствовала и сохранению ясности. Это прекрасно понимал впоследствии П. А. Вяземский, который отчетливо различал «сочетание одних слов» и «сочетание форм, оборотов, свойств двух языков» [7].

В таких условиях не могла не измениться функция «славенской» лексики. Она рассматривается в этой литературе не как способ «возвышаться к важному великолепию», не как средство создания высокого эмоционального подъема, лирического восторга, а как необходимый элемент повествования или рассуждения на всякую «важную», серьезную тему, как принадлежность образцового книжного языка вообще. Это значит, что сама стилистическая характеристика такой лексики как специфически высокой заметно ослабляется[8]. Она смыкается с «книжным» пластом лексики среднего стиля, с архаическими элементами деловой, официальной речи (поэтому для такой лексики не вполне пригодны старые характеристики, традиционные квалификации); употребление этого рода слов нередко оказывается внутренне немотивированным. Это послужило основой для того смешения элементов разных стилей, которое рассматривается как важнейшее явление в истории русского литературного языка второй половины XVIII в.; иными словами, нарушается типичное для системы трех стилей стилистическое единство, стилистическая замкнутость произведения.

численных его подражателей...». Ср. у И. И. Дмитриева в его кн.: «Взгляд на мою жизнь» (М., 1866, стр. 85), в статье Я. Грота «Карамзин в истории русского литературного языка» (см. Я. К. Грот, Филологические разыскания, I, СПб., 1876, стр. 68—69 и 74—75). Положение о славяно-русском языке проникало в свое время и в учебную литературу (см., например, хрестоматию А. Д. Галахова).

[6] Любопытно, что лексические славянизмы употребляются в «славяно-русской» прозе более последовательно, чем в высоких стихотворных жанрах; ведь поэтические вольности обнаруживаются не только в неоправданном употреблении славянизмов, но и в замене их — в высоком стиле — их нейтральными синонимами.

[7] П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., V, СПб., 1880, стр. 35.

[8] Поэтому при характеристике собственно высокого слога так вырастает роль синтаксических примет, а также стилистических приемов, характера образности, «цветов поэзии». Общелитературная роль высокого слога вообще ослабляется. Изменению характеристики некоторого слоя высокой лексики способствует еще его употребление в поэзии среднего слога, что знаменует собой самый первоначальный этап формирования так называемой «поэтической» лексики.

Надо только заметить, что это смешение носит односторонний характер: высокая лексика проникает в невысокие жанры — в научные труды, историческое повествование, в записки, путешествия, мемуары (см., например, записки А. Болотова или И. Долгорукова) — и, следовательно, может оказаться в несвойственном ей окружении. Но сам по себе высокий стиль в своих традиционных формах и жанрах остается, как правило, вполне чистым.

Этому как будто противоречит поэзия Державина. Но надо различать смешение разностильных элементов как результат ослабления их стилистических свойств в литературном языке и совмещение в одном произведении разностильных контекстов как художественный прием, обусловленный совмещением разных тем, разных экспрессий (например, в державинской «Фелице»). См. в этой связи замечание самого Державина в его «Рассуждении о лирической поэзии» (Соч., VII, 2-е изд., СПб., 1878, стр. 536): «Итак гимн или ода заимствуют свое наречие, свои краски, свою силу от воспеваемого ими предмета; но никогда площадных или простонародных слов себе не дозволяют, р а з в е в т а к о м р о д е б у д у т п и с а н ы» (разрядка моя.— *В. Л.*).

Но смешение элементов разных стилей в произведении вообще, может быть, не является основным и решающим признаком распада системы трех стилей. Большинство произведений, о которых можно сказать, что они написаны «славяно-русским языком» в разных его вариантах, такие как «Иосиф» Фонвизина, «Опыт повествования о России» И. Елагина, перевод «Творений велемудрого Платона», переводы И. С. Захарова и мн. др.,— отличается в отношении лексики и некоторых грамматических форм выдержанностью своего архаического, необычайно славянизированного облика. И тем не менее именно такие произведения с особой очевидностью демонстрируют отход от системы трех стилей, поскольку употребление славянской лексики лишено здесь часто внутренней мотивированности. Чисто внешнему признаку — сохранению стилистического единства на протяжении целого произведения — принесен в жертву принцип соотнесенности языка и предмета изображения. То, что в оде или похвальном слове объединялось единым и цельным характером авторской эмоции, в большом и тематически разнообразном повествовании выглядело искусственным и немотивированным [9]. Бесспорно, что это дальше от традиций трех стилей, чем, скажем, «Путешествие» Радищева, где сохраняется строго мотивированное стилистическое единство внутри контекстов, на которые распадается произведение, в целом стилистически разнородное[10].

И неорганическое смешение разностильных элементов, и немотивированное «материей» сохранение стилистической ровности произведения — это две стороны одного и того же процесса: стремления к общелитературной, свободной от жанровых ограничений норме и, следовательно, к ослаблению перегородок между стилями. Враждебность этой тенденции системе трех стилей особенно отчетливо отразилась на судьбе среднего слога. «Славяно-русский язык» по существу снимал противопоставление высокого и среднего стилей. В то же время направление развития низкого стиля ослабляло противопоставление низкого и среднего стилей (см., например, протесты Елагина, Дмитревского, Николева, Фонвизина против излишнего насыщения языка комедии простонародной лексикой). В самом общем виде можно сказать, что литературный язык развивается в направлении выработки норм к н и ж н о г о языка на стыке высокого

[9] См., например, в переводе «разглагольствий» Платона: «Я, желая послушати ваших стязаний..., не возмогл поняти ясно ни единого слова. Когда же возвысившись на перстах ног моих воззрел я, соперник твой явился мне быти пришлец некий; И так возвести, Сократ, кто таков был он?»; «...который будучи от тебя третий, восседал по правую страну твою» и др. под. («Творений велемудрого Платона часть первая», СПб., 1780, стр. 36—37 и др.).

[10] См. Г. О. В и н о к у р, Избр. работы по русскому языку, М., 1959, стр. 160.

и среднего стилей и п р о с т о г о слога (целесообразно отличать его от низкого стиля) на стыке среднего и низкого стилей. Эти два типа литературного языка противостоят друг другу, но принципы этого противопоставления и «выбора» стиля существенно отличаются от традиционного и лишены строгой регламентации.

Сказанное выше не означает, что система трех стилей вообще не существует в этот период. Она живет в традиционных литературных жанрах. Но можно отметить, что она, так сказать, включена в более сложную и внутренне противоречивую стилистическую систему.

*

Дальнейшая история литературного языка связана с так называемым «карамзинским» периодом. Рассмотрение этого периода выходит за пределы поставленного вопроса. Надо все же отметить, что, условно говоря, карамзинские преобразования следует оценивать, сопоставляя их не столько с системой трех стилей, но прежде всего со «славяно-русским языком» и простым слогом второй половины XVIII в. Ведь эти преобразования в полной мере проявились, естественно, в тех областях письменности, в которых «новый слог» нашел заметное применение и одержал сравнительно быструю победу. Что касается высокого стиля в его старом, «классическом» смысле, то он по существу оказался не затронутым «новым слогом». Он продолжает существовать — в традиционных художественных жанрах — и в первой четверти XIX в. как реликт старой системы. По отношению к нему действует, так сказать, «принцип невмешательства», с ним не борются, он просто изолируется — и понятно, почему высокий слог в начале XIX в. оказывается, как это ни странно на первый взгляд, более упорядоченным и внутренне организованным, чем в последние десятилетия XVIII в.

Архаическая лексика «славяно-русского языка» воспринимается теперь дифференцированно: отношение к словам приказного или школярско-ученого характера — к языку «големых претолковников» — и к словам «высоким» в строгом смысле этого слова неодинаково в среде сторонников «нового слога»[11].

Для карамзинского периода можно условно говорить о сосуществовании двух различных стилистических систем — не просто о совмещении старого и нового в литературном языке, а именно о сосуществовании изолированных друг от друга систем, каждая из которых характеризуется своими категориями и понятиями. Это значит, что стилистические характеристики, квалификации фактов языка должны определяться в понятиях (и терминах) той стилистической системы, в которой эти факты существуют. Например, такие понятия, как в ы с о к а я лексика и п о э т и ч е с к а я лексика, несоотносимы вследствие того, что это понятия разных стилистических систем; то, что эти группы частично совпадают, лишь подчеркивает их несоотносительность[12].

[11] См. замечание В. В. В и н о г р а д о в а («Язык Пушкина», М.— Л., 1935, стр. 45): «Для европейцев славянский язык не представлял структурного единства». Любопытным представляются в связи с этим следующие слова Вяземского о «Иосифе» Фонвизина: «... спросим: в чем заключаются так называемые славянизмы Фон-Визина в переводе „Иосифа“? В словах *паче*, *паки* и других им подобных, в сохранении буквы *и* в неокончательных наклонениях глаголов: вот и все» (Полн. собр. соч., V, стр. 38). А ведь это произведение насыщено славянизмами, высокой лексикой.

[12] Разумеется, такая изоляция одновременно существующих стилистических систем является абстракцией; говорящий, пишущий, читающий имеют реально дело все же с одной, пусть сложной, системой литературного языка. Тем не менее такое разграничение представляется целесообразным. Оно помогает, с одной стороны, точнее определить источники тех или иных стилистических групп, связь стилистических систем разного времени, а с другой стороны, оно оказывается полезным и в чисто синхронном плане, давая возможность уточнить стилистические отношения внутри системы, разграничить разные одновременно существующие стилистические планы, стилистические явления разного порядка, установить их иерархию.

Старая и новая стилистические системы обнаруживали свою противоположность прежде всего или, может быть, исключительно в художественной литературе, своеобразие развития которой по существу определило эти стилистические отношения. Таким образом, происходит вычленение специфических проблем языка художественной литературы. Однако важно отметить, что в этот период сохраняется чисто нормативный подход к языку художественной литературы. Спор «архаистов» и «новаторов» о языке художественной литературы — это в то же время спор о границах и стилистической структуре самого литературного языка [13].

Преодоление нормативного подхода к языку художественной литературы, развитие художественного, эстетического критерия — процесс, связанный уже со следующим этапом в развитии литературного языка и языка литературы; он знаменовал собой принципиальное изменение отношения языка художественной литературы к общелитературному языку, развитие новых принципов отбора языковых средств в художественном произведении, иных отношений между словом и предметом изображения, разрушение принципа стилистического единства контекста. Впрочем последнее явление выходит за пределы проблем языка художественной литературы. Оно имеет общеязыковое значение, указывая на существенное и принципиальное изменение содержания самого понятия речевого стиля.

В. Д. Левин

---

[13] Необходимо поэтому строго разграничивать случаи, когда, с одной стороны, различие в стилистических оценках связано с разными литературно-языковыми взглядами, позициями, а с другой — когда неизбежные различия возникают в словоупотреблении лиц, относящихся к разным поколениям, получивших разную выучку, и т. д.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ *

Вопрос № 1: «Какие основные научные задачи должен разрешить общеславянский атлас: лингвистическая и территориальная реконструкция праславянского языка и его диалектного дробления, определение основных тенденций развития славянских языков (и диалектов), выявление структурной типологии славянских языков (и диалектов) и др.?»

Создание общеславянского лингвистического атласа чрезвычайно важно для всей славистики; в то же время это задание очень трудное, для выполнения его необходимо точно определить научные цели и методы его реализации. Прежде чем приступить к осуществлению атласа, следует ясно и четко сформулировать его основные теоретические принципы, а также выработать инструкции и руководства по отбору материала, относящегося к разным, хотя и структурно родственным языкам. Точная характеристика методов и способов сбора материала, его предварительной обработки (до картографирования) тем более необходима, что в выполнении этой научной программы будет участвовать большое количество научных работников из самых различных стран, которые, естественно, занимают разные, иногда очень далекие друг от друга методологические позиции, что нередко приводит к весьма разнородной трактовке фонетических (или фонематических) явлений, к многообразию способов описания и интерпретации языковых фактов.

При таком положении вещей возникает опасение, что собранный материал будет неоднородным, в результате чего не будут возможны никакие взаимные сопоставления и сравнения, равно как невозможны будут в конечном счете правильные и мотивированные выводы общего характера. Такая опасность связана главным образом с большой неоднородностью диалектологической теории и практики в отдельных славянских странах; иногда даже в одной и той же стране сосуществуют весьма несхожие диалектологические школы. Различия во взглядах на характер диалектных явлений, несмотря на всю их ценность для развития научной мысли вообще, неминуемо вызывают неодинаковый подход к диалектным фактам.

Основания для высказанных опасений и оговорок могут быть во многом устранены (хотя здесь и трудно рассчитывать на какую-либо абсолютную однозначность и единство) только при условии подробного и последовательного определения научных целей, которым подчиняется собираемый на местах материал. По этим причинам необходимо всестороннее обсуждение этих вопросов. Вот почему следует с признательностью отнестись к инициативе редакции «Вопросов языкознания», которая предоставила всем заинтересованным лицам возможность более детально и обстоятельно, чем это было сделано до сих пор, высказаться по вопросу об общеславянском лингвистическом атласе.

Установление научно-исследовательских целей, к которым должен стремиться общеславянский лингвистический атлас, является наиболее важной задачей; в конечном счете именно ими определяется и разработка

---

* Продолжение публикации ответов на анкету, помещенную в № 5 за 1960 г. (стр. 45—46).

специальных вопросников, и выбор количества необходимых для обследования пунктов, и решение вопроса о графической подаче и транскрипции собранного диалектного материала, о методе его картографирования. Вероятнее всего, у атласа должна быть одна основная цель; атлас не в состоянии разрешить все весьма разнородные проблемы, стоящие в настоящее время перед славянским языкознанием во всем его объеме. На первый план должна быть выдвинута проблема эволюции славянских языков, а именно — возможность установления этапов распада первоначальной славянской общности сначала на отдельные языковые области, а затем — на самостоятельные языки и диалекты древнейшей эпохи. Общеславянский лингвистический атлас в своих научно-исследовательских постулатах не должен нарушать эту границу.

Трудно, да, пожалуй, и не нужно было бы вдаваться в подробности диалектного дробления отдельных языков. Трудно, потому что это привело бы к необходимости создать слишком густую сеть пунктов. Это было бы методически неоправданным, особенно для языков с большой диалектной раздробленностью, таких, как, например, язык словенский или лужицкие языки. Это нарушило бы также истинные пропорции между языками и исказило бы истинную картину языковых отношений на всей славянской территории. Кроме того, необходимое для этого резкое увеличение числа пунктов и записей на картах было бы технически невыполнимо. Таким образом, начиная уже с чисто технических соображений, следует высказаться против излишней детализации, столь важной для изучения отдельных языков, но ничего не дающей для понимания языкового целого и для сравнений. Конечно, это не означает механического отбора обследуемых для атласа пунктов в зависимости от количества жителей или же от территории, занимаемой данным языком.

Без сомнения, гораздо более существенно решить, какие явления и в какой степени надо признать подходящими для сравнительных исследований, а в каких следует видеть результаты позднейшего, внутреннего и независимого развития отдельных славянских языков. Это должно быть определено местными славистическими органами; после обсуждения в общем комитете это может стать основой для подготовки соответствующих вопросников.

Видимо, требовать от общеславянского атласа исчерпывающих материалов по реконструкции праславянского языка трудно, ибо данные, полученные таким путем, были бы неполными и односторонними и никоим образом не заменили бы результатов исторических исследований; в то же время это может принести некоторые дополнительные сведения, что, однако, не станет и не должно стать главной научной целью атласа. Материалы лингвистического атласа далеко не всегда будут достаточными и для определения системы отдельных диалектов, и потому он не сможет представить основу для надлежащих выводов о прошлом славянских языков. В качестве основной задачи атласа сохраняется задача выявления основных тенденций и направлений развития, общих для отдельных славянских языковых групп и для отдельных славянских языков.

Атлас не может обеспечить также достаточно эффективных средств для структуральной типологии славянских языков, так как для этих целей, для выявления не только структурной схемы, но и функциональной нагрузки ее элементов и их взаимных отношений требуется анализ однородных текстов. Материал атласа, по необходимости представляющий собою исключительно реализации в отдельных обособленных словах, не позволяет определить многих необходимых черт системы, например частотность фонем или их морфонологическую функциональность. По всем этим причинам трудно ставить задания такого типа перед общеславянским атласом, не говоря уже о том, что ввиду генетической близости славянских языков это и не является необходимым.

М. Карась (Краков)

Вопрос № 8: «Какого характера должны быть вопросники по лексике и семантике? Какова их взаимосвязь? Какой должна быть „хронологическая направленность" вопросов? Какие лексические заимствования можно внести в вопросник?»

В области лексики, как и в других разделах, лингвистический атлас должен дать картину дифференциации славянской языковой территории и взаимоотношений между ее частями. Здесь можно будет обнаружить — может быть, с еще большей наглядностью, чем в других разделах атласа,— и динамику этих взаимоотношений, разнообразно изменяющихся в процессе исторического развития от древнейшей поры до эпохи становления современных наций, а с этого момента — вплоть до наших дней[1].

При исследовании лексических явлений можно идти как от понятия к слову (ономасиологический подход), так и от слова к понятию (семасиологический подход). Считаем целесообразным сочетать оба метода. Ономасиологический подход обнаружит лексическую дифференциацию славянской языковой территории, взаимоотношения отдельных ее частей (ср. лексические сходства чешско-словацко-польские, польско-украинско-белорусские и т. п.), а также отношения к окружающему неславянскому миру. Например, славянские наименования, обозначающие «город», дают интересную картину влияний в западной, а отчасти в восточной и южной славянской языковой области, причем это влияния как внешние (со стороны неславянского мира), так и внутренние для славянской языковой области. Ср. чешское количественное чередование *město*//*místo* (др.-чеш. *miesto*) и нем. *Stadt*//*Stätte*; в.-луж. и н.-луж. *město*, словацк. и словен. *mesto*, польск. *miasto*, укр. *місто* (//*город*), сербскохорв. *mjesto* (// *град*, наряду с *varoš*; ср. в свою очередь с венг. *város*), русск. *город* (//*град*), белорусск. *горад*, болг. *град*.

Семасиологический подход вскроет пути развития древнего праславянского лексического запаса в отдельных славянских языках и его семантическую дифференциацию. Например, праслав. **dorga* сохранилось во всех славянских языках (может быть, за некоторыми исключениями в болгарском языке) в виде, обычном для рефлекса так называемой перестановки плавных на данной территории; однако семантика этого слова четко и в то же время разнообразно дифференцирована. В русском, украинском *дорога*, белорусск. *дарога*, польск. *droga*, серболуж. *dróha*, *droha* сохранилось основное значение «дорога», в чешском (и словацком) *dráha* преобладают большей частью суженные и сравнительно поздние специализированные значения (ср. сочетания *jízdní dráha* «мостовая», *závodní dráha* «беговая дорожка», *dráha střely* «траектория снаряда», *životní dráha* «жизненный путь» и т. п.), прежде всего значение «железная дорога» (в восточнословацких диалектах существует, однако, древнее *draha* в значении «дорога», *dražka* «тропинка», «пробор в волосах»; в моравских диалектах встречается *draha*, *dráha* со значением «след человека, звериный след»; plurale tantum *Drahy*, *Draha* часто встречается как название бывших общинных земельных угодий); в сербскохорватском и словенском в слове *draga* произошел семантический сдвиг в сторону значений «долина», «овраг» (кроме того, оно обозначает «залив», «канава» и др.). Семантическая пестрота еще более усугубляется, если для каждого случая учитывать всю совокупность значений слова. Семантическую разветвленность во всех славянских языках и диалектах многих слов древнего словарного фонда нельзя будет, конечно, охватить в полном объеме; необходимо ограничиваться только 1—2 основными значениями (ср. праславян. **dorga* с современными значениями: 1) «дорога», 2) «железная

[1] Ср. J. Bělič, K otázkám lexikání části slovanského jazykového atlasu, «Slavia», XXIX, 2, 1960.

дорога»). Если в некоторых славянских языках и диалектах праславян **dorg-* не имеет указанных выше значений, надо обратным методом (ономасиологическим) отыскивать слова-наименования для этих понятий; эти слова можно было бы в свою очередь анализировать с точки зрения формальной и семантической дифференциации. Цепи, возникающие таким образом на основе данного исходного слова, могли бы увести слишком далеко; поэтому при составлении вопросника надо всегда ставить разумные ограничения. Требование согласованности ономасиологического и семасиологического методов в принципе не исключает включения некоторых семасиологических вопросов в другие части вопросника, прежде всего фонетическую, где будет приводиться значительное количество древних общеславянских слов; очень желательно, чтобы здесь выбирались по возможности слова, имеющие значение также для раздела лексики атласа (например праславян. **dorga* в качестве экземплификации рефлексов так называемой перестановки плавных и т. п.). Вопрос о звуковом облике слова (вопрос фонетики) надо поэтому всегда сочетать с вопросом о его значении (вопрос лексико-семантический). Это дает возможность целесообразного согласования лексической и фонетической частей вопросника. Некоторые вопросы, относящиеся по существу к лексике, окажутся при этом в разных местах; тем не менее тесная связь между семасиологическим и ономасиологическим подходом в вопроснике по лексике совершенно необходима.

Совмещение двоякого подхода — семасиологического и ономасиологического — может привести к выявлению слов и значений, относящихся к наиболее поздним (развившимся после эпохи становления современных наций) слоям словарного запаса (ср. *вокзал*, значение «железная дорога» у праславян. **dorga* и т. п.). В вопроснике по лексике в известной, хоть и ограниченной, мере следует обращать внимание и на такие позднейшие слова и значения, хотя границы распространения этих слов и значений будут большей частью совпадать с границами отдельных национальных языков. В принципе надо было бы проследить развитие словарного состава вплоть до эпохи становления современных наций.

При выборе слов для лексического раздела вопросника надо ориентироваться на живое ядро словарного состава, на наименования предметов и явлений, распространенных на всей славянской языковой территории или, по крайней мере, на большей ее части. Важно также, чтобы в вопроснике по лексике отдельные части речи были представлены по возможности пропорционально.

Что касается заимствований, то при ономасиологическом подходе они будут представлены в ответах (ср. выше разные наименования для города). Древние общеславянские заимствования, которые могли быть вытеснены впоследствии славянскими выражениями или же более поздними заимствованиями, будут представлены среди вопросов семасиологических (ср. **pěnędzь*: чеш. *peníze*, русск. *деньги*, болг. *пари* и т. п.). Наряду с заимствованиями (древними и более поздними) в атласе необходимо учитывать и кальки.

Чехословацкая диалектологическая комиссия

Лексический и семантический вопросники должны коренным образом отличаться от фонетического, морфологического и других вопросников. Если число фонем, число падежных или глагольных окончаний и других грамматических категорий является ограниченным и сравнительно легко определимым, то число явлений словарного состава даже после подробного и обширного исследования нельзя считать полным. Обследование лексического материала для славянского языкового атласа значительно осложняется большой площадью обследуемой территории, а также тем обстоятельством, что словарный состав в каждом языке является наиболее

подвижной областью[2]. Его подвижность тем яснее, чем глубже и подробнее изучается словарный состав в его историческом развитии и в его географическом распространении.

Исследование словарного состава не может быть ограничено констатацией того, каким словом называется на обследованной территории то или иное понятие. При исследовании словарного состава необходимо установить и значение слова[3], что связано со значительными затруднениями как при изучении, так и при картографической обработке материала. Эти затруднения, общие для атласов всех славянских диалектов, побуждают сделать несколько замечаний относительно составления общеславянского лексического вопросника.

1. В состав лексического вопросника должны входить только такие слова, для которых предполагается наличие на славянской территории лексической и семантической дифференциации. Слова, не имеющие дифференциации в указанных отношениях, можно использовать для исследования фонетических особенностей славянских языков. Так, русск. *серна*, укр. *сарна*, болг. *сърна*, польск. *sarna*, н.-луж. *sarnja*, в.-луж. *sorna*, чеш., словацк., сербскохорв., словен. и македон. *srna*[4] пригодны для изучения слогового *р*, но не для изучения лексических особенностей.

2. Лексический вопросник должен ориентироваться на исследование не только имен существительных, но также и всех остальных частей речи (даже наречий, имен числительных, предикативов, местоимений, предлогов, союзов, частиц и междометий). Отдельные части речи (предлоги, союзы, частицы) будут предметом исследования также синтаксического вопросника; некоторые из них можно было бы на конечном этапе картографической обработки атласа включить и в лексическую его часть (ср. распространение слова в значении «да, пусть» — польск. *niech*, словацк. *nech*, чеш. *at'*, *nechť*, болг. *да* и т. д.).

3. В состав лексического вопросника следует включить также такие слова, которыми именуются известные представления или предметы на всей исследованной территории или на большей ее части. Слова незначительного территориального распространения (например, из области рыболовецкой, пастушеской, винодельческой терминологии) следует включать в вопросник лишь при условии их особой важности для классификации словарного состава славянских языков.

4. Вопросник должен включать слова из разнообразных сторон материальной и духовной культуры населения славянских стран, т. е. слова разных семантических сфер. Прежде всего нужно ориентироваться на общеизвестные слова, а не на слова более детализованные, например названия отдельных частей предметов и под. По нашему мнению, в вопросник лучше включать только слова, известные рядовому носителю диалекта.

5. Все вопросы в лексическом вопроснике должны ориентироваться на исследование таких слов, которые имеют значение для лингвистических целей, например для классификации словарного состава, для изучения влияний одного языка на другой, для этимологии слов и т. п. Исследовать слова для других целей (например, этнографических) мы не считаем нужным.

6. В вопросник нужно ввести вопросы на такие слова, которые в отдельных славянских диалектах укоренились с самых древних времен, вплоть до периода начала капитализма, т. е. слова, которые представляют устойчивую часть словарного состава диалектов. Слова, которые прони-

[2] Ср. J. Horecký, Členenie slovnej zásoby, «Slovenská reč», XXI, 1-2, 1956, стр. 64.

[3] Ср. O. Duchá̌cek, O vzájemném vlivu tvaru a významu slov, Praha, 1953, стр. 116.

[4] Ср. «Kwestionariusz ogólnosłowiański do badań słownictwa gwarowego», Warszawa, 1959, стр. 11 [литограф. изд.].

кали в диалекты в течение последних двух столетий, включать в вопросник не следует. Исследование слов этого периода можно осуществлять только в отдельных и специально обоснованных случаях.

7. Исследование словарного состава надо осуществлять, исходя из строго синхронического аспекта. Слова нужно записывать только в таких значениях, в каких они употребляются в момент обследования. Вопросник не должен содержать вопросы на такие слова, которые уже погибли или значение которых узнать затруднительно.

8. Как и другие диалектные особенности, лексические явления нужно записывать точной транскрипцией, т. е. отмечать варианты диалектного произношения. Способ отражения этих вариантов на картах — вопрос особый, который может быть рассмотрен после получения диалектного материала.

Вопросник лучше разделить на несколько частей по роду исследуемых реалий. Внутри каждого тематического целого вопросы будут следовать логически один за другим[5]. Их нужно формулировать точно и ясно, имея в виду при этом необходимость получения однозначных ответов от информатора, хотя такое требование и затрудняется обширностью территории и богатой дифференциацией славянского словарного состава. В целях точности ответа хорошо было бы пополнить вопросник рядом наглядных рисунков (даже цветных).

Вопросы в лексическом вопроснике будут двоякого характера в зависимости от того, имеется ли в виду выяснить с их помощью: а) каким словом именуется известное понятие (предмет, вещь, деятельность); б) в каком значении используется данное слово в обследуемой области (сюда войдут слова типа *година*, *час*, *родина*, *страна* и под.); число этих последних вопросов следует ограничить рядом известных и специально обоснованных случаев, имея в виду трудности, возникающие как при получении ответов на такие вопросы, так и при картографировании значений сильно дифференцированного в семантическом, фонетическом и морфологическом отношении слова.

В первой группе вопросов значение слова ясно уже из самого вопроса, поэтому он должен быть сформулирован так, чтобы его можно было поставить без дальнейших объяснений. Если для одного понятия имеется несколько названий, то необходимо записать все (а также точные значения всех этих слов), правда только после тщательной проверки у нескольких информаторов, обращая при этом внимание на то, не встречается ли одно из таких выражений только как архаизм или только как новое слово. По нашему мнению, исследуя лексические особенности, нужно предпочитать информаторов так называемой средней генерации, т. е. людей около 50 лет. Объем вопросника следует ограничить, он не должен превышать 1000 вопросов.

А. Габовштяк (Братислава)

Вопросник по лексике и семантике должен отражать основную общеславянскую лексику, причем круг исследуемых слов необходимо определить статистическим методом. При каждом слове нужно учитывать его современное значение. Вопросник должен касаться только наиболее важных фактов. Обычно бывает довольно трудно добиться ответа на вопрос, какие значения имеет в говоре то или иное слово, ибо опрашиваемое лицо называет, как правило, только основное для него значение. Значения полисемантических слов лучше всего выявлять при помощи комплексного вопросника для каждого такого слова, но даже и при этом условии какое-нибудь местное значение может остаться невыделенным. Полностью данный вопрос можно исследовать лишь монографически.

[5] Ср. W. Cienkowski, Kwestionariusz do badań słovnictwa gwarowego, «Poradnik językowy», 1952, 9, стр. 30.

Что касается «хронологической направленности», то, если я правильно понимаю вопрос, здесь речь идет о выявлении старых или устаревших значений того или иного слова. Это зависит от данного слова. Например, можно спросить, что означает сейчас в румынском языке *tovarăş* и что оно означало раньше (в первую очередь «сотоварищ в торговле или при вспашке земли и т. п.»).

Вопрос о заимствованиях также следует решать на основании изложенного. Общеславянские (праславянские) заимствования войдут в той мере, в какой они отвечают требованиям, предъявленным ко всем общеславянским (праславянским) словам. Но если, например, исследуются распространение и значение слова *тетя* в славянских языках, то возможно, что в определенных диалектах этого слова вовсе не будет, а данное понятие может выражаться каким-нибудь заимствованным словом, которое безусловно должно картографироваться. Вообще думается, что при составлении вопросника следует исходить как от слов, так и от понятий и вещей, но при этом только от «общечеловеческих» понятий и вещей типа *есть* (*кушать*), *рука*, *голова* и т. п.

А. Росетти (Бухарест)

Из чисто практических соображений лексический и семантический вопросники лучше объединить и изложить их по предметной отнесенности, что во многом облегчит сбор материала. Кроме того, это не безразлично для привычек информаторов. Удобнее одновременно спрашивать и о слове и о его значении, исходя при этом из формы, взятой в самом общем виде (может быть, праславянском); например, возможен вопрос: существует ли слово *dědъ* и если существует, то каково его звучание и значение (при этом в ответах будет получена форма, свойственная данному языку или диалекту). Очень важно, на каком языке будут сформулированы тексты вопросов. Представляется необходимым, чтобы они были составлены на каком-нибудь неславянском языке и только потом на языке территории опроса. Лишь таким путем можно будет избежать недоразумений и двусмысленностей, почти неминуемых при семантических вопросах и нередких при лексических обследованиях. Здесь были бы очень уместны рисунки, иногда подробные описания, а в отношении названий растений, животных и птиц — также и латинские наименования. Все эти вопросы необходимо предварительно должным образом изучить и обсудить.

В хронологическом отношении лексическо-семантический вопросник должен охватывать старый словарный запас, лучше всего — общее праславянское наследство; особое внимание следует уделять элементам материальной культуры, в меньшей степени — элементам духовной культуры. Временные границы лучше принять несколько более поздние, чем для грамматики, однако выходить за пределы словаря раннего средневековья не следует. Наконец, в вопроснике должно найтись место и для заимствований из других языков (за исключением заимствований нового времени, таких, как, например, в польском *rower* «велосипед», *traktor* «трактор», хотя не следует забывать слова типа *tytoń* «табак», *rakija* «сорт водки»).

М. Карась

Лексика является, в сущности, основной характеристикой фонда средств языкового выражения. Лексический вопросник должен поэтому вмещать в себя и другую проблематику. На Варшавском совещании было решено отделить семантическую часть вопросника от лексической ввиду специфичности семантических явлений, процессов и их результатов. Но в принципе лексика сохраняет свое полное значение лишь в связи с семантическими явлениями. В окончательно составленном списке вопросов разница может сказаться в том, будет ли находиться центр тяжести на форме слова или на спецификации значений.

Хронологическая ориентация соответствует в основных чертах ступеням развития культуры, но главную точку опоры в этом направлении представляют заимствования. Чужие слова в славянских языках указывают на географические, адстратные отношения, на союзы языков, диахронически оформленные, и на изохронические процессы. Специфические заимствования культурного типа, в особенности новейшего времени, при этом во внимание не принимаются.

М. Павлович (Белград)

Лексический вопросник общеславянского атласа должен включать лишь те вопросы, которые дадут интересные изоглоссы в общеславянском масштабе. В ряде случаев уместно будет поставить и «семантические вопросы», т. е. «что значит то или иное слово?» вместо вопроса: «как называется то и то?». Иногда оба рода вопросов можно будет комбинировать, как при исследовании, так и на карте. Так, например, если обнаружится, что «путь, дорога» не называется **dorga*, то следует поставить вопрос: «есть ли вообще слово **dorga* и что оно значит?». На карте обычным способом были бы обозначены слова с этим значением, а дополнительными обозначениями было бы выделено употребление слова **dorga* в других его значениях.

Термины современной цивилизации не следует включать в атлас. Было бы бессмысленно производить наблюдения во многих сотнях населенных пунктов, чтобы прийти к заключению, что самолет или железнодорожная станция всюду называются так же, как и в соответствующем литературном языке. Для получения материала о таких словах достаточно сравнить словари литературных языков.

Из заимствований особенно интересны праславянские. Было бы весьма ценно, если бы атлас помог установить, какие из заимствований являются праславянскими диалектными, а также показал, что некоторые древние заимствования из германских языков имеют иной ареал, нежели иранские заимствования, и т. п.

П. Ивич (Новый Сад)

Вопросники по лексике должны охватить все важнейшие лексические слои с праславянской эпохи до настоящего времени. Вопросы по семантике — показать дифференциацию исконно славянской лексики (ср. *gordъ*, *časъ*).

А. Лампрехт (Брно)

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. П. ГРИГОРЬЕВ

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ И АФФИКСАЦИИ

Традиционное сохранение словообразования в рамках морфологического исследования языка до сих пор отрицательно сказывается на разработанности многих проблем словосложения. Специфика различных словообразовательных процессов и общее отличие вопросов и принципов словообразовательного анализа от проблем, возникающих при анализе морфологического строения слова в современном русском языке, только в самое последнее время начинают привлекать внимание исследователей [1], однако все же далеко не всегда специфика словообразовательного аспекта исследования сложных слов учитывается последовательно [2].

Насколько словообразовательный аспект словосложения еще уступает в разработанности морфологическому (и даже подчинен ему), что находит выражение, в частности, и в терминологии, отчетливо видно из двух сравнительно недавно появившихся статей, в которых обобщены результаты диссертационных исследований [3]. Авторы этих работ, помещенных рядом, оба употребляют термин «сложнопроизводные слова», но в совершенно различных, со словообразовательной точки зрения, значениях. С. С. Хидекель называет так слова, образованные «одновременным действием двух способов словообразования — сложения и производства» (стр. 47), и справедливо подчеркивает их отличие от тех случаев, когда суффикс присоединяется к уже готовому сложному слову. Эта последняя категория слов не получает у С. С. Хидекель особого названия, но как раз в отношении такого рода образований А. С. Новакович употребляет термин «сложнопроизводные слова» (стр. 44).

Очевидно, что у С. С. Хидекель и А. С. Новаковича речь идет о совершенно различных случаях словообразования. Термин «сложнопроизводные слова» явно не в состоянии вместить в себя столь различное по своему словообразовательному существу содержание. Кроме необходимости терминологического упорядочения, здесь возникают в связи с интересующими нас проблемами по крайней мере три вопроса: 1) являются

---

[1] См. В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии..., сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, а также Н. М. Шанский, Основы словообразовательного анализа, М., 1953, стр. 12 и др.

[2] См., например, Г. П. Уханов, Морфологическое строение слова в современном русском языке, [Харбин], 1955, стр. 109—114 [стеклограф. изд.]. Признание специфики словообразования привело В. А. Трофимова к практически важному решению вынести описание словообразовательных средств русского языка за пределы морфологии. Непонятно только, почему дать такое описание предполагается в разделе «Этимологии» (см. В. А. Трофимов, Современный русский литературный язык. Морфология, Л., 1957, стр. 3, примеч. 1).

[3] См.: А. С. Новакович, О способах образования сложных слов в современном датском языке, «Труды Военного ин-та иностр. языков», 2, М., 1953; С. С. Хидекель, О сложнопроизводных словах в современном английском языке, там же. Состоявшаяся в конце 1960 г. в Ленинграде дискуссия о морфологической структуре слова в языках различных типов подтвердила актуальность проблемы, которой посвящена данная статья.

ли факты, обозначаемые у А. С. Новаковича и С. С. Хидекель одним и тем же термином «сложнопроизводные слова», объективно существующими и в русском языке? Ответ на этот вопрос является, очевидно, положительным [4]; 2) если такого рода факты имеются в системе русского словообразования, то насколько они существенны с точки зрения образования собственно сложных слов и их отграничения от смежных разрядов лексики?; 3) в какой степени подобные факты позволяют уточнить проблему взаимодействия и взаимоотношения между словосложением и аффиксацией?

*

В академической «Грамматике русского языка» выделяются между прочими и такие вторые части сложных существительных, как, например, *-лов + ство*, *-вод + ство*, *-вед + ение*, *-строй (j) + ение*, *-дел + ие* и т. п.[5]. По существу о том же, причем в еще более категорической форме, речь идет и в университетском курсе лекций по морфологии современного русского языка, где обособляются «группы сложных существительных, в которых вторую часть сложения составляют образованные от глагольных основ посредством суффиксации разные типы производных существительных же. Ср., например, *масловар* и *масловарня*; *каменолом* и *каменоломня*; *газопровод* и *газопроводка*; *пчеловод* и *пчеловодство*. Относящиеся к этой, пятой, разновидности словосложения структурные типы существительных очень разнообразны. Различия между ними определяются разным структурным, словообразовательным оформлением второй — отглагольной части словосложения» [6].

В этом процитированном нами отрывке необходимо отметить неточные и спорные моменты. Прежде всего, можно ли говорить о том, что в каком-либо сложном слове (существительном) второй компонент представляет собой производное существительное? По-видимому, правильнее было бы вести речь — даже с принятой в данном разделе книги точки зрения — о сложных м о р ф е м а х, выступающих в качестве вторых компонентов, а не о существительных (т. е. с л о в а х), к тому же во многих случаях самостоятельно не существующих, например: *-ломня*, *-варня*, но ср. *-проводка*, *-строение*, *-уборка*, *-бойня* и др. Более существенным оказывается вопрос о том, насколько справедливо утверждение, будто суффиксом оформляется «вторая — отглагольная — часть словосложения» [7], а не вся сложная основа? [8] Можно ли считать установленным, что словообразовательная связь между знаменательными частями сложного существительного является менее тесной, чем связь второго из знаменательных компонентов с суффиксом?

Если нет никаких оснований выделять в слове *пароходство* такую «вторую часть», как *-ходство* [9], то не следует ли считать более соответствующим действительному положению вещей членение сложных слов *флото-*

---

[4] Достаточно указать на такие случаи, как *пароходство* (при *пароход*) и *судоходство* (при отсутствии в литературном языке слова *судоход*; но ср. *судоходный*), а также *водопроводный* и *водопроводчик* (при *водопровод*), *ленинградский* и *ленинградец* (при *Ленинград*), *треугольник* (при *треугольный*) и многочисленные факты образования сложных существительных типа *скороговорка*, *водокачка*, *мясорубка*, *каменоломня*; *вагоностроение*, *чаепитие*; *злопыхатель*, *человеколюбец* и т. п. См. ниже примеры различных типов «сложнопроизводных слов» в значении этого термина, принятом С. С. Хидекель.

[5] См. «Грамматика русского языка», I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 274 (далее сокращенно АГ).

[6] «Современный русский язык. Морфология (Курс лекций)», М., 1952, стр. 127.

[7] Или даже, что суффикс в х о д и т в состав второй основы сложного существительного (см. АГ, I, стр. 274—275).

[8] См. близкую к этой постановку вопроса на материале английского языка в кн.: Н. Г. Г у т е р м а н, Сложные существительные в современном английском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1955, стр. 7.

[9] См. Н. М. Ш а н с к и й, указ. соч., стр. 25, 29.

водец, *молотобоец*, *маслоделие*, *водокачка* и т. п. на части *флотовод-ец*, *молотобо[й]-ец*, *маслодел-ие*, *водокач-ка* и т. д.? Ведь даже в тех случаях, когда глагольный «второй компонент», как говорят, «совпадает» с самостоятельно существующим в языке словом, это совпадение оказывается совпадением чисто внешнего порядка и не затрагивает существа дела. Так, в словах *паровозостроение*, *станкостроение* и под. «второй компонент» как будто действительно совпадает с самостоятельным словом, однако слова *строение* в значении «строительство» в языке не существует [10]. Если же второй компонент с тем же самым значением и встречается в самостоятельном употреблении, то это указывает (хотя и не всегда) лишь на то, что такого рода сложные существительные принадлежат к иному словообразовательному типу, но не может — в силу цельнооформленности сложного слова — служить ни основанием для переноса внутрь сложного слова грамматических (синтаксических) отношений, ни аргументом в пользу той точки зрения, что морфологическая структура сложного слова сохраняет внешние очертания синтаксической структуры исходного словосочетания. Это легко показать на примере сложных существительных с суффиксом *-тель*.

Многие из таких образований, очевидно, имеют глагольную основу во второй части: *письмо-*, *путе-*, *руководитель*; *пятновыводитель*; *шпагоглотатель*; *анонсо-*, *векселе-*, *взятко-*, *законо-*, *залого-*, *мздо-*, *наследо-*. *работо-*, *рекламо-*, *ссудо-*, *чекодатель*; *добро-*, *зложелатель*; *небокоптитель*; *реброломатель* (Салтыков-Щедрин); *стогометатель*; *первооткрыватель*; *жертвоприноситель*, *злопыхатель*; *стихослагатель*; *скоросшиватель*; *огнетушитель* и мн. др. Но есть и другой разряд сложных существительных с суффиксом *-тель*, которые одинаково возможно возводить как к глагольным, так и к именным словосочетаниям: *векселе-*, *займо-*, *залого-*, *игло-*, *свино-*, *щёткодержатель* (ср. др.-русск. *миродържатель* и *миродържитель* — перевод греч. κοσμοκράτωρ); *небожитель*; *книгоиздатель*; *бого-*, *видо-*, *золото-*, *миноискатель*; *грузоотправитель*; *бытописатель*; *воздухо-*, *мореплаватель*; *взятко-*, *грузо-*, *ссудополучатель*; *вольнослушатель*; *притоносодержатель*; *автомобиле-*, *вагоно-*, *машино-*, *метро-*, *паровозо-*, *станкостроитель* и т. п.

Несмотря на наличие указанных двух разновидностей сложных существительных с суффиксом *-тель* [11], общим для всех сложных слов с этим суффиксом (а в известном смысле и для всех сложных существительных, имея в виду не только другие суффиксы, но и «нулевой суффикс») является то, что суффикс оформляет не вторую из соединяющихся основ, а сложную основу в целом. Поэтому даже те из сложных слов с суффиксом *-тель*, которые выше были выделены нами во вторую подгруппу, именно с морфологической точки зрения, по-видимому, правильнее было бы членить, выделяя сложную глагольно-именную основу (например, *книгоизда-тель*, *небожи-тель*, *вольнослуша-тель* и т. п., а не *книго-издатель*, *небо-житель*, *вольно-слушатель*, как это обычно принято) [12].

---

[10] Многие из «трехкомпонентных» сложных существительных на самом деле состоят из двух знаменательных компонентов «первого порядка». Слово *электромашиностроение*, очевидно, следует членить не так: *электро-машино-строение* и не так: *электро-машиностроение*, а так: [(*электро-машино*)-*стро[й]*-*ение*. Ср. также *газотурбовоз*.

[11] Нет необходимости отстаивать принадлежность каждого из перечисленных выше образований к той или иной группе, но наличие этих двух групп едва ли возможно отрицать. Ср. Д. Н. Кокова, Некоторые наблюдения над употреблением сложных слов — имен существительных в лексике современного русского языка, «Уч. зап. [Кабардинского гос. пед. ин-та]», 7, Нальчик, 1955, стр. 164—165, где слова *газонокосилка* и *сенокосилка* без какой-либо мотивировки рассматриваются как представители различных типов словосложения.

[12] См., например, в АГ, I, стр. 275: «Вторыми частями сложных слов данного типа (речь идет об именах существительных, „вторая основа которых имеет в своем составе суффикс“.— *В. Г.*) чаще всего являются следующие слова: *-литейщик...*, *-механик*. *-проводчик...*, *-прокатчик...*, *-сварщик...*, *-техник...*».

Точно так же среди других типов сложных существительных следует различать бессуфиксные образования (или образования с «нулевым суффиксом»), например, *белобандит*, *белоэмигрант*, *взаимопомощь*, *глинозем*, *железобетон*, *звукозапись*, *законопроект*, *кривошип*, *продуктообмен* и т. п., с одной стороны, и такие слова, как *водохрани-лище*, *горнозавод-чик*, *дачевладе-лец*, *заводоуправл-ение*, *кривонож-ка*, *отцеубий-ство*, *первопечат-ник*, *первотел-ка*, *правозаступ-ник*, *рельсопрокат-чик*, *рыботоргов-ец*, *светолеч-ение*, *светомаскиров-ка*, *умопомеша-тельство*, *хитросплет-ение*, *хлебоубор-ка*, *чашелист-ик*, *черноголов-ка* (бот.) и под.— с другой. Такое своеобразное переразложение может рассматриваться как одно из проявлений цельнооформленности сложного существительного. Мы не считаем доказанным положение о том, что в словах типа *небожитель*, *горнозаводчик*, *хлебоуборка* и под. суффикс оформляет сложную основу в целом, а не относится к одному только второму компоненту. Однако вопрос этот настолько интересен, что заслуживает, на наш взгляд, специального исследования.

Учитывая эти замечания, можно на конкретных примерах продемонстрировать взаимодействие словосложения и суффиксации при образовании суффиксальносложных (по С. С. Хидекель — сложнопроизводных) существительных с глагольным вторым компонентом в современном русском языке. При этом естественно, что различные структурные типы такого рода существительных определяются в первую очередь различными суффиксами, участвующими в процессе их образования. От суффиксальной омонимии в данном случае можно отвлечься.

Суффикс ***-тель*** (кроме указанных выше): *бумагомаратель* (разг. Ср. *бумагомарака*), *времясчислители* (Лесков, На ножах), *вспышкопускатель* (Б. Бедный, Старший возраст) [13], *гробокопатель*, *душетерзатель* (Гранин, Искатели), *очковтиратель*, *пенкосниматель* [14]; *чревовещатель*; *громкоговоритель* и т. п. Ср. *электросамобритель* у Маяковского.

Суффикс ***-ец***: *громовержец*, *древоточец*, *духовидец* (устар.), *жизнезнавец* (Казакевич, Звезда), *заимодавец*, *земледелец*, *землепашец* (устар. Ср. иронич. «вольный *газетопашец*» — Герцен, Былое и думы), *землепроходец*, *кровопроливец* (устар.), *кровососец* (М. Горький, Коновалов), *лихоимец* (устар.), *миротворец*, *песнопевец*, *полководец*, *рогоносец* (устар.), *страстотерпец* (устар.), *христопродавец* (устар.), *честолюбец*; *богомолец* (устар.), *молотобоец*, *языкоблудцы* (М. Горький, Письмо Л. Н. Андрееву); *самоуправец*; *искусствоборцы* (Курочкин, Возрожденный Панглосс), *канатоходец*, *конькобежец*, *роликобежцы* (Ильф и Петров, Так принято); *краснописец* (Щепкин, Письмо А. М. Щепкину); *голодранец* (простореч.), *новобранец* и т. п.

Суффикс ***-ник***: *богохульник* (устар.), *греховодник* (устар.), *мочеточник* (ср. *слюноточник* — по иной, неглагольной модели), *основоположник*, *рукомойник* и т. п. Ср. *идолопоклонник* и *низкопоклонник* [15].

Суффикс ***-щик***: *бензозаправщик* (Первенцев, Огненная земля; Казакевич, Весна на Одере), *землемерщик* (устар.), *корообдирщик* (спец.), *рудокопщики* (Федоров, Демидовы). Ср. *навалоотбойщик* и *маслобойщик*.

Суффикс ***-к-а***: *бумагомарака*, *всезнайка*, *кожемяка* (устар.), *малоежка*, *многознайка*, *самоучка* (все слова — общего рода); *землеройка*, *хвостотрёпка*; *воздуходувка*, *головомойка*, *головорубка* («гильотина») (М. Горький, Жизнь Клима Самгина), *душегрейка* (устар.), *зубочистка*, *лобогрейка*, *лукокрошка* (кухонный прибор), *носогрейка*, *перотёрка* (Мамин-Сибиряк,

[13] Это слово встречается и у других авторов, например у М. Горького, однако по чему-то не регистрируется словарями.

[14] Ср. у Н. М. Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «Тень свою пришлю, когда найду теносымателя». В «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» начала XVIII в. встречается слово *брадобритель*.

[15] Легко заметить, что некоторые из приведенных на суффиксы *-ник* и *-ец* примеры (например, *голодранец* и *богохульник*) могут быть истолкованы как производные от соответствующих прилагательных.

Черты из жизни Пепко), *пятновыводка* (мастерская), *телогрейка*; *верхоплавка* (рыба), *малодойка* (о корове), *разнопряжка* (ср. *ехать разнопряжкой* — В. Г. Короленко, Феодалы), *скороварка* (кастрюля), *скороговорка*, *сибирские частоговорки* (из репертуара Омского народного хора) и т. п. Ср. *новокупка* (от *купить* — Мамин-Сибиряк, Хлеб).

Суффикс ***-лк-а***: *бетономешалка*, *жмыходробилка*, *землечерпалка*, *картофелесажалка*, *носогрелка* (Толстой, Война и мир), *сеноворошилка*, *скороспелка*, *снеготаялка* и т. п.

Суффикс ***-н-я***: *рыборазводня*, *скотобойня*, *словолитня*, *солеварня*, *скоропечатня* и т. п.

Суффикс ***-льн-я*** (***-ильн-я***): *рыбокоптильня*, *шелкомотальня*, *шелкопрядильня* и т. п.

Суффикс ***-ин-а***: *зуботычина*, *червоточина* и т. п.

Суффикс ***-ств-о*** (***-тельств-о***): *богохульство* (устар.), *душевредство* (Шишков, Тайга; Сережка), *идолопоклонство*, *нововводительство* (Буташевич-Петрашевский, Карманный словарь иностр. слов, ст. «Неология»), *рукоприкладство*, *самоедство* («самоуничижение») (Мамин-Сибиряк, Черты из жизни Пепко), *самоуправство*, *смертоубийство* (устар.); *низкопоклонство*, *праздношатательство* (Салтыков-Щедрин) и т.п. Ср. *горорытство* (Державин).

Суффиксы ***-ни-е***, ***-ени-е*** (***-нь-е***,***-ень-е***): *бракосочетание*, *головокружение*, *злоупотребление*, *кровохарканье*, *рукоплескание*, *уходрание* (Помяловский, Вукол); *многописание* (М. Горький, Письмо К. П. Пятницкому 14—15 I 1908), *частописание* (М. Горький, Письмо Е. П. Пешковой 17 V 1898), *чистописание*; *жертвоприношение*, *кровопускание*, *пенкоснимание* (Салтыков-Щедрин), *сенокошение*, *скулодробление* (М. Горький, Между прочим), *сновидение*, *стиходелание* (Маяковский), *стихосложение*, *столоверчение*, *столпотворение*, *судостроение* и т. п.

Суффикс ***-ие*** (***-ье***): *богомолье* (устар.), *плюходейственное* (Помяловский, Очерки бурсы), *рукоделие*, *чревобасие* («чревовещание»)[16], *чревоугодие*, *языкоблудие* (М. Горький, Письмо Л. Н. Андрееву I—III 1912); *водосвятие* (устар.), *земледелие*, *миролюбие*, *престолонаследие* и т. п. Ср. также такое окказиональное слово, как *рукавоспустие* у В. Ф. Одоевского [17].

Суффикс ***-тие*** (***-тье***): *вероятие*, *кровопролитие*, *мероприятие*, *мордобитие* (вульг.), *рукопожатие*, *чаепитие*; *градобитие*, *рукобитье*, *челобитье* (истор.) и т. п.

Прочие суффиксы: *зимород-**ок***, *самород-**ок***; *коловёрт-**ыш-и*** (Леонов, Русский лес); *рукотёр-**тик*** (диал. «полотенце») [18]; *скородум-**чик-и*** (диал. «пресные ватрушки») [19]; *рукодель-**ниц-а*** (при отсутствии слов *рукодел* и *рукодельник*). Ср. также *пивопийца* (Колосов, Сын); *коловоротица* (Помяловский, Очерки бурсы).

*

Что касается «сложнопроизводных слов» по А. С. Новаковичу, то сразу же возникает вопрос, насколько правомерно включение такого рода образований в разряд сложных слов. А. С. Новакович полагает, что отнесение слов, образованных от сложных путем суффиксации, «к разряду сложных по формальным признакам не подлежит сомнению; взять хотя бы,— пишет он,— факт наличия в составе такого слова двух лексически полноценных компонентов, что является первым признаком любого сложного слова». Однако он здесь же вынужден признать, что «с точки зрения их образования такие слова могут быть выделены особо в разряд сложно-

[16] Из записок Я. М. Неверова, «Русск. старина», XXVIII, 1880, стр. 242—243.
[17] См. А. Ф. Кони, Очерки и воспоминания, СПб., 1906, стр. 62, 135, 318.
[18] См. М. К. Герасимов, Словарь уездного череповецкого говора, СПб., 1910, Сб. ОРЯС, 87, 3, стр. 77.
[19] Там же, стр. 82.

производных слов» [20]. Противоречие это остается у автора непреодоленным.

Академическая «Грамматика русского языка» также не дает ответа на поставленный выше вопрос. В ней в ряду суффиксальных одинаково рассматриваются слова *ленинградец*, *метростроевец*, *белогвардейщина*, *вольнослушательница*, *иностранка*, *пятидневка*, *винокурня*, *вероятие*, *косноязычие* и т. п., «соотносительные» со сложными словами *Ленинград*, *Метрострой*, *белогвардейский*, *вольнослушатель*, *иностранец*, *пятидневный*, *винокур*, *вероятный*, *косноязычный* и т. п., а также слова типа *очевидец*, *орденоносец*, *самоучка*, *сладкоежка*, *гололедица*, *водогрейня*, *словолитня*, *староселье*, *чернолесье* и др. под.[21]. При этом проблема взаимодействия суффиксации и словосложения в грамматике специально не ставится, а существительные типа *орденоносец*, *водогрейня*, *чернолесье*, с одной стороны, и *пятидневка*, *винокурня*, *вероятие*, *косноязычие* — с другой, рассматриваются и в разделе «Словосложение имен существительных» без какой-либо дифференциации [22]. В отношении слов *ленинградец*, *белогвардейщина*, *вольнослушательница*, *иностранка* и мн. др., подобных указанным, остается неясным, признаются ли они сложными в строгом значении этого термина или же выводятся за пределы «продуктивных типов непосредственного образования» сложных слов, о чем — с полным основанием — говорится применительно к ряду случаев в разделе «Словосложение имен прилагательных». Показательно, что, например, слово *камнеломня* рассматривается в грамматике (на наш взгляд — неправомерно) как производное от *камнелом* в ряду слов *бочарня*, *пекарня*, *винокурня*, но *солеварня* не возводится к *солевар*, а объединено с такими словами, как *бойня*, *водогрейня*, *пашня*, *словолитня*.

Все это лишний раз свидетельствует не только о значительной сложности проблемы взаимодействия словосложения и суффиксации, но и о коренном отличии словообразовательного анализа от элементарного морфологического, о подчинении второго первому. В связи с этим необходимо пересмотреть само понятие соотносительности различных слов, различных типов словообразования. Это понятие, казалось бы вполне удовлетворительное при подходе к словообразовательным процессам с традиционной морфологической точки зрения, сейчас, когда все более становится общепризнанной специфика словообразования и равноправие «Словообразования» в ряду других лингвистических дисциплин, оказывается, очевидно, недостаточным. Предстоит еще очень большая работа по исследованию своеобразия и взаимодействия различных типов словообразования, пока же — на основании изложенного выше — можно утверждать, что традиционный взгляд на слова типа *водопроводчик* (ср. *водопровод*), *зубоскальство* (ср. *зубоскал*), *работоспособность* (ср. *работоспособный*), *волгодонец* (ср. *Волгодон*) и некоторые другие как на сложные нуждается в пересмотре, поскольку со словообразовательной точки зрения они ничем не отличаются от обычных производных слов [23]. Критерий общеморфологический должен здесь уступить место словообразовательному [24]. Естественно, что это связано с внесением коррективов и в само

[20] А. С. Новакович, указ. соч., стр. 44. Отметим, что С. С. Хидекель, по-видимому, не считает возможным применить к подобным словам название «сложные».

[21] См. АГ, I, стр. 214—217, 220, 223, 230, 232, 234, 247, 248, 251, 253, 256.

[22] Ср. W. Witkowski, Sufiksy tworzące nazwy działacza (nomina agentis) w języku rosyiskim, «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 1, Warszawa, 1955.

[23] Показательно сопоставление сложного слова *метростроитель* с производным *метростроевец* (от *метрострой*). В тексте: «Московские метростроевцы щедро делятся своими методами также с метростроителями стран народной демократии» («Лит. газета» 8 I 1952) слово *метростроителями* невозможно заменить словом *метростроевцами*.

[24] Ср. St. Jodłowski, Podstawowe zagadnienia metodologiczne słowotwórstwa, «Poradnik językowy», 1954, 7 и W. D[oroszewski], Wyjaśnienie, там же; Н. Д. Арутюнова, Очерки по словообразованию в современном испанском языке, М., 1961; М. Д. Степанова, Вопросы морфологического анализа слова..., «Ин. яз. в школе», 1961, 1.

определение сложного слова, поскольку выведение перечисленных выше слов за пределы сложных несовместимо с признанием в качестве differentia specifica сложного слова наличия в нем «двух лексически полноценных компонентов» (А. С. Новакович).

Таким образом, суффиксальные слова со сложной производящей основой должны быть вообще выведены за пределы словосложения и отнесены к аффиксации. Суффиксальносложные слова представляют особый способ словообразования, равноправный с аффиксацией и собственно словосложением.

*

Суффиксальносложные имена существительные с глагольным вторым компонентом нередко сосуществуют со сложными существительными того же корневого состава, но образованными без участия суффиксации. При этом в литературном языке чаще закрепляются бессуффиксальные варианты, вытесняя соответствующие суффиксальносложные существительные. Особенно распространен такого рода параллелизм у суффиксальносложных слов с суффиксом *-ец*, т. е. у слов, образованных по модели старославянского происхождения. Ср. *дровосек* и *древосечец*, *духобор* и *духоборец*, *душегуб* и *душегубец*, *женолюб* и *женолюбец*, *земледел* и *земледелец*, *кровосос* и *кровососец* (М. Горький, Коновалов), *сердцевед* и *сердцеведец*[25], *стихотвор* (Тургенев, Новь) и *стихотворец*. Однако у советских писателей можно найти немало примеров предпочтения как раз суффиксальносложных вариантов. Ср. *мореход* и *мореходец* (Леонов, Русский лес), *крючкотвор* и *крючкотворец* («Лит. газета» 16 I 1954), *трудолюб* и *трудолюбец* (Гладков, «Лит. газета» 13 XI 1952), *жизнелюб* (Горбатов, Донбасс. Ср. Пастернак, Зима приближается) и *жизнелюбцы* (Охлопков, «Лит. газета» 11 XI 1954). Но ср. *себялюбец* (устар.) и *себялюб* (Горбатов, там же, и Беляев, Город у моря). Ср. еще *народолюбец* (Тургенев, Новь), с одной стороны, *природолюб* (М. Горький, Письмо М. М. Пришвину 22 IX 26), *самолюб* (его же, Письмо С. А. Венгерову, июль 1908), *однолюб* — с другой.

Заслуживают быть отмеченными также образования с суффиксом *-щик*. Ср. современные *сукновал* и *сукновальщик* (спец.), а также *землемер* и старинное *землемерщик*, *рудокоп* и старинное *рудокопщик*.

Факты современного русского языка не дают никаких оснований для того, чтобы выделять специальный тип префиксальносложных существительных. Следует отметить, что исключительно редки случаи присоединения префикса даже к готовым сложным существительным. Примеры типа щедринских *прехлебосолка* и *сопенкоснимателъ* (ср. еще *сопсихолог*) единичны. Столь же громоздки и единичные образования, производные от сложных глаголов с приставками, типа *уподноображение*. Видимо, по той же причине сравнительно редко встречаются уменьшительные, ласкательные, уничижительные и увеличительные формы сложных существительных. Но ср. у суффиксальносложных существительных: *скороговорочка*, *червоточинка*.

Известно, что существует определенная тенденция к вытеснению префикса и из второй части сложного слова, точнее — тенденция к устранению в сложном существительном префикса того из членов исходного словосочетания, который становится вторым компонентом. Однако наблюдаются факты и иного характера. Ср. диал. *сухоподстой* при литературном *сухостой*, а также ряд *водопровод*, *газопровод* и под. [26].

[25] М. Е. Салтыков-Щедрин еще употреблял их безразлично. Ср. современные болгарские *езиковед* «языковед» — *езиковедец* «знаток языков» и русские *богомол* (насекомое) — *богомолец*.

[26] Предлагая для замены слова *телефон* русское название *звуковод*, Р. Ф. Брандт даже категорически утверждал: «Иной, может быть, предпочел бы образовать „звукопровод“, по образцу „водопровод“, но последнее слово составлено неправильно: вторая часть сложения должна быть простым словом» [Р. Ф. Брандт, Несколько замечаний об употреблении иностранных слов, «Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине», VIII, (1883), отд. II, Москва, Киев и Лейпциг, 1884, стр. 16].

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1962

Т. В. ПОПОВА

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ БОЛГАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

§ 1. Проблема типологической характеристики славянских языков и диалектов, выдвинутая еще И. А. Бодуэном де Куртенэ по двум структурным признакам — по морфологическому использованию ударения и по наличию противопоставления долгих и кратких гласных [1],— долгое время не находила своего дальнейшего развития и была вне интересов славистов-диалектологов. Новейшие типологические исследования славянских языков, в частности доклад на IV Международном съезде славистов Э. Станкевича [2], в принципе мало чем отличаются от тех положений и классификационных схем, которые в свое время предлагал Бодуэн [3]. Все же определенный прогресс следует видеть в увеличении числа типологических классификационных признаков и в установлении их внутренней взаимосвязи. В результате вновь предпринятого почти сплошного обследования юго-восточных болгарских говоров [4] определилась связь между отсутствием полифонии и наличием фонологической корреляции твердых и мягких согласных. Были получены факты, позволяющие раскрыть некоторые особенности корреляции твердых и мягких согласных фонем в ее связи с системой диалектного вокализма.

В отношении корреляции твердых и мягких согласных фонем современный болгарский язык отличается большой диалектной расчлененностью и многообразием: структура данного явления (т. е. позиции различения и нейтрализации и сам объем фонем, образующих корреляцию твердости — мягкости) может быть неодинаковой не только в восточных и западных говорах в отдельности, представляющих результаты двух различных путей развития указанной корреляции, но также и внутри каждой из этих двух групп говоров.

§ 2. Во всех славянских языках, имеющих корреляцию твердых — мягких согласных фонем, соотносительные по твердости — мягкости фонемы характеризуются наличием или отсутствием палатальности, с одной стороны, и возможностью подвергаться нейтрализации, с другой. Под нейтрализацией, которая служит признаком функциональной связи коррелятивных фонем, следует понимать неразличение соотносительных фонем в определенной фонетической позиции, например *пóлски*, *сéлски*, но *пол'á*, *селá*.

Пути развития корреляции твердости — мягкости согласных определялись, в основном, судьбой праславянских позиционно смягченных

[1] См.: «Подробная программа лекций И. А. Бодуэна де Куртенэ в 1877—1878 учебном году», Казань — Варшава, 1881, стр. 143—145.

[2] E. Stankiewicz, Towards a phonemic typology of the Slavic languages, «American contributions to the Fourth International Congress of Slavicists», 's-Gravenhage, 1958.

[3] См. об этом: В я ч. В. И в а н о в, И. А. Бодуэн де Куртенэ и типология славянских языков, сб. «И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти)», М., 1960.

[4] Во время болгаро-советских экспедиций 1956, 1957 и 1958 гг. был собран материал на большей части изучаемой территории: в течение трех первых экспедиций было обследовано 255 населенных пунктов из 402, причем обследовались лишь старые непереселенческие села с однородным по составу и происхождению населением (см. ВЯ, 1960, 1, стр. 138—140).

согласных: в одних языках, например русском и польском, праславянские позиционно мягкие согласные совпали с согласными, обладавшими фонематической мягкостью, и корреляция твердых — мягких согласных фонем получила широкое и последовательное развитие; в других же языках, где различие между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных сохранилось, данная корреляция развития не получила, как, например, в сербскохорватском.

Известно, что в поздний период истории праславянского языка по твердости — мягкости были противопоставлены лишь согласные фонемы *l* — *l'*, *n* — *n'*, *r* — *r'*, *s* — *s'*, *z* — *z'* (при изменении *dz'* в *z'*). Палатальные согласные *l'*, *n'*, *r'* восходили к сочетаниям соответствующих согласных с *j*; согласные *z'*, *s'* развились из согласных фонем *g*, *ch* в результате II и III палатализаций. Все остальные зубные, губные, шипящие, задненебные согласные и аффрикаты в праславянский период были непарными по твердости — мягкости [5]. Согласно принципу слогового сингармонизма, твердые губные и зубные согласные перед гласными переднего ряда приобретали позиционную мягкость. Непарные задненебные твердые согласные в положении перед гласными переднего ряда меняли свое качество и становились мягкими шипящими или свистящими согласными: *č'*, *ž'*, *š'*, *c'*, *dz'* (>*z'*), *s'*.

Следует отметить, что названные твердые согласные фонемы, не достигая качества полной мягкости в положении перед гласными переднего ряда, функционировали как твердые; названные мягкие согласные фонемы могли быть только мягкими. Таким образом, соотносительность твердых и мягких согласных фонем в праславянскую эпоху была лишь физиолого-акустической. Функционально же они, собственно говоря, объединены не были, поскольку ни при каких условиях не подвергались нейтрализации.

Согласные фонемы, обладавшие фонематической мягкостью, употреблялись в праславянский период не только перед гласными переднего ряда, но и перед гласными непереднего ряда *o̯*, *u*, *a*, например: *kl'uč*, *vol'a*, *mol'o̯*. Однако перед гласными непереднего ряда *o*, *ъ*, *y* указанные фонемы не встречались. Поскольку степень лабиализации гласных *o*, *ъ*, *y* была не такой сильной, как лабиализация гласных *u*, *o̯* [6], мягкие согласные легко изменяли гласные заднего ряда *o*, *ъ*, *y* в соответствующие гласные переднего ряда *e*, *ь*, *i*. Подобное состояние в системе праславянского консонантизма было свойственно, видимо, и болгарскому языку в ранний период его самостоятельного развития.

§ 3. История системы болгарского вокализма (прежде всего гласных переднего ряда), судьба согласных перед их праславянскими рефлексами, а также и сама специфика корреляции твердых и мягких фонем в современных болгарских говорах свидетельствуют о том, что в диалектах, расположенных на территории восточной Болгарии, произошло функциональное совпадение праславянских позиционно мягких согласных с согласными, обладавшими фонематической мягкостью, тогда как в говорах, составивших основу западноболгарского наречия, подобного совпадения не произошло [7].

Это общее положение, в целом подтверждаемое показаниями современных болгарских говоров, предстает, однако, в значительно более сложном виде при обращении ко всей совокупности вновь полученных диалектных данных, которые дают в этом отношении сложную, многообразно диф-

---

[5] Подробнее см.: Л. Э. Калнынь, Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», XIII, 1956.

[6] См. N. Troubetzkoy, Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun, RÉSl, II, 3 et 4, 1922, стр. 222—223.

[7] См., например: R. Jakobson, Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, TCLP, II, 1929, стр. 76—79; K. Horálek, K otázce palatálních souhlásek v bulgarštině, «Slavia», XX, 1, 1950, стр. 57.

ференцированную, подчас даже противоречивую картину. На развитие корреляции твердых — мягких согласных фонем в говорах восточной и западной Болгарии влияли и различные факторы нефонетического характера — такие, как морфологическая аналогия, иноязычные заимствования и длительное междиалектное общение.

Позиционно смягченные согласные обладали меньшей степенью мягкости по сравнению с мягкими согласными фонемами. Есть основания полагать, что в период ликвидации этого различия между ними праславянские позиционно мягкие согласные «смягчились», т. е. приобрели степень мягкости праславянских мягких согласных фонем. Об этом говорят факты современных восточных болгарских говоров и литературного языка, в которых в настоящее время не существует различия в степени мягкости между согласными, восходившими к праславянским позиционно мягким, с одной стороны, и к праславянским фонематически мягким согласным, с другой (ср. *учители*, *орли* — им. падеж мн. числа от *учитель*, *орьлъ*). Благодаря такому «смягчению» для твердых и мягких согласных фонем появились позиции, в которых могла происходить нейтрализация указанных фонем: в положении перед гласными переднего ряда стали употребляться слабые мягкие согласные фонемы, в которых нейтрализовалось противопоставление сильных твердых и мягких согласных фонем [8].

§ 4. Остановимся на судьбе согласных, находящихся в конце исторических основ на **jo* и на **i* (т. е. конечных согласных, за которыми в древнеболгарском следовал ь) в восточноболгарских говорах. В настоящее время мы располагаем определенными данными, подтверждающими факт смягчения позиционно мягких согласных в положении перед гласным переднего ряда ь в восточноболгарских говорах. Ср., например, наличие мягких согласных фонем, некогда предшествовавших слабому ь на конце слова и в положении перед согласными, в ряде современных юго-восточных и некоторых северо-восточных диалектов: *д'ен'*, *сол'*, *път'*, *з'ет'*, *рâдос'*, *сол'тâ* (первомайский, неврокопский, родопские, тырновский, котелский и другие говоры) [9].

Правда, в большинстве северо-восточных и в некоторых юго-восточных болгарских говорах в указанных позициях встречаются лишь твердые согласные фонемы — как в соответствии с праславянскими позиционно и фонематически мягкими согласными (ср. *ден*, *сол*, *път*, *кон*, *крал*, *учител*, *полски*, *конски* и др.), так и в соответствии с праславянскими твердыми согласными. На первый взгляд это является как бы доказательством того, что в указанных говорах праславянские позиционно мягкие согласные в положении перед ь отвердели. Тем не менее подобное предположение может быть опровергнуто фактами этих же говоров. Так, мягкость конечного согласного основы представлена здесь в именах существительных мужского рода ед. числа перед гласным членной формы, а также в именах прилагательных женского и среднего рода ед. числа в положении перед флективным гласным: *ден'ъ(т)*, *зет'ъ(т)*, *път'ъ(т)*, *сйн'а*, *сйн'о* [10]. Как

[8] О понятиях сильной и слабой фонемы см. в кн.: Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 28—31.

[9] См.: L. Miletič, Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, Wien, 1912, стр. 30, 31, 43, 47, 49, 64, 176, 209; Ст. Стойков, Отчет за опитните диалектоложки проучвания в Първомайско през 1950 год., «Изв. на Ин-та за бълг. език», I, София, 1952, стр. 251; Ст. Стойков, Христоматия по българска диалектология, София, 1950, стр. 1, 6; К. Мирчев, Неврокопският говор, «Годишник на Софийския ун-т», Ист.-филол. фак-т, XXXII, 1, 1936, стр. 47, 48, 63 и др.; А. Бурмов, Народни умотворения от с. Бяла-Черкова, Търновско, «Сборник за народни умотворения» (СбНУ), XXXVIII, София, 1930, [1], стр. 8—12, 15, 17, 19; Ив. Кравков, [рец. на кн.:] Песни по говора на г. Котел, записал г. Г. Киров, СбНУ, VI, 1891, стр. 20.

[10] См. также у В. Н. Щепкина в «Болонской псалтыри» (СПб., 1906) на стр. 103 о современных восточноболгарских членных формах *път'ът*, *път'ъ*, которые, по его словам, свидетельствуют о том, что «... восточноболгарские говоры в эпоху подновления сохраняли долю мягкости в конечных согласных нечленных форм *път*, *ден*, *огън* и т. п.».

известно, членная форма в некоторых восточноболгарских говорах возникла уже в X в., т. е. в то время, когда слабые редуцированные полностью еще не исчезли и когда падежные флексии еще не были утрачены [11]. Следовательно, и рассматриваемые здесь говоры, как и все прочие восточноболгарские говоры, в свое время тоже пережили процесс смягчения согласных в положении перед слабым ъ. Этот процесс имел место до падения редуцированных, которое датируется приблизительно XI в.[12]. Наличие же в положении конца слова в этих говорах только твердых согласных является следствием позднейшего отвердения мягких согласных, восходящих как к праславянским позиционно мягким, так и к праславянским фонематически мягким согласным.

§ 5. Рассмотрим распространение данного явления на территории юго-восточной Болгарии, обследованной во время первых трех болгаро-советских экспедиций. Собранный материал по вопросу о конечной мягкости согласных в словах *сол*, *ден*, *кон*, *зет*, *път*, *овчар* и *език* дает очень четкую изоглоссу мягкости и твердости и по-новому освещает этот вопрос, показывая, что на большой части юго-восточной Болгарии расположены говоры с твердым произношением указанных конечных согласных. Эти диалекты находятся в центре юго-восточной Болгарии, охватывая часть Чирпанской, часть Старозагорской, большую часть Новозагорской, часть Сливенской, Ямбольскую, Тополовградскую, Елховскую и часть Грудовской околий (приблизительно около 100 старых сел с исконным населением). На севере Чирпанской, в Казанлыкской, большей части Сливенской, в Айтосской, Поляновградской, части Грудовской, Бургасской, Малкотырновской, Свиленградской, Харманлийской, Ивайловградской [13], Хасковской, Димитровградской и Первомайской околиях рассматриваемые слова употребляются с мягкими конечными согласными. Таким образом, зона говоров с мягким произношением конечных *л*, *н*, *р*, *т*, *к* на севере, востоке и юге (за исключением южной границы Тополовградской и Елховской околий) окаймляет зону говоров с твердым произношением указанных согласных (см. карту 1).

Изоглоссы твердости конечных *л*, *н*, *р*, *т*, а также их мягкости, в основном, совпадают между собой, тогда как изоглосса конечного *к* в слове *език* существенно отличается от изоглосс *л*, *н*, *р*, *т*, поскольку область с употреблением твердого *к* является более широкой. Так, с твердым *к* данное слово находим и в диалектах Айтосской, Грудовской, Поляновградской и Бургасской околий (восток и северо-восток юго-восточной Болгарии) и части Первомайской околии (на юге и юго-западе), т. е. там, где конечные *л*, *н*, *р*, *т* в словах *сол*, *ден*, *кон*, *овчар*, *зет*, *път* являются мягкими. Причина этого заключается, скорее всего, в том, что слова *сол*, *ден*, *кон*, *овчар*, *зет*, *път* оканчивались в древнеболгарском на ь, перед которым согласные в восточноболгарских говорах являлись мягкими, а *к* в слове *език* всегда был твердым, поскольку это существительное оканчивалось в древнеболгарском на ъ.

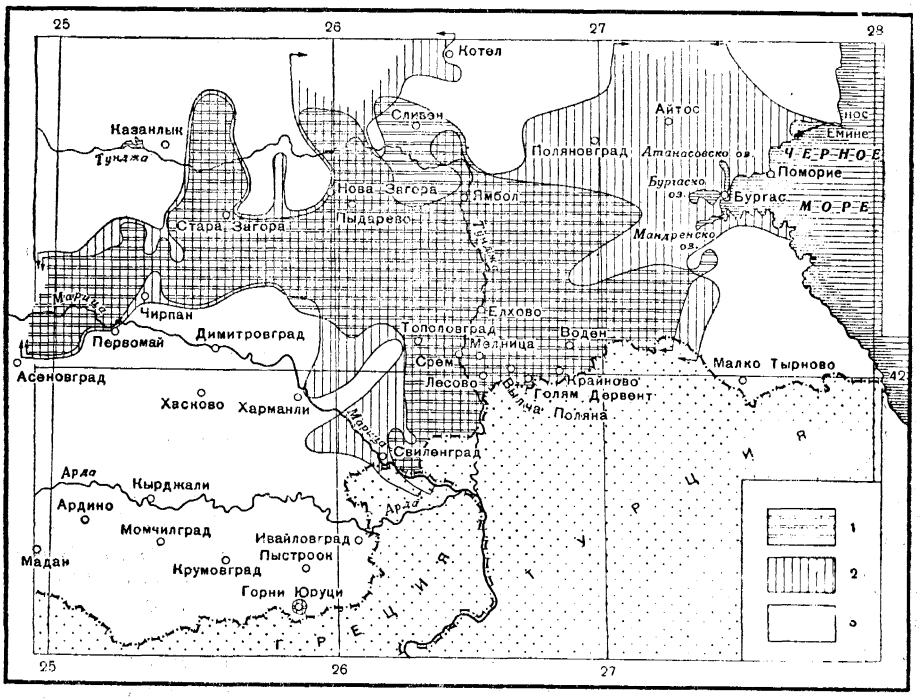
На границе между зоной твердости и зоной мягкости расположены часто говоры с неустойчивым произношением конечных согласных в указанных именах существительных, а именно: *сол* и *сол'*, *ден* и *ден'*, *кон* и *кон'*, *овчар* и *овчар'*, *зет* и *зет'*, *път* и *път'*, *език* и *език'*, что свидетельствует о сосуществовании двух систем говоров и о незавершенности процесса от-

[11] См.: К. Мирчев, Историческа граматика на българския език, София, 1958, стр. 184; М. Иванов, Принос към изучване българските диалекти (забележки по говорите в областта на средногорското наречие), «Периодическо списание», XLVI, София, 1894, стр. 552, 575.

[12] См. об этом, например: К. Мирчев, Историческа граматика..., стр. 111; С. М. Кульбакин, Охридская рукопись Апостола конца XII в., «Български старини», III, София, 1907, стр. XCII.

[13] За исключением с. Горни Юруци, где находим твердость конечных согласных. Это объясняется тем, что население здесь не исконное, а состоит в основном из болгарских переселенцев из Южной Фракии (с. Хибелькёй).

вердения конечных согласных. Для понимания движения процесса отвердения этимологически мягких конечных согласных представляет интерес употребление подобных дублетных форм разными возрастными слоями населения. Оказалось, что в говорах с фонетическими дублетами слов *сол—сол'*, *ден—ден'*, *кон—кон'*, *овчар—овчар'*, *зет—зет'* и *път—път'* вариант с мягкостью, как правило, встречается в языке старшего поколения. Характерно, что в селах Воден, Крайново, Мелница, Вылча Поляна, Срем, Лесово и Голям Дервент, где мягкое произношение конечного согласного



Карта 1. Произношение конечных согласных в словах *сол* и *език* на территории юго-восточной Болгарии

1 — зона распространения твердого *л* в слове *сол*; 2 — зона распространения твердого *к* в слове *език*; 3— зона распространения мягких конечных согласных в словах *сол* и *език*

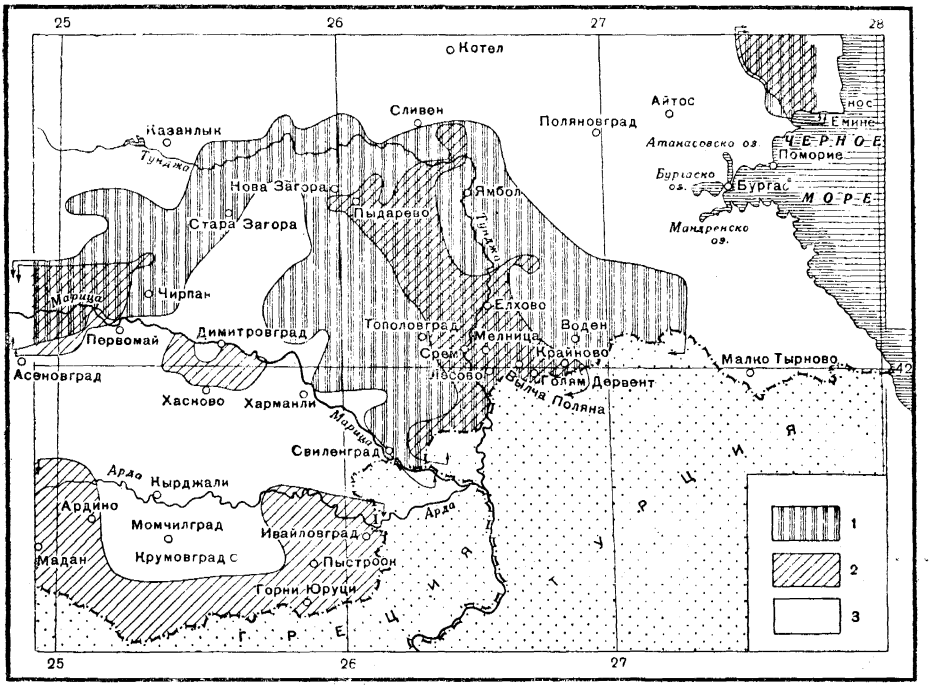
встречается чрезвычайно редко и соответствующие факты единичны, они представлены лишь в языке стариков. Что же касается фонетических дублетов *ези́к—ези́к'*, то замечено, что вариант с твердым *к* зафиксирован у старшего поколения, тогда как в языке более младшего поколения обычна форма с мягким *к*.

Все эти факты показывают, что было время, когда территория юго-восточной Болгарии, видимо, не была разделена на две зоны в отношении твердости и мягкости конечных согласных. Следует предположить, что твердость конечных согласных в словах типа *сол*, *ден*, *кон*, *овчар*, *път*, *зет* (т. е. согласных, за которыми в древнеболгарском следовал ь) на картографируемой территории — это сравнительно новая черта, которая, однако, захватила уже большую область. В данном случае мы встречаемся с проявлением одной из основных черт болгарского консонантизма — с тенденцией отвердения мягких согласных.

Что касается твердости — мягкости согласного *к* в существительном *език*, то здесь мы имеем обратное положение: формы с твердым *к* следует считать более старыми, а формы с мягким *к* — более новыми. Появление же нефонетического смягчения согласных — это тоже одна из характерных черт современного болгарского языка, связанная, как и утрата эти-

мологической мягкости, с тенденцией ослабления функциональной значимости дифференциального признака, лежащего в основе корреляции твердых и мягких согласных фонем.

Опубликованный ранее диалектный материал из говоров юго-восточной Болгарии также подтверждает, что в положении конца слова наряду с праславянскими мягкими согласными фонемами и согласными, обладавшими позиционной мягкостью, наблюдается и появление нефонетической мягкости конечных этимологически твердых согласных, например: *живо́т'*,



Карта 2. Произношение согласного *н* в членных формах ед. числа существительных *ден* и *сън* на территории юго-восточной Болгарии
1 — зона распространения твердого *н* в слове *денят*, *деня*; 2 — зона распространения твердого *н* в слове *сънът*, *съна*; 2 — зона распространения мягкого *н'* в членных формах ед. числа существительных *ден* и *сън*

ж'иўо́т', *гла́т'*, *вру́т'*, *уце́т'*, *же́нет'*, *муцу́н'*, *сън'*, *густа́н'*, *гол'*, *отмъ́л'*, *лентя́р* и т. п.[14]. Все эти факты показывают, что в ряде говоров юго-восточной Болгарии соотносительные по твердости — мягкости согласные фонемы недостаточно четко противопоставлены друг другу в положении конца слова; здесь ясно выражено стремление унифицировать качество согласного в названной позиции, а именно — смягчить конечный согласный.

§ 6. Как уже было отмечено, в литературном болгарском языке и в большинстве северо-восточных болгарских говоров, где неизвестна конечная мягкость согласных, в именах существительных мужского рода ед. числа, оканчивающихся на согласный, за которым в древнеболгарском следовал ь, этот согласный в положении перед гласным членной формы сохраняет свою мягкость. Кроме того, в литературном болгарском языке мягким является также согласный основы глаголов II спряжения настоящего времени перед гласным флексии 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа. Эти данные говорят о том, что для согласного звука позиция перед

[14] См.: L. Miletič, Die Rhodopemundarten..., стр. 34; К. Мирчев, Неврокопският говор, стр. 11, 48, 60; Ст. Стойков, Отчет за опитните диалектоложки проучвания..., стр. 251.

гласным является сильно действующим фактором, препятствующим распространению тенденции отвердения. В связи с этим при решении вопроса о корреляции твердых и мягких согласных фонем интересно оказывается проследить судьбу этимологически мягких согласных в членных формах имен существительных мужского рода ед. числа (*денят* и *сънът*—*сънят* от *ден* и *сън*) и в глаголах II спряжения настоящего времени в положении перед гласными в говорах юго-восточной Болгарии.

Территория распространения твердого произношения согласного *н* в членной форме существительного *ден* совпадает в основных чертах с областью твердости конечных согласных. В целом можно отметить, что процесс отвердения согласного *н* в положении перед ударенным гласным в форме *деня*, *денят* проходил почти с той же интенсивностью, как и в положении конца слова. Однако согласный *н* в существительном *сън* в положении перед ударенным гласным членной формы ед. числа ведет себя по-другому: здесь твердость *н* отмечена на значительно меньшей территории — в некоторых селах Ивайловградской, Крумовградской, Ардинской, Димитровградской, Новозагорской, Ямбольской, Сливенской, Тополовградской и Елховской околий (см. карту 2).

При объяснении различий в судьбе согласного *н* в словах *ден* и *сън* в положении перед гласным членной формы прежде всего следует учитывать первоначально разное качество согласного *н* в указанных существительных (ср. др.-болг. *дьнь* и др.-болг. *сънъ*). Это означает, что мы должны были бы ожидать от существительного *ден* членную форму *ден'ъ*, а от существительного *сън* — членную форму *сънъ*. Однако на рассматриваемой территории юго-восточной Болгарии зона твердости *н* в членной форме от существительного *сън* занимает сравнительно небольшую область, тогда как мягкость *н* в анализируемой форме распространена очень широко. Кроме того, известно, что нормой литературного произношения является как *сънът*, *сънá*, так и *сънят*, *съня*[15]. На основании этих фактов можно предположить, что еще задолго до начала интенсивного проявления тенденции отвердения согласный *н* в слове *сън* подвергся нефонетическому смягчению, в результате чего формы с мягкостью проникли в северо-восточные говоры, а оттуда и в литературный язык. В дальнейшем тенденция отвердения охватила все болгарские говоры, но проявлялась она по-разному в различных диалектах. В говорах обследованной области процесс отвердения *н* в членной форме от слова *ден*, видимо, начался раньше, чем отвердение данного согласного в слове *сън*. Подтверждение того, что форма *сънь* в современных говорах является более новой, находим в говоре с. Пыдарево Новозагорской околии, где форма *сънь* была зафиксирована нами в языке 40-летней женщины, в то время как ее 80-летняя мать говорила *сън'ъ*. Об этом свидетельствует и материал из с. Пыстроок Ивайловградской околии, где формы-дублеты *сънът* и *сън'ът* отмечены лишь в языке старшего поколения в возрасте 70—90 лет. Характерно, что это село было основано переселенцами из с. Янурино, Софлийско, в 1920—1925 гг., а в языке фракийцев зафиксирована только форма *сан'ът*[16].

Твердость *н* в членных формах от существительных *ден* и *сън* одновременно зафиксирована, таким образом, лишь в небольшом количестве говоров. Эти говоры занимают узкую полоску, охватывающую села Елховской, Тополовградской, Ямбольской и Новозагорской околий, которая идет с юга от государственной границы Болгарии и обрывается на севере Новозагорской околии.

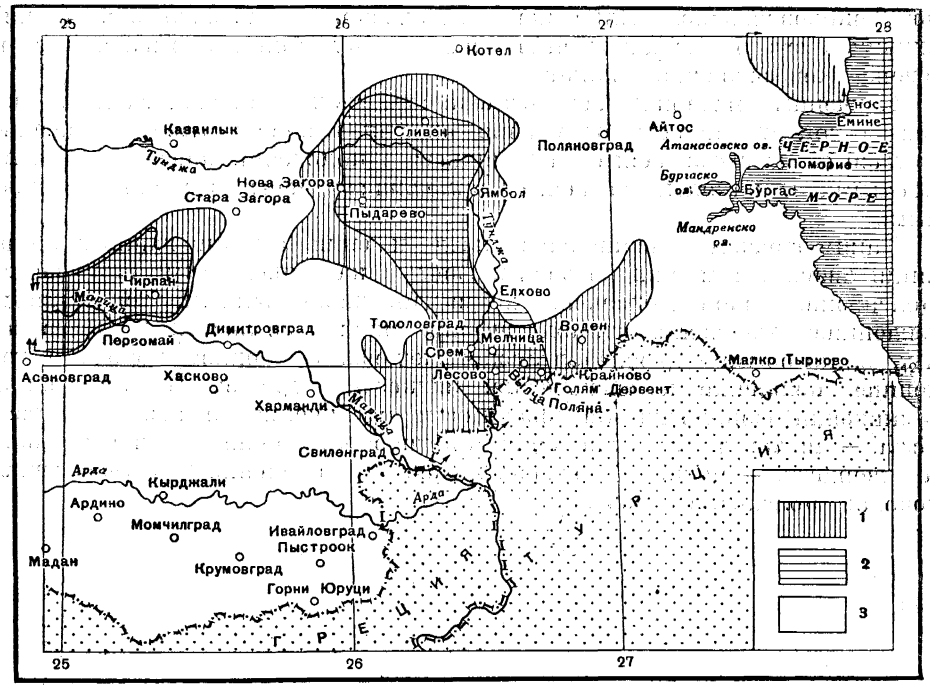
Вполне возможно, что именно здесь раньше всего проявилась тенден-

[15] См.: Ст. Романски, Правописен речник на българския книжовен език, 2-е изд., София, [1951], стр. 614; «Български тълковен речник», София, 1955, стр. 846; «Речник на съвременния български книжовен език», 13, София, 1959, стр. 360.

[16] Хр. Кодов, Езикът на тракийските българи.— «Тракийски сборник», VI, София, 1935, стр. 26.

ция отвердения согласного *н* как в форме *денят*, так и в форме *сънът* (*сънят*).

§ 7. По вопросу о твердости и мягкости согласного основы глаголов II спряжения настоящего времени 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа можно заметить следующее. Говоры с твердым согласным основы находятся в центре обследованной юго-восточной территории Болгарии и



Карта 3. Произношение конечных согласных основы глаголов II спряжения настоящего времени 1-го лица ед. числа типа *вървя*, *седя*, *спя* и 3-го лица мн. числа типа *носят*, *видят*, *помнят* на территории юго-восточной Болгарии. 1 — зона распространения твердых согласных основы в глаголах типа *вървя*, *седя*, *спя*; 2 — зона распространения твердых согласных основы в глаголах типа *носят*, *видят*, *помнят*; 3 — зона распространения мягких согласных основы в глаголах типа *вървя*, *седя*, *спя*; *носят*, *видят*, *помнят*

занимают область, где отмечена и твердость конечных согласных, западная и восточная границы этой области колеблются в зависимости от наличия или отсутствия ударения на флексии и в зависимости от формы числа. В наименьшей степени отвердение согласного основы охватило глаголы 3-го лица мн. числа настоящего времени с безударной флексией типа *носят*, *видят*, *помнят*, *ходят*. Оно наблюдается только в селах Тополовградской, Елховской, Ямбольской, Новозагорской, Сливенской и Чирпанской околий. Указанная территория почти полностью совпадает с зоной твердости согласного *н* в членных формах от *сън* и *ден*.

В глаголах 1-го лица ед. числа с безударной флексией типа *нося*, *видя*, *помня*, *ходя* изоглосса твердости несколько расширяется на юго-востоке за счет говоров Елховской и Грудовской околий. Еще более расширяется в сторону запада и востока территория, на которой наблюдается твердость согласного основы глаголов 3-го лица мн. числа наст. времени с ударенной флексией типа *вървят*, *седят*, *платят*. И, наконец, наиболее широко отвердение согласного основы представлено у глаголов 1-го лица ед. числа наст. времени с ударенной флексией типа *вървя*, *седя*, *платя*. В тех говорах, где процесс отвердения указанных согласных проведен

еще непоследовательно, утрата мягкости согласных основы наблюдается прежде всего в глаголах *спя* и *седя* (см. карту 3) [17].

§ 8. Анализ судьбы согласных основы глаголов II спряжения, конечных согласных и согласного *н* в членных формах *сънът* (*сънят*) и *денят* подтверждает предположение о том, что для юго-восточной Болгарии первоначальная территория, на которой стали проявляться процессы отвердения, находится в центре этой области и охватывает узкую полосу говоров Тополовградской, Елховской, Ямбольской и Новозагорской околий, идущую с юга от государственной границы Болгарии и обрывающуюся на севере Новозагорской околии.

Изученный материал дает возможность сделать предварительные выводы о том, что процесс отвердения охватил в первую очередь конечные согласные, затем согласные, находящиеся в положении перед ударенными гласными, и, наконец, согласные, находящиеся перед безударными гласными.

Таким образом, сложившаяся после падения редуцированных корреляция твердых и мягких согласных фонем в настоящее время нарушается. Болгарские говоры охвачены двумя противоположными тенденциями: тенденцией отвердения этимологических мягких согласных (т. е. согласных, за которыми в древнеболгарском следовал ь), с одной стороны, и тенденцией появления нефонетической мягкости, с другой. Все это говорит о снижении фонологической значимости различения согласных по твердости — мягкости, об ослаблении противопоставления соотносительных по твердости — мягкости согласных фонем в современных юго-восточных говорах болгарского языка.

---

[17] Проследить судьбу согласных основы глаголов II спряжения настоящего времени по говорам болгарского языка было бы интересно и с точки зрения решения вопроса о территориальном движении отвердения указанных согласных. По мнению Кр. С. Стойчева, утрата мягкости согласных основы глаголов II спряжения раньше всего стала проявляться на западе, распространяясь в дальнейшем на восток (см. Кр. С. Стойчев, Тетевенски говор, СбНУ, XXXI, 1915, стр. XII).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

О. И. МОСКАЛЬСКАЯ

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

Понятие устойчивости словосочетания важно не только для лексикологии, но и для грамматики, поскольку наряду с устойчивыми словосочетаниями, эквивалентными слову и образующими фразеологию языка, имеются устойчивые словосочетания иного типа — устойчивые словосочетания с грамматической направленностью или грамматизованные устойчивые словосочетания, умножающие не номинативные средства языка, а средства выражения различных грамматических значений, в первую очередь — модальности, времени, вида. Словосочетания этого типа не привлекали к себе внимания исследователей, разрабатывавших теорию словосочетания. Они не выделялись как особый тип словосочетаний ни И. Рисом, ни Ф. Ф. Фортунатовым, ни его учениками. В классификации словосочетаний Ф. Ф. Фортунатова упоминается лишь одно явление, связанное с вопросом о грамматизованных словосочетаниях,— сочетания типа *буду говорить* или *laudatus est*, т. е. сочетания полного и частичного слова, функционально не отличающиеся от простых форм слова и называемые Ф. Ф. Фортунатовым составными формами слов [1]. Это же явление широко изучалось многими языковедами в связи с общей проблемой аналитического строя языков.

На наличие особого типа словосочетаний с грамматическим значением указывает В. В. Виноградов в связи с рассмотрением системы средств выражения модальности в русском языке. В. В. Виноградов называет эти словосочетания «несвободными сочетаниями слов» или же «типизированными устойчивыми сочетаниями слов» [2]. Большой материал по употреблению инфинитивных конструкций с модальным и видовым значением в русском языке, представляющих собой не что иное, как грамматизованные устойчивые словосочетания, содержат исследования В. П. Сухотина [3]. Однако автор отождествляет эти словосочетания с аналитическими формами слова. Между тем описательные, или аналитические формы слова значительно отличаются от тех устойчивых словосочетаний, которые мы называем устойчивыми словосочетаниями с грамматической направленностью. Во-первых, аналитические формы состоят из частичного и полного слова, в то время как под словосочетанием понимается обычно сочетание двух или более полных слов; во-вторых, сохраняя внешнюю структуру словосочетания, аналитические формы слова функционально и по значению не отличаются от простых форм, соотносительны с ними и объединяются с ними в единой парадигме. Поэтому аналитические формы сами

---

[1] Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, в кн.: «Избр. труды», 1, М., 1956, стр. 178 и сл.

[2] В. В. Виноградов, О категории модальности и модальных словах в русском языке, «Труды Ин-та русского языка [АН СССР]», II, М.— Л., 1950, стр. 50 и сл.

[3] В. П. Сухотин, Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке, «Уч. зап. Кабардино-Балкарского гос. пед. ин-та», 1, Нальчик, 1940; его же, Проблема словосочетания в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.

рассматриваются не как словосочетания, а как особые формы слова [4]. Все это заставляет разграничивать аналитические формы и грамматически несвободные словосочетания в собственном смысле слова.

Вместе с тем изучение аналитических форм несомненно во многом подготовило почву для теоретической разработки вопроса об устойчивых словосочетаниях с грамматической направленностью, поскольку аналитические формы слова связаны с грамматически несвободными словосочетаниями как структурно, так и генетически. Положительным итогом разработки теории аналитических форм являются в первую очередь следующие моменты: 1) определение аналитических форм слова как особого типа сочетания частичного и полного слова, функционально равного одной из грамматических форм полного слова; 2) выделение основных признаков, конституирующих аналитическую форму: а) соотносительность ее с простыми грамматическими формами слова, эквивалентность не слову в целом как номинативной единице языка, а грамматической форме слова, и включение в парадигму полного слова, т. е. в парадигматическую схему определенной части речи; б) лексическая и грамматическая идиоматичность аналитической формы, т. е. невыводимость лексического и грамматического значения ее как целого из значения компонентов, что является результатом лексического и грамматического сдвига значения в словосочетании, на базе которого образуется аналитическая форма [5].

Все эти понятия необходимы для изучения не только аналитических форм слова, но и довольно большой группы словосочетаний, именуемых нами устойчивыми словосочетаниями с грамматической направленностью и находящихся на разных ступенях грамматизации. Эта группа словосочетаний возникает вследствие того, что развитие устойчивых словосочетаний на базе свободных может иметь двоякую направленность — лексическую и грамматическую. В первом случае происходит л е к с и к а л и з а ц и я словосочетания: образуются новые единицы словарного состава (ср.: русск. *бить тревогу*, нем. *Pech haben*, франц. *avoir froid*, англ. *to pay attention* и др.); во втором случае происходит г р а м м а т и з а ц и я словосочетания: возникают новые устойчивые способы выражения грамматических значений, новые единицы в арсенале грамматических средств языка [ср.: русск. *может, должен прийти — вероятно придет*; *стану, начну говорить — буду говорить, заговорю*; нем. *hat zu machen — ist zu machen*; *muß (hier) gewesen sein*; франц. *vient de faire*; *doit être (ici)*, *peut avoir (dix ans)*; англ. *has to do — is to do*; *must have been (there) — may be (there)* и др.].

Процессы образования устойчивых словосочетаний с лексической и грамматической направленностью во многом сходны, хотя и при этом сходстве необходимо выделять специфические черты лексических и грамматических процессов. Это сходство обусловлено тем, что в обоих случаях речь идет о создании у с т о й ч и в о г о словосочетания. Оба процесса характеризуются сращением компонентов, развитием устойчивости как таковой, а также развитием большей или меньшей идиоматичности как явления хотя и не обязательного для устойчивых словосочетаний, но свойственного только им.

Максимальное сращение компонентов характеризует аналитические формы (ср.: русск. *буду писать*, *был построен*; нем. *ist gegangen*, *wird gebaut*), переросшие уже из устойчивых словосочетаний в специфические формы слова. Как уже упоминалось, для них характерны ярко выражен-

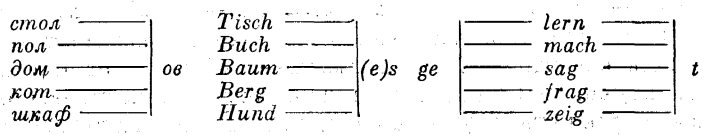
[4] Ср.: Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в, указ. соч., стр. 179; В. В. В и н о г р а д о в, Современный русский язык, 1, М., 1938, стр. 140; «Грамматика русского языка», II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 21.

[5] См. в особенности: А. И. С м и р н и ц к и й, Аналитические формы, ВЯ, 1956, 2; М. М. Г у х м а н, Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; В. М. Ж и р м у н с к и й, О границах слова, ВЯ, 1961, 3.

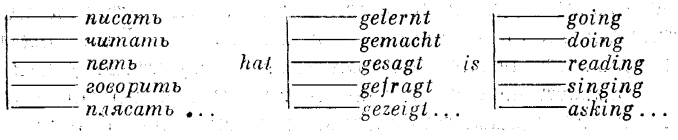
ный лексический и грамматический идиоматизм, включение в парадигматический ряд соответствующей части речи наряду с простыми формами слова (*пишу — буду писать*). Лексический идиоматизм имеет в этом случае своеобразный характер: он заключается в стирании лексического значения первого компонента, что ведет к превращению его из полного слова в частичное. Вследствие этого лексическое значение целого не равно сумме лексических значений составляющих. Грамматический идиоматизм также заключается в том, что грамматическое значение целого (например, форм времени, залога) невыводимо из грамматического значения составляющих.

Помимо этих моментов, достаточно широко освещенных в литературе, для аналитических форм слова характерна также устойчивость или воспроизводимость в готовом виде. На этом вопросе необходимо остановиться особо, так как устойчивость в области грамматики проявляется иначе, чем в лексике. В области номинативных единиц языка (слово, фразеологическое словосочетание) устойчивость есть воспроизводимость *всей* единицы. В области грамматики воспроизводимость в готовом виде означает иное, а именно: воспроизводимость *грамматической модели и той части материального состава грамматической формы, которая характеризует самую модель* при бесконечной переменности лексического наполнения.

В простой грамматической форме слова воспроизводимость в готовом виде обеспечивается постоянством словоизменительной морфемы при переменности лексического наполнения:



Это дает основание рассматривать грамматическую форму слова с точки зрения синтагматического членения как «полуавтоматизированную синтагму», в которой один член бинарной структуры переменен, другой же — постоянен, автоматизирован [6]. Аналитические формы слова также имеют характер «полуавтоматизированных синтагм». Это выражается в постоянстве первого компонента, формализующего модель аналитической формы, при переменности лексического наполнения второго компонента [7]:



Из перечисленных признаков аналитических форм решающим является включение их в парадигматический ряд. Именно это выделяет аналитические формы из массы грамматизованных устойчивых словосочетаний и придает им особое качество — превращает их в грамматические формы отдельного слова, переводя их тем самым из сферы словосочетаний в сферу слова. Таким образом, аналитические формы, достигая наивысшей степени грамматизации, возможной для словосочетания, сохраняют с грамматизованными словосочетаниями лишь генетическую связь, а сами пере-

[6] См. Ф. Микуш, Обсуждение вопросов структурализма и синтагматическая теория, ВЯ, 1957, 1. Ср. также: В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку, 4-е изд., М., 1939, стр. 165—166.

[7] Проф. А. И. Смирницкий уподобляет аналитическую форму по структуре свободному словосочетанию (указ. соч., стр. 43). Это было бы справедливо, если бы у аналитической формы, как и у любого свободного словосочетания, была воспроизводима только модель, которая представляла бы собой не полуавтоматизированную, а свободную (дискурсивную) синтагму.

стают быть таковыми. Та же степень устойчивости и идиоматизма присуща некоторым устойчивым грамматизованным словосочетаниям. Так, в немецком языке высокой степенью устойчивости и идиоматизма характеризуются словосочетания типа *hat zu machen — ist zu machen*. Эти два словосочетания, соотносительные между собой, образуют замкнутый ряд, поскольку в качестве первого компонента постоянно выступают только эти два глагола, которые и определяют устойчивость данного типа словосочетания.

Грамматический и лексический идиоматизм модели несомненен. Ведь ни один из компонентов сочетания не заключает ни в своем лексическом значении, ни в своей форме модального значения необходимости или возможности: это значение является грамматическим значением всего словосочетания [8]. Что же мешает включению этих словосочетаний в парадигму глагола и соответственно превращению их в аналитическую форму слова, а именно — в форму наклонения? [9] То, что их модальное значение не соотносительно с модальным значением уже имеющихся наклонений глагола, входящих в парадигматический ряд. Подобно модальным глаголам, рассматриваемые словосочетания выражают модальное отношение субъекта к действию, а не модальность предложения в целом, в то время как наклонения глагола выражают именно последнее. Сочетание *er hat zu kommen* не соотносительно по своему грамматическому значению с имеющейся в парадигме глагола модальной корреляцией *er kommt — er käme* и не может составить парадигматический ряд *er kommt — er käme — er hat zu kommen*, потому что последний предполагаемый член этого ряда сам подлежит изменению в соответствии с соотношением первых двух членов ряда *er kommt — er käme*; *er hat zu kommen — er hätte zu kommen*. Следовательно, хотя сдвиг грамматического значения развивает идиоматизм, включение словосочетания в парадигматический ряд предопределяется им только в том случае, если вновь развивающееся грамматическое значение находит себе корреляты в уже имеющихся парадигматических рядах.

Более низкую ступень грамматизации образуют словосочетания модальных и так называемых видовых глаголов с инфинитивом типа русск. *могу, хочу уехать*; *начал, окончил говорить*; нем. *muß kommen, will sehen, beginnt zu sprechen*. Эти словосочетания невозможно поставить в один ряд с аналитическими формами глагола, как это делает В. П. Сухотин [10], несмотря на то, что их объединяет общая грамматическая направленность. Не говоря уже о том, что сочетания модальных и так называемых видовых глаголов с инфинитивом не включаются в парадигматический ряд глагола, они не имеют и таких свойств, которые характерны для словосочетаний, достигших высокой степени грамматизации. Так, они лишены лексического и грамматического идиоматизма. Отсутствие у них сдвига лексического и грамматического значения ставит под вопрос возможность рассмотрения их как грамматизованных единств, как объекта изучения грамматики. Оказывается, что только этот сдвиг обеспечивает рассмотренным выше аналитическим формам и грамматизованным устойчивым словосочетаниям типа *hat zu machen — ist zu machen* грамматичность выражения модального, временного, залогового значения и конституирует их как осо-

[8] Частица *zu* утратила в современном немецком языке целевое значение и формализовалась.

[9] Подобное мнение высказывается в последнем издании книги Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой «Современный немецкий язык» (М., 1957, стр. 147). Ср. также: И. М. Смоленский, Форма долженствования в немецком языке. Канд. диссерт., Л., 1960.

[10] В. П. Сухотин пишет: «... русский язык располагает большим количеством „морфологизованных единств", т. е. таких синтаксических построений, которые аналитическим, описательным путем передают те или иные единые грамматические понятия. Это — аналитические формы времени, вида и наклонения (*буду читать, стану писать, начал, кончил говорить, собираюсь, пытаюсь, намереваюсь, могу, хочу заниматься* и т. п.» [В. П. Сухотин, Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова (словосочетание). Докт. диссерт., М., 1950, стр. 62].

бые структурные единицы. Значение времени, залога, модальности выражено не лексемами, входящими в состав словосочетания, а самой моделью словосочетания или аналитической формы. В сочетаниях типа русск. *могу говорить, начал говорить*; нем. *muß sprechen, beginnt zu sprechen* модальность или вид выражаются совершенно иначе — не формально, не структурой словосочетания, а значением корневой морфемы глаголов *müssen, beginnen*, т. е. не грамматическим, а лексическим способом.

Что же делает их тогда объектом изучения грамматики? Элементом грамматизации у сочетаний этого типа является воспроизводимость первого, формализующего компонента словосочетания, при бесконечной переменности второго:

will — *machen* / *fragen* / *singen* / *schreiben* ... *beginnt zu* — *machen* / *fragen* / *singen* / *schreiben* ...

Правда, в отличие от словосочетаний типа *hat zu machen — ist zu machen*, количество глаголов, выступающих в качестве первого компонента, намного больше, и они не образуют замкнутого ряда.

Другим моментом, объединяющим словосочетания этого типа с рассмотренными выше единицами, является их синтаксическая неразложимость (они выступают как один член предложения). Можно сказать, что эти словосочетания находятся на стыке лексики и грамматики, с одной стороны (так как они выражают лексическим способом, корневыми морфемами значения грамматического порядка), и на стыке свободных и устойчивых словосочетаний, с другой (так как при бесконечной переменности второго компонента первые компоненты их, несмотря на свое постоянство, все же не образуют замкнутого ряда).

Однако словосочетания этого типа, а именно словосочетания с модальными глаголами, легко развивают лексический и грамматический идиоматизм и в этом случае переходят в разряд устойчивых идиоматических грамматизованных словосочетаний высшего порядка. Ср., например, в немецком языке: 1) *Er muß arbeiten* «Он должен работать», 2) *Er muß zu Hause sein* «Он должен быть дома (Он, наверное, дома)».

В первом случае в сочетании, состоящем из модального глагола и инфинитива, нет лексического идиоматизма; в соответствии с основным лексическим значением данного модального глагола здесь выражено отношение долженствования между деятелем и действием. В рассматриваемом случае нет и грамматического идиоматизма: словосочетание не развивает никакого нового грамматического значения, которое не было бы дано в его компонентах. Во втором случае в словосочетании с тем же модальным глаголом развивается и лексический и грамматический идиоматизм. Глагол *müssen* уже не выражает долженствования, а типизирует модель словосочетания как модель, используемую говорящим для выражения предположения. Его значение вступает в идиоматическую связь со значением других компонентов словосочетания. Еще существеннее то, что здесь уже не наклонение глагола, как в первом примере (ср.: *Er muß arbeiten — Er müßte arbeiten*), а модель словосочетания определяет модальность предложения. Следовательно, словосочетание развивает новое грамматическое значение, которое не дано в его компонентах.

Такое же различие существует в немецком языке между: 1) *Er soll kommen* (долженствование) «Он должен прийти» и 2) *Er soll schon da sein* (передача чужого высказывания) «Говорят, что он уже пришел», а также между: 1) *Er will schlafen* (желание) «Он хочет спать» и 2) *Er will das mit eigenen Augen gesehen haben* (передача чужого высказывания, характеризуемого говорящим, как недостоверное) «Он утверждает, что якобы видел это своими глазами». Аналогичное явление находим и во французском языке: 1) *Il doit travailler* и 2) *Il doit être ici*; 1) *Il peut marcher* и 2) *Il peut avoir dix ans*; в английском языке: 1) *He must work* и 2) *He must be there*;

1) *You may come in* и) *It may be so* и др. Можно ли считать, что в примерах 1 и 2 одна и та же модель словосочетания? Это может показаться лишь на первый взгляд. Главным формальным отличием второй модели от первой является неспособность модального глагола изменяться по наклонениям (так как именно модель словосочетания определяет модальность предложения). Ср.: 1) *Er muß arbeiten — Er müßte arbeiten*; 2) *Er muß zu Hause sein* — 0.

Другим формальным отличием второй модели в немецком языке является возможность сочетания модального глагола не только с инфинитивом I, но и с инфинитивом II, выражающим предшествование, что не свойственно первой модели. Ср.: 1) *Er muß arbeiten* — 0; 2) *Er muß zu Hause sein — Er muß zu Hause gewesen sein.* Те же формальные отличия второй модели от первой находим во французском и английском языках.

Степень грамматизации второй модели словосочетаний очень велика. Помимо лексического и грамматического идиоматизма и синтаксической неразложимости ее характеризует также замкнутость ряда, т. е. постоянный отбор узкого круга глаголов, выступающих в роли первого, формализующего модель компонента. Тем не менее и в этом случае попытка рассматривать некоторые из указанных словосочетаний как средство выражения особых наклонений [11] и, следовательно, как новые аналитические формы глагола не убеждает. Во-первых, только при постановке модального глагола в сослагательное наклонение или при употреблении в качестве второго компонента особых форм инфинитива данные словосочетания структурно четко отграничены от первой модели словосочетаний с модальными глаголами и носят вполне однозначный характер. Во-вторых, рассматриваемые словосочетания не достигают той степени обобщенности значения, которая характерна для грамматической формы, и, напротив, дают целый ряд близких, но отличающихся по своему оттенку значений, опирающихся на исходное лексическое значение первого компонента. Так, например, при выражении предположения в немецком языке могут быть использованы словосочетания с тремя модальными глаголами, причем степень категоричности предположения различна в зависимости от исходного лексического значения модального глагола. Ср.:

Er muß
kann } *zu Hause sein.*
mag

При выражении косвенного высказывания в немецком языке могут быть использованы два модальных глагола, причем выбор их зависит от степени достоверности высказывания с точки зрения говорящего. Ср.: 1) *Er soll das mit eigenen Augen gesehen haben* «Говорят, что он видел это своими глазами»; 2) *Er will das mit eigenen Augen gesehen haben* «Он утверждает, что якобы видел это своими глазами».

Подводя итоги характеристике устойчивых словосочетаний с грамматической направленностью, можно сказать следующее.

1. Следует выделять в качестве особого типа словосочетаний устойчивые словосочетания с грамматической направленностью и отличать их как от свободных словосочетаний, так и от устойчивых фразеологических словосочетаний.

2. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью подобно фразеологическим устойчивым словосочетаниям имеют ряд градаций. Границы их образуют, с одной стороны, аналитические формы, с другой стороны — свободные словосочетания.

3. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью являются объектом изучения грамматики и структурными единицами грам-

[11] См. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, указ. соч., стр. 148—149.

матического строя. Они служат дополнительным средством выражения грамматических значений.

4. В отличие от аналитических форм, перешедших вследствие включения их в парадигму слова в область морфологии, устойчивые словосочетания являются объектом синтаксиса, хотя сами они синтаксически неразложимы.

5. Устойчивость этого типа словосочетаний или их воспроизводимость в готовом виде имеет особый характер, обусловленный их грамматической природой,— это воспроизводимость модели словосочетания и первого его компонента, формализующего данную модель, при переменности второго компонента. Переменность второго компонента обеспечивает грамматизованному словосочетанию большой охват лексики и высокую степень типизации.

6. Идиоматизм в грамматизованных устойчивых словосочетаниях проявляется в двух планах: лексическом и грамматическом. Лексический идиоматизм проявляется у грамматизованных словосочетаний в таком изменении значения первого компонента, когда слово, оставаясь в разряде полнозначных, становится в отдельности непереводимым и осмысляется в целом не в плане номинации, а как конструктивный элемент модели, выражающей грамматическое значение модальности, времени или вида.

7. Грамматический идиоматизм заключается в утрате компонентами словосочетания собственного первоначального грамматического значения и в развитии у данной модели грамматического значения, невыводимого из грамматического значения компонентов словосочетания.

8. Грамматический и лексический идиоматизм является необязательным признаком грамматизованных устойчивых словосочетаний; он отсутствует у низших типов грамматизованных устойчивых словосочетаний, находящихся на границе со свободными словосочетаниями.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

М. А. ЧЕРКАССКИЙ

ОПЫТ ФОРМАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

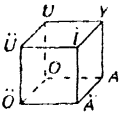
(Сингармонические модели и системы)

Анализируя вокализм разных тюркских языков на фонематическом уровне, мы получаем ряд систем, которые хотя и отличны друг от друга по количеству и конкретному составу фонем, но в подавляющем большинстве случаев[1] принципиально схожи по своей структуре. Во всех этих языках противопоставление гласных фонем зиждется на трех основных вокалических признаках: подъем, ряд и огубленность или ее отсутствие[2]. (Поскольку признак количества, являющийся релевантным в некоторых тюркских языках, с точки зрения гармонии гласных безразличен, мы не принимаем его во внимание.) При этом корреляция гласных по признаку подъема является постоянной, т. е. сохраняется в любом положении, корреляции же по двум остальным признакам в неначальных слогах сло́ва, как правило, нейтрализуются. Таким образом, в любом тюркском языке (за отмеченными исключениями) имеются две частные вокалические системы, каждая из которых присуща определенной структурной позиции. В начальном сло́ге слова различается максимум свойственных данному языку гласных фонем (в общетюркском плане их число сводится к так называемой «классической восьмерке»: /a, ä, o, ö, y, i, u, ü/. В неначальных слогах функционируют всего две вокалические единицы, которые можно квалифицировать как архифонемы — «широкую» и «узкую», получившиеся в результате нейтрализации противопоставлений по признакам ряда и огубленности. Реализация каждой из этих архифонем так или иначе обусловлена качеством огласовки начального слога. Последняя закономерность составляет фонологическую сущность явления г а р м о н и и г л а с н ы х.

Однако конкретное распределение отдельных репрезентантов гласных архифонем неначальных слогов относительно огласовки начального слога в разных тюркских языках не одинаково[3]. Так, например, в киргизском языке наличие фонемы /o/ в начальном слоге слу́жит предполагает, что в последующих слогах «широкая» архифонема представлена своим аллофоном *o*, а «узкая» — аллофоном *u* (ср. *koldor* «ру́ки» — *kolu* «его рука»). В тувинском языке после гласной /o/ начального слога фигурируют соответственно аллофоны *a* и *u* (ср. *koldar* — *kolu*); в алтайском языке соотношение обратное: «широкая» архифонема реализуется огубленным аллофоном, а «узкая» — неогубленным (правда, последнее факультативно): *koldor* — *koly*[4]; наконец, в казахском

[1] Исключение составляют узбекский (точнее, его несингармонические говоры и литературная форма) и в известной мере новоуйгурский языки.

[2] Систему фонологических противопоставлений тюркских гласных по трем указанным признакам весьма удобно графически изобразить в виде куба:



Ср.: J. D e n y, Principes de grammaire turque («turk» de Turquie), Paris, 1955, стр. 57; Г. Г л и с о н, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 236; М. А. Ч е р к а с с к и й, О фонологических отношениях в системе тюркских гласных, «Уч. записки [Алма-Атинского пед. ин-та иностр. языков]», II, 5. Кафедра русск. языка, 1957, стр. 58.

[3] В настоящей статье мы ограничимся анализом сингармонических отношений только в двухсложных именных словоформах, состоящих из односложной основы и одного из двух словоизменительных формантов: аффикса мн. числа или аффикса принадлежности 3-го лица, (случаи использования фактов другого рода будут оговариваться особо). Однако указанное ограничение диктуется исключительно целями простоты изложения, а также стремлением оперировать безусловно сопоставимым материалом. Вообще же, как нам кажется, предлагаемый ниже способ пригоден для анализа любых случаев гармонии гласных в тюркских языках.

[4] Фактические сведения о губной гармонии в алтайском и некоторых других тюркских языках частично почерпнуты нами из работы: Ф. Г. И с х а к о в, Гармония гласных в тюркских языках, в кн. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч I — Фонетика, М., 1955, стр. 138—159.

языке «широкая» архифонема всегда, а «узкая» — в одной из разновидностей произношения — представлены неогубленными аллофонами (*koldar — koly*).

Детальный анализ подобных различий представляется весьма важным, ибо без него картина фонетического строя того или иного тюркского языка была бы неполной. Кроме того, мы полагаем, что такой анализ поможет пролить свет и на проблемы исторической эволюции самого явления гармонии гласных.

Ниже мы позволим себе предложить способ формального описания существующих систем гармонии гласных, который можно было бы назвать методом с и н г а р м о н и ч е с к и х м о д е л е й. При разработке этого метода мы исходили из следующих общих соображений: во-первых, так называемое «губное притяжение» в тюркских языках не есть некая механическая накладка на «нёбное притяжение». Каковы бы ни были взаимоотношения между этими явлениями в плане генезиса (т. е. возникли ли они одновременно или разновременно, наслоившись одно на другое), в своем настоящем виде они представляют собой е д и н о е ц е л о е — гармонию гласных вообще[5]. Поэтому раздельное описание «нёбной гармонии» и «губной гармонии», принятое во многих специальных работах[6], нам кажется необоснованным; во-вторых, поскольку имеется в виду «чистая» синхрония, гармонию гласных следует представлять не как событие (например, ассимиляции и т. п.), а исключительно как с е т ь о т н о ш е н и й, дистрибутивных и парадигматических.

В основе предлагаемого способа лежит определенная иерархия понятий, относящихся к разным этапам процедуры анализа, resp. к разным ступеням обобщения. Те из применяемых нами терминов, которые не являются общепринятыми, будут оговорены по мере изложения.

Несколько замечаний о транскрипции. Нами применяется латинская транскрипция, в общем близкая к радловской (последняя в наиболее систематическом виде представлена в «Фонетике северных тюркских языков»[7]). Однако для достижения большей наглядности при сопоставлении систем гармонии гласных мы нашли целесообразным изображать взаимно корреспондирующие (хотя бы и материально неодинаковые) гласные разных тюркских языков, по возможности, одинаковыми символами. Исходя из этого:

татар.,	башк.,	хакас. (орфогр.)	*u*	передается	как	*ă*
»	»	(орфогр.)	*e*	»	»	*i*
»	»	»	*o*	»	»	*u*
»	»	»	*ɵ*	»	»	*ü*
»	»	»	*y*	»	»	*o*
»	»	»	*y*	»	»	*ö*

Кроме того, поскольку с точки зрения гармонии гласных различие между *e* (*ə*) и *ə* не существенно (например, в казахском, туркменском и других языках), обе гласные по тем же соображениям передаются знаком *ă*.

*

1. Первичное, эмпирически выявляемое в речевом потоке того или иного тюркского языка звено гармонии гласных — это с и н г а р м о н и ч е с к а я п а р а (в дальнейшем сокращенно — СП), т. е. определенная регулярно повторяющаяся последовательность гласных начального и неначального слогов слова. Так, например, киргизский текст достаточного объема дает нам следующие шестнадцать СП, полностью исчерпывающих взаимную сочетаемость гласных в этом языке[8]:

/a/ — *a:*	например,	*baštar*	«го́ловы»	/ä/ — *ä:* *bättär*	«ли́ца»
/a/ — *y:*	»	*bašy*	«его голова»	/ä/ — *i:* *bäti*	«его лицо»
/y/ — *a:*	»	*kyzdar*	«девушки» (мн. число)	/i/ — *ä:* *ittär*	«собаки» (мн. число)
/y/ — *y:*	»	*kyzy*	«его девушка»	/i/ — *i:* *iti*	«его собака»
/o/ — *o:*	»	*koldor*	«ру́ки»	/ö/ — *ö:* *köldör*	«озёра»
/o/ — *u:*	»	*kolu*	«его рука»	/ö/ — *ü:* *kölü*	«его озеро»
/u/ — *a:*	»	*kuštar*	«птицы» (мн. число)	/ü/ — *ö:* *kündör*	«дни»
/u/ — *u:*	»	*kušu*	«его птица»	/ü/ — *ü:* *künü*	«его день»

2. Анализ отдельных СП любого тюркского языка приводит нас к выводу о том, что разные вокалические признаки гласных фонем начального слога играют отнюдь не одинаковую роль в организации сингармонического рисунка слова. С этой точки зрения среди вокалических признаков целесообразно различать с и н г а р м о н и-

[5] Ср. у Н. К. Д м и т р и е в а: «... говорить о нёбном и губном притяжении как об отдельно действующих процессах нельзя, а следует иметь в виду единое нёбно-губное притяжение» («Турецкий язык», М., 1960, стр. 17).

[6] Из последних по времени см., например, указанную выше работу Ф. Г. И с х а к о в а.

[7] W. R a d l o f f, Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882.

[8] Если, разумеется, оставить в стороне случаи нарушения гармонии гласных, например в заимствованных словах и некоторых композитах.

ч е с к и р е л е в а н т н ы е и н е р е л е в а н т н ы е[9]. Под сингармонически релевантными подразумеваются такие признаки гласных фонем начального слога, которые влияют на выбор аллофонов данной архифонемы неначальных слогов. Ясно, что сингармонической релевантностью могут обладать в тюркских языках только признаки ряда и огубленности или ее отсутствия, так как признак подъема в этих языках, как известно, не нейтрализуется, и, следовательно, наличие широкого или узкого гласного в неначальном слоге фонетически не обусловлено. Сингармоническая релевантность лабиального признака в разных тюркских языках неодинакова. Если, например, в киргизском языке с точки зрения гармонии гласных не безразлично, имеется ли в начальном слоге слова гласная /а/ или /о/ (ср. *baštar* «го́ловы», но *koldor* «ру́ки»), то в казахском это не играет никакой роли (ср. соответствующие: *bastar*, *koldar*). Следовательно, огубленность фонемы /о/ начального слога в киргизском языке — сингармонически релевантный признак, а в казахском — сингармонически нерелевантный.

Сингармоническая релевантность вокалических признаков бывает:

а) а б с о л ю т н а я и л и о т н о с и т е л ь н а я. Абсолютной мы называем сингармоническую релевантность, которая проявляется независимо от того, какая из двух гласных архифонем фигурирует в данном неначальном слоге. Такая релевантность всегда присуща признаку ряда. Сингармоническая же релевантность признака огубленности в ряде случаев относительна, так как проявляется только по отношению к какой-либо одной из архифонем, которые могут быть представлены в неначальном слоге. Так, например, в киргизском языке гласная /u/ начального слога обусловливает выбор огубленного аллофона только «узкой» архифонемы; «широкая» же архифонема в положении после /u/ реализуется в звучании *a* (например, *kušu* «его птица», но *kuštar* «птицы»; ср. *baštar* «го́ловы»). Однако в других случаях лабиальный признак может быть и абсолютно сингармонически релевантным, т. е. определять выбор аллофонов обеих архифонем неначальных слогов. Таков, например, лабиальный признак киргизской фонемы /ü/, после которой как «узкая», так и «широкая» архифонемы непременно реализуются в своих огубленных аллофонах (ср. *künü* «его день» и *kündör* «дни»);

б) к о м б и н а т о р н а я и л и н е з а в и с и м а я. Иногда сингармоническая релевантность данного вокалического признака проявляется при том условии, что этот признак находится в определенном сочетании с другими вокалическими признаками. Так, в киргизском языке признак огубленности сингармонически релевантен по отношению к «широкой» архифонеме в двух случаях: во-первых, когда он сочетается с неверхним подъемом (независимо от того, к какому ряду относится данная фонема начального слога), например: *koldor* «ру́ки», *köldör* «озёра», но *kuštar* «птицы»; во-вторых, когда он сочетается с передним рядом (независимо от признака подъема данной фонемы начального слога), например: *köldör* «озера», *kündör* «дни», но опять-таки *kuštar* «птицы». Комбинаторной сингармонической релевантностью обладает в тюркских языках только признак огубленности, что же касается признака ряда, то его сингармоническая релевантность не зависит от того, в каком сочетании он находится с другими признаками.

3. При сопоставлении всех СП какого-либо тюркского языка обнаруживается, что в большинстве случаев один и тот же гласный элемент входит одновременно в состав двух или нескольких из них. Так, в киргизском языке фонема /а/ начального слога составляет левый компонент двух СП: /а/ — *а* и /а/ — *у*; аллофон *а* неначальных слогов входит в качестве правого компонента в состав трех СП: /а/ — *а*, /у/ — *а*, /u/ — *а*, и т. д. Поскольку это так, любая отдельно взятая СП, очевидно, не может исчерпать дистрибутивные возможности каждого из своих компонентов относительно других гласных. Следовательно, для полного описания сингармонической дистрибуции того или иного гласного на уровне СП необходимо каждый раз приводить всю совокупность отдельных СП, в составе которых данный гласный встречается. Однако подобное описание неизбежно окажется громоздким и неэкономным[10]. Гораздо более рациональным нам представляется другой путь: сведение СП, обладающих одинаковыми компонентами, к ограниченному числу с и н г а р м о н и ч е с к и х м о д е л е й (СМ), каждая из которых полностью регламентирует последовательность гласных в слове при заданной огласовке начального слога[11] и, таким образом, может считаться основным понятием и элементарной ячейкой гармонии гласных.

Процесс выявления отдельных СМ данного языка складывается из двух последовательных операций.

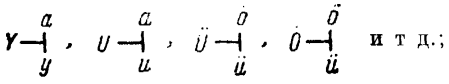
---

[9] Сингармоническую релевантность следует строго отличать от релевантности д и с т и н к т и в н о й (обычно называемой просто релевантностью). Последней, как известно, обладают в тюркских языках все три вокалических признака гласных фонем начального слога — ряд, подъем и огубленность или ее отсутствие.

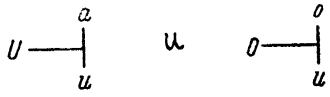
[10] Именно в этом, на наш взгляд, состоит один из основных недостатков табеляр-ного способа описания «губной гармонии», применяемого некоторыми тюркологами (см., например: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 58—73; Ф. Г. И с х а к о в, указ. соч., стр. 156).

[11] Разумеется, здесь не принимаются во внимание спорадические нарушения гармонии гласных, например, в отдельных несингармонических аффиксах.

а) Прежде всего необходимо обобщить везде, где это возможно, п р а в ы е части имеющихся СП. Поскольку каждый неначальный слог слова в принципе может содержать одну из двух гласных архифонем — либо «широкую», либо «узкую» (причем выбор той или иной из них с точки зрения гармонии гласных является произвольным: он зависит от лексической характеристики морфемы), то правая часть любой СМ всегда должна отражать возможные в данном случае аллофоны о б е и х названных архифонем. Если, допустим, анализ текста дает нам две СП: /а/ — *а* и /а/ — *у*, левые части которых совпадают, а правые отличаются только по признаку раствора (подъема), то мы можем обобщить обе эти СП в единую СМ[12]. *А* — *а*, отражающую такое положение, при котором после фонемы /а/ начального слога «широкая» архифонема неначальных слогов реализуется в своем аллофоне *а*, а «узкая» архифонема — в аллофоне *у*. Например, кирг. *baštar* «гòловы», *bašy* «его голова». Аналогичным образом в киргизском языке устанавливаются и другие СМ:



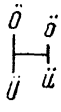
б) В ряде случаев данная пара аллофонов архифонем неначальных слогов может соотноситься только с одной определенной фонемой начального слога и не встречается ни в каких других сочетаниях. Таковы, например, киргизские СМ:



(ср. *kuštar* «птицы» и *kušu* «его птица», но *koldor* «ру́ки» и *kolu* «его рука»). Подобные СМ мы будем называть о д н о з н а ч н ы м и. Однако чаще правые части в обоих своих элементах оказываются общими для двух и более СМ, например в киргизском:

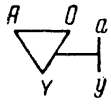
По существу это означает, что гласные фонемы, представленные в левых частях таких СМ, с и н г а р м о н и ч е с к и э к в и в а л е н т н ы: они обладают одинаковыми сочетаниями сингармонически релевантных вокалических признаков и в силу этого обусловливают один и тот же выбор аллофонов каждой из гласных архифонем неначальных слогов (в рассматриваемом случае — выбор аллофона *ö* «широкой» архифонемы и аллофона *ü* «узкой» архифонемы; ср., с одной стороны, *köldör* «озёра» и *kölü* «его озеро», а с другой — *kündör* «дни» и *künü* «его день»).

Сказанное дает нам основание свести две упомянутые СМ в одну:



Эта обобщенная СМ соответствует следующему фактически наблюдаемому в киргизском языке положению: если в начальном слоге слова имеется гласная фонема /ö/ и л и гласная фонема /ü/ (но никакая другая!), то в неначальных слогах того же слова «широкая» архифонема реализуется в своем аллофоне *ö*, а «узкая» — в аллофоне *ü*.

В зависимости от числа сингармонически эквивалентных фонем, фигурирующих в левой части тех или иных СМ, среди последних различаются д в у х-, т р е х- и ч е т ы р е х з н а ч н ы е. Пример двухзначной СМ приведен выше. Трехзначная СМ:



свойственна, например, хакасскому языку; ср. *attar* «лошади» (мн. число) — *ady* «его лошадь»; *tonnar* «шубы» (мн. число) — *tony* «его шуба»; *symnar* «рябчики» — *symy* «его рябчик». Четырехзначные СМ с некоторыми оговорками (см. ниже) можно констати-

[12] Во всех схемах гласные фонемы начального слога изображаются прописными буквами, а аллофоны гласных архифонем неначальных слогов — строчными.

ровать в определенной разновидности произношения казахского, ногайского и некоторых других языков. Так, четырехзначная СМ.:

может быть выведена из сопоставления казахских примеров: *bastar* «гóловы» — *basy* «его голова»; *koldar* «рýки» — *koly* «его рука»; *kyzdar* «девушки» (мн. число) — *kyzy* «его девушка»; *kustar* «птицы» (мн. число) — *kusy* «его птица».

Итак, сингармоническая модель — это присущее тому или иному языку устойчивое соотношение между данной гласной фонемой или несколькими данными сингармонически эквивалентными гласными фонемами начального слога, с одной стороны, и возможными после них (и только после них) аллофонами каждой из гласных архифонем неначальных слогов — с другой.

*

Число СМ в разных тюркских языках колеблется от шести до двух. Совокупность всех СМ того или иного языка, а также существующие между ними взаимоотношения составляют сингармоническую систему (СС) данного языка (в ряде случаев СС нескольких тюркских языков совпадают).

Разные СС могут отличаться друг от друга как по своей внутренней структуре, так и по функциональным особенностям.

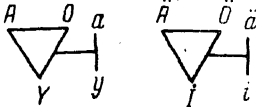
1. В зависимости от сочетания сингармонически релевантных признаков фонем начального слога, входящих в ту или иную СМ, все СМ данной СС распределяются по классам, количество которых не может превышать четыре: а) непередние неогубленные, б) непередние огубленные, в) передние неогубленные, г) передние огубленные. В качестве примера приведем СС турецкого языка:

1	2	3	4
А а ы у	О а ұ u	Ä ä ı i	Ö ö ü ü

Ср.: 1) *bašlar* «гóловы» — *bašy* «его голова»
kyzlar «девушки» (мн. число) — *kyzy* «его девушка»
2) *kollar* «рýки» — *kolu* «его рука»
kušlar «птицы» (мн. число) — *kušu* «его птица»
3) *järlär* «зéмли» — *järi* «его земля»
itlär «собаки» (мн. число) — *iti* «его собака»
4) *göllär* «озёра» — *gölü* «его озеро»
günlär «дни» — *günü* «его день»

Четырехклассные СС свойственны подавляющему большинству тюркских языков. Однако группировка СМ по классам, а также внутренняя структура самих классов может быть неодинаковой.

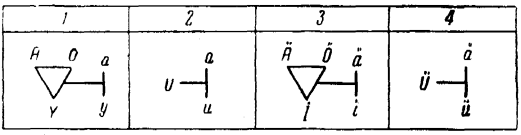
а) Как уже говорилось выше, при распределении СМ данного языка по классам имеют значение только сингармонически релевантные вокалические признаки фонем начального слога. Поэтому если у какой-либо огубленной гласной фонемы лабиальный признак является абсолютно сингармонически нерелевантным (т. е. не влияет на выбор аллофонов какой бы то ни было из архифонем неначальных слогов), то такая фонема включается в СМ соответствующего (по признаку ряда) неогубленного класса — 1-го или 3-го. Именно таким путем образуются трехзначные СМ типа хакас.



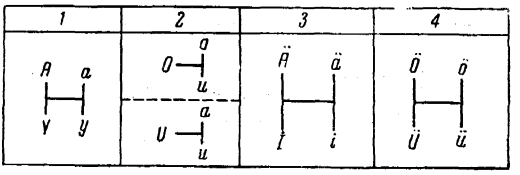
[например, *ärlär*[13] «мужчины» (мн. число) — *äri* «его мужчина»; *tillär* «языкн» — *til* «его язык»; *köllär* «озёра» — *köli* «его озеро»]. Естественно, что при этом во 2-м и 4-м классах могут фигурировать лишь однозначные СМ, включающие (соответственно) фонемы /u/ и /ü/, поскольку лабиальный признак этих последних остается сингармонически релевантным (хотя бы и только относительно «узкой» архифонемы неначальных слогов неразложимой основы; ср. хакас. *pulu* «угол», но *xulax* «ухо»; *kümüs* «се-

[13] Напомним, что для удобства сопоставления мы изображаем все взаимно корреспондирующие гласные разных тюркских языков одинаковыми знаками. Фактически слово со значением «мужчина» в хакасском звучит *ir*. (орфогр. *ир*.)

ребро», но *sülen* «цапля»[14]. Таким образом, СС хакасского языка предстает перед нами в следующем виде:

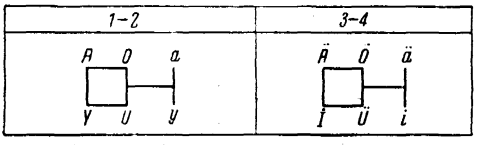


б) Если две гласные фонемы начального слога, обладающие одинаковыми локальными признаками (ряд и огубленность), но различающиеся по признаку подъема, сингармонически не эквивалентны друг другу и если при этом ни одна из них не эквивалентна какой-либо третьей гласной фонеме, то обе образуемые этими фонемами СМ остаются в пределах одного и того же класса, составляя две с т у п е н и последнего. Так, киргизские фонемы /o/ и /u/ не эквивалентны друг другу, поскольку лабиальный признак первой из них обладает абсолютной сингармонической релевантностью (ср. *koldor* «ру́ки» — *kolu* «его рука»), а второй — только относительной релевантностью [ср. *kuštar* «птицы» (мн. число) — *kuši* «его птица»]. Поэтому класс № 2 включает две СМ, и сама СС этого языка такова:



в) Если данная СС содержит все четыре теоретически возможных класса, то ее можно охарактеризовать как п о л н у ю. Разные структурные варианты СС такого типа, как уже говорилось, свойственны большинству тюркских языков.

Само собой разумеется, что четырехклассные, т. е. полные, СС возможны лишь при том условии, если сингармонической релевантностью обладают оба локальных признака гласных фонем начального слога — как лингвальный, так и лабиальный (независимо от того, является ли их сингармоническая релевантность абсолютной или относительной, независимой или комбинаторной). Если же сингармоническая релевантность присуща в данном языке только одному, лингвальному, признаку гласных начального слога, то классы №№ 1 и 2, с одной стороны, и 3 и 4 — с другой, попарно контаминируются, в результате чего образуется двухклассная, или с т я ж е н н а я, СС типа:



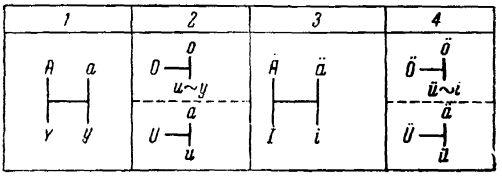
В чистом виде подобная СС ни в одном тюркском языке не наблюдается. Однако к ней явно тяготеют такие языки, как казахский, каракалпакский, ногайский и некоторые другие, в которых сингармоническая релевантность лабиального признака гласных начального слога сходит на нет (см. ниже о переходных типах СС).

2. Остановимся теперь на некоторых функциональных особенностях разных типов СС.

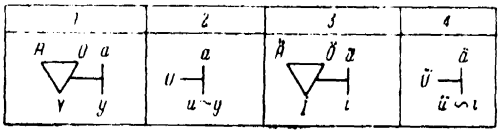
а) В большинстве случаев все аллофоны гласных архифонем неначальных слогов в пределах каждой СМ данной системы обязательны. Такие СС мы будем называть

[14] Имеющиеся в литературе сведения о губном притяжении в хакасском языке разноречивы. Так, в очерке Н. А. Б а с к а к о в а и А. И. И н к и ж е к о в о й - Г р е к у л «Хакасский язык» (в кн.: «Хакасско-русский словарь», М., 1953, стр. 373) определенно указывается, что «лабиализация гласных происходит только в основах по линии гласных *ы* > *у* или *і* > *ӱ*, на аффиксы же словообразования и словоизменения (принадлежности, лица и падежей) — не распространяется...». Однако Ф. Г. И с х а к о в считает, что ограничение губного притяжения пределами неразложимой основы является в хакасском языке лишь орфографическим приемом; в действительности же «степень огубления, чем дальше от начала слова, тем больше ослабляется», причем «конечную границу такого огубления трудно определить...» (указ. соч., стр. 155). Так или иначе, мы в данном случае вынуждены отступить от принятого нами правила (см. сноску 3) и привести в качестве примера двухсложные основы.

основными Однако в отдельных СМ некоторых тюркских языков допустимы факультативные колебания в выборе аллофонов (огубленных или неогубленных), главным образом «узкой» архифонемы. Таковы, например, СМ классов №№ 2 и 4 в алтайском языке:

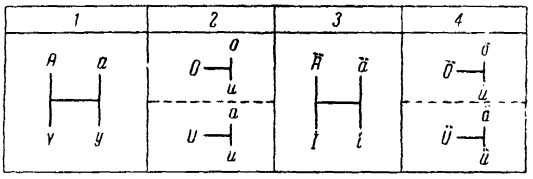


Сходное положение наблюдается в казахском, ногайском и некоторых других языках:

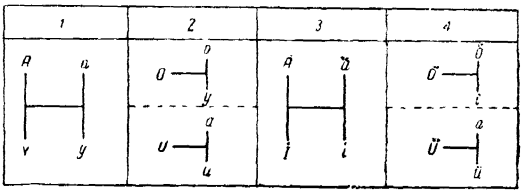


Хотя подобные колебания аллофонов непосредственно проявляются в сфере СМ, они не безразличны и для СС в целом, так как по существу приводят к перестройке структуры последних. Покажем это на примере тех же алтайского и казахского языков.

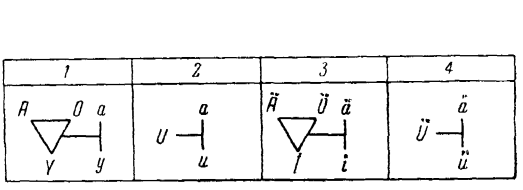
Когда говорящий по-алтайски произносит: *bozu* «теленок», *kömür* «уголь»[15] и т. п., то его речь соответствует четырехклассной СС типа:



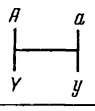
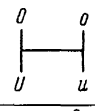
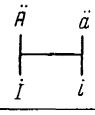
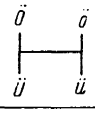
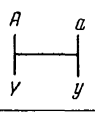
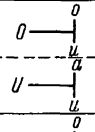
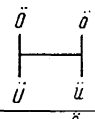
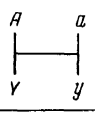
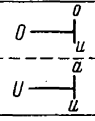
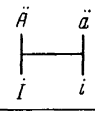
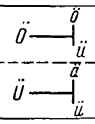
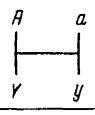
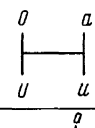
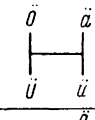
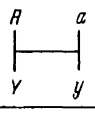
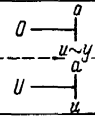
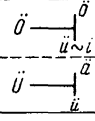
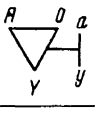
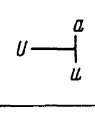
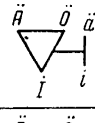
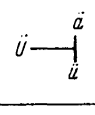
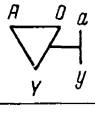
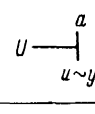
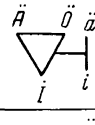
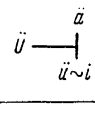
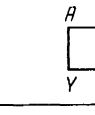
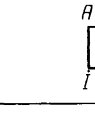
В случае же, если те же самые слова произносятся как *bozy*, *kömir* (что также возможно), то перед нами четырехклассная СС иного типа:



Еще более радикальную перестройку претерпевает в результате колебания аллофонов СС казахского языка. Если данный индивид произносит *kusu* «его птица», *künü* «его день» и т. п., то его речь подчиняется закономерности четырехклассной СС типа:



[15] По свидетельству Ф. Г. Исхакова (указ. соч., стр. 146), после широких огубленных начального слога факультативное огубление узких гласных неначального слога наблюдается только в пределах двухсложной неразложимой основы.

Типы СС	Языки	Классы СМ			
		1	2	3	4
I	—				
II	кирг.				
III	якут.				
IV	азерб. кумык. тув. турецк. туркм. шор.				
V	алт.				
VI	башк. хакас.				
VII	каракалп. казах. ногайск. татар.				
VIII	—				

Сопоставительная таблица систем гармонии гласных некоторых тюркских языков

Если же приведенные слова звучат, как *kusy*, *küni* (что вполне допустимо по нормам казахского языка), то сингармонический рисунок речи соответствует СС двухклассного (стяженного) типа (см. выше).

Исходя из сказанного, системы, включающие СМ с колеблющимися аллофонами, можно квалифицировать как п е р е х о д н ы е.

б) Наконец, еще одним классификационным признаком СС можно считать их п о с л е д о в а т е л ь н ы й или н е п о с л е д о в а т е л ь н ы й характер (этот признак в наших схемах графически не отражен). Последовательной является такая СС, при которой на протяжении всего слова (сколько бы в нем ни содержалось слогов) действует одна и та же СМ. К подобным моделям относятся все СМ классов №№ 1 и 3 (во всех тюркских языках) и только часть СМ классов №№ 2 и 4. Непоследовательность действия остальных СМ классов №№ 2 и 4 проявляется лишь по отношению к огубленным или неогубленным аллофонам «узкой» архифонемы неначальных слогов. При этом действие указанных СМ в одних языках распространяется на два первых слога слова, независимо от морфологической природы этих слогов (например, СМ классов №№ 2 и 4 в туркменском и других языках), а в других — только на слоги неразложимой основы (например, СМ тех же классов в хакасском, алтайском и других языках). Типы СС, содержащих подобные СМ, мы называем непоследовательными.

Не случайно признак последовательности, resp. непоследовательности рассматривается нами на уровне СС (а не СМ). Ведь по существу в непоследовательных типах на протяжении многосложного слова действуют не одна, а две сменяющие друг друга СС. Например, в казах. *tülküni* «лису» (вин. падеж) соотношение огласовки начального и второго слогов соответствует четырехклассному типу СС, а соотношение огласовки начального и третьего слогов — двухклассному (стяженному) типу.

*

В заключение приводится сопоставительная таблица (стр. 101) некоторых сингармонических систем, разработанная при помощи предлагаемого метода. Таблица отнюдь не претендует на сколько-нибудь исчерпывающий охват тюркских языков, ибо подобная задача выполнима только в условиях монографического исследования.

Несколько слов о построении таблицы. Включенные в нее СС расположены в порядке убывания сингармонической релевантности лабиального признака фонем начального слога. Градация этого убывания в общем более или менее равномерна. Некоторый диссонанс вносит только СС алтайского языка, так как она объединяет в себе черты, свойственные двум наиболее удаленным друг от друга типам: с одной стороны, сингармоническую релевантность лабиального признака фонем /о/ и /ö/ относительно «широкой» архифонемы, а с другой — колебания огубленных и неогубленных аллофонов «узкой» архифонемы. Первая из названных черт характерна для СС таких языков, как киргизский и якутский, обладающих среди всех тюркских языков наиболее полным по своему охвату губным притяжением. Вторая же сближает СС алтайского языка с такими, как казахский, т. е. с языками, в которых губное притяжение сходит на нет. Такое положение алтайской СС, возможно, найдет свое объяснение при диахроническом подходе к проблеме гармонии гласных в целом.

В целях большей наглядности мы поместили в начале и в конце таблицы два «крайних» типа СС. В начале изображен полный, последовательный тип; каждый из четырех его классов включает по одной двухзначной СМ; сингармоническая релевантность обоих локальных признаков фонем начального слога независима и абсолютна. В конце же таблицы обозначен стяженный тип, оба класса которого содержат по одной четырехзначной СМ; сингармонической релевантностью обладает только лингвальный признак фонем начального слога. Ни первый, ни последний типы СС в «чистом» виде не существуют ни в одном тюркском языке. Мы приводим их здесь исключительно для полноты картины и для удобства наблюдений над остальными, реально существующими типами.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С. И. КАУФМАН

ОБ ИМЕННОМ ХАРАКТЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО СТИЛЯ

(На материале американской литературы)

Общественно-функциональный стиль определяется отбором языковых средств, характерных для данной области человеческой деятельности. Однако в связи с тем, что не существует абсолютно замкнутых стилей, недостаточно установить лишь наличие определенных языковых средств в определенных речевых стилях. Необходимо выяснить, где чаще и насколько чаще используется данный оборот, где он является характерным явлением и где он таковым не является. Для этого следует пользоваться статистическим методом. Акад. В. В. Виноградов пишет по этому поводу: «По-видимому, в разных стилях книжной и разговорной речи, а также в разных стилях и жанрах художественной литературы частота употребления разных типов слов различна. Точные изыскания в этой области помогли бы установить структурно-грамматические, а отчасти и семантические различия между стилями... Анализ всех грамматических категорий должен уяснить их относительный функциональный вес в разных стилях литературного языка»[1].

Количественный анализ текста не может, однако, являться основной целью лингвистического исследования. Он должен следовать за качественным, дополняя и уточняя его, и, в свою очередь, на следующем этапе подготовлять качественный анализ и переходить в него. Встречаясь в определенной пропорции, отбираемые в данном стиле языковые средства своим качеством и своим количеством определяют стиль как качественное явление.

Следует подчеркнуть, что изучение лексических и грамматических закономерностей в рамках отдельных стилей важно не только для лексикологии и грамматики. Оно дает нам возможность глубже понять особенности различных стилей, оценить эти стили не с субъективных позиций, а на основе конкретных и объективных числовых данных. Многие статистические законы в лингвистике (в том числе и законы статистической стилистики) являются эмпирическими. Они не постулируются, а выводятся путем обобщения (генерализации). Стилистический отбор языковых средств определяется, в частности, особенностями той или иной области человеческой деятельности. Отсюда следует, что анализ данной области человеческой деятельности в целом дает нам возможность постулировать определенные закономерности отбора языковых средств в том или ином стиле. В этом случае статистические данные, подтверждающие эти закономерности, более убедительны, чем в других случаях, когда они являются единственным обоснованием лингвистического закона.

Как отмечено в дискуссии, проходившей в 1954—1955 гг. на страницах журнала «Вопросы языкознания», технический стиль отличается от художественного, в частности, безличностью, отсутствием эмоциональности и стремлением к точности, однозначности. Эмоциональности содержания соответствует определенная динамичность повествования — быстрая смена действий, ощущений, переживаний, а следовательно, частое употребление глаголов в личной форме в функции сказуемого. От эмоциональности по содержанию следует отличать эмоциональность по форме, когда автор выказывает собственное отношение к данному отрезку объективной действительности, пользуясь теми или иными стилистическими приемами (восклицательными предложениями, эмоционально-модальными и вставными словами и предложениями, междометиями, инверсией и др.). Художественные тексты не всегда эмоциональны по форме, но по содержанию они, естественно, всегда эмоциональнее технических и поэтому здесь глагол в личной форме в функции сказуемого должен встречаться в среднем чаще, чем в технических текстах. Однозначным или близким к однозначности следует считать логическое понятие с возможно меньшим объемом и большим содержанием. Целям уменьшения объема и увеличения содержания в логике служит видовое отличие, ко-

[1] В. В. Виноградов, Современный русский язык, М., 1938, стр. 155—156.

торому в языке в большинстве случаев соответствует определение или определительное предложение. В техническом стиле глаголы должны употребляться реже, а определения (выражаемые существительным, прилагательным и причастием) чаще, чем в художественном.

Для проверки этого положения мы проанализировали 5 печ. листов технических текстов и 5 печ. листов художественной литературы. Весь материал относится к американской литературе XX в. В области техники исследовались статьи из журнал в по атомной энергии, промышленной химии, литейному делу, машиностроению и машиноведению: «Materials and methods», 1947, December, стр. 66—85; «Nucleonics», 1958, October, стр. 82—86; 92—103, 108—114; «I/EC (Industrial and engineering chemistry)», 1958, December, стр. 1719—1723, 1728—1735 (далее — «Ind. eng. chemistry»); «Transactions of the American foundrymen's association», 1940, September, стр. 32—54, 72—83, 113—122 («Transactions AFA»); «Machinery», 1958, October, стр. 158—177. В области художественной литературы анализировались следующие произведения: Th. Dreiser, The gallery of women, New York, [б. г.], стр. 46—74 (Dreiser): U. Sinclair, Th. journal of Arthur Stirling, Pasadena, [б. г.], стр. 3—28 (Sinclair); De Forest, The brigade commander, New York, 1896, стр. 5—40 (De Forest), J. London, Martin Eden, Moscow, 1953, стр. 408—434 (London); A. Saxton, The great midland, Moscow, 1951, стр. 13—30 (Saxton). Определялось количество глаголов в личных формах действительного и страдательного залогов, а также количество существительных, прилагательных и причастий в функции определения в одном печатном листе.

Существительные в функции определения делились на три категории: 1) существительные в препозиции, например: *base metal* «основной металл», *impact test* «испытание на удар»; 2) существительные в постпозиции после предлога *of*, например, *the chair of mathematics* «кафедра математики», *the home of her parents* «дом ее родителей»; 3) существительные в постпозиции после других предлогов, например *correction for escape of x-rays* «поправка на утечку рентгеновских лучей», *calculation on Compton escape* «расчет потерь Комптона», *decay in pressure* «падение давления», *materials with lower strength* «материалы с более низкой прочностью».

Результаты подсчетов приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Литература	Сказуемое			Определение					
				существительное			прилагательное	причастие	итого
	действительный залог	страдательный залог	итого	в препозиции	с предлогом	прочие			
Dreiser	934	44	978	106	116	15	408	84	729
Sinclair	1258	36	1294	50	184	8	199	68	509
De Forest	1043	20	1063	65	203	7	335	127	737
London	1372	23	1395	67	94	9	150	70	390
Saxton	1120	8	1128	179	164	7	185	43	578
Итого	5727 (97,8%)	131 (2,2%)	5858 (100%)	467	761	46	1277	392	2943
«Materials and methods»	423	215	638	438	200	79	509	192	1418
«Nucleonics»	457	106	563	505	265	104	534	156	1564
«Ind. eng. chemistry»	327	191	518	632	289	86	310	222	1539
«Transactions AFA»	394	236	630	380	260	33	387	165	1225
«Machinery»	307	209	516	570	175	53	443	213	1454
Итого	1908 (67,4%)	957 (32,6%)	2865 (100%)	2525	1189	355	2183	948	7200

На основании данных табл. 1 можно утверждать следующее: 1) существительные, прилагательные и причастия в функции определения встречаются в технической литературе в 2,4 раза чаще (7200 : 2943), чем в художественной; 2) существительные в функции определения встречаются в технической литературе в 3,2 раза чаще (4069 : : 1274), чем в художественной; 3) особенно заметно преобладание существительных в препозиции (2525 : 467=5,4).

Частое употребление существительных в препозиции в техническом стиле объяс-

няется краткостью такого сочетания, что особенно удобно в тех случаях, когда в одном предложении имеется несколько существительных в функции определения. Многократное употребление предлога сделало бы и без того тяжелую фразу еще более громоздкой. В качестве примера можно привести следующие предложения: «Two fundamental r e a c t o r kinetic functions, the p e r i o d - v s - r e l a t i v i t y relation and the z e r o - p o w e r t r a n s f e r function are determined almost exclusively by the delayed n e u t r o n characteristics» «Две основные кинетические функции реактора, — отношение между периодом и относительностью и функция передачи нулевой энергии определяются почти исключительно характеристиками замедленного нейтрона» («Nucleonics», стр. 86); «S a l t b a t h and glycerol bath temperatures were controlled by means of two S u n v i c e n e r g y regulators» «Температуры соляной и глицероловой ванн регулировались при помощи двух регуляторов энергии Санвика» («Ind. eng. chemistry», стр. 1720); «A p r e c i s i o n l i m i t switch located in the t a b l e fixture must be depressed by the part before the knee actuated switch becomes energized» «Деталь должна воздействовать на прецизионный предельный выключатель, помещенный в креплении на столе, прежде чем выключатель, приводимый в движение коленом, окажется под напряжением» («Machinery», стр. 174).

В технической литературе значительно чаще, чем в художественной (355 : 46 = 7,7), встречаются существительные в функции определения в постпозиции без предлога *of*. Это объясняется тем, что здесь те или иные понятия определяются и уточняются детальнее и многостороннее, чем в художественной литературе. Существительные после предлога *of* употребляются в технической литературе в 1,6 раза чаще (1189 : : 761), а прилагательные в функции определения в 1,7 раза чаще (2183 : 1277), чем в художественной. Причастие в функции определения встречается в техническом стиле в 2,4 раза чаще (948 : 392), чем в художественном. Однако, как показывают результаты подсчетов, не включенные в табл. 1, причастие в других функциях встречается в технической литературе в 3,9 раза реже (462 : 123), чем в художественной. Это объясняется тем, что причастие в функции обстоятельства обычно выражает действие или состояние (в смысле процесса), что более характерно для художественного стиля.

Глаголы в личной форме употребляются в технической литературе в 2,0 раза реже (5858 : 2865), чем в художественной. Здесь резко выделяется тот факт, что глаголы в страдательном залоге встречаются в технической литературе значительно чаще, чем в художественной (в процентном отношении ко всему количеству глаголов — 32,6% : 2,2% = 14,8). Эту особенность можно объяснить безличностью технического стиля: глагол в личной форме страдательного залога в функции сказуемого удобен для выражения действия без указания его агенса.

Таким образом, основными особенностями технического стиля по сравнению с художественным являются: 1) редкое употребление глаголов в личной форме, 2) преобладание глаголов в личной форме страдательного залога; 3) преобладание имен (существительных и прилагательных) и причастия в функции определения.

Для проверки правильности первого и третьего положений вычисляем для частоты определений и сказуемых в техническом и художественном стилях среднюю ошибку результата подсчетов, т. е. разность между истинным значением и средней арифметической n подсчетов по формуле:

$$S = \frac{\sqrt{\Sigma (x_i - \bar{x})^2}}{n\,(n-1)},$$

где S — средняя ошибка результата подсчетов, x_i — отдельный результат подсчета, $\bar{x}$ — средняя арифметическая результата подсчетов, n — количество подсчетов.

Допускаем, что распределение вероятностей является нормальным и выражено кривой Гаусса — Лапласа. Для заданной функции распределения вероятностей по таблице Стюдента определяем кратность t. Предельное отклонение (ε) истинного значения (x) от средней арифметической ($\bar{x}$) определяем по формуле:

$$\varepsilon = ts.$$

Затем рассчитываем доверительный интервал по формуле:

$$P\,(\bar{x} - \varepsilon < x < \bar{x} + \varepsilon) = \alpha,$$

которая читается так: вероятность того, что истинное значение измеряемой величины лежит между границами $\bar{x} - \varepsilon$ и $\bar{x} + \varepsilon$, которые являются случайными переменными, равна α. Результаты подсчетов приведены в табл. 2 (см. стр. 106).

Наименьшим возможным соотношением между частотами употребления определения в технических и художественных текстах следует считать частное от деления нижнего предела доверительного интервала для технического стиля на верхний предел для стиля художественного; наибольшее возможное соотношение равно частному от деления верхнего предела для технического стиля на нижний предел для стиля художественного.

Доверительный интервал для соотношения между частотами употребления определения в технических и художественных текстах составляет:

$$P\left(\frac{1164}{893} < x_1 < \frac{1716}{285}\right) = 0{,}99, \text{ или } P\,(1{,}3 < x_1 < 6{,}0) = 0{,}99,$$

где x_1 — истинное значение определяемого соотношения.

Соответственно, для соотношения между частотами употребления сказуемого в техническом и художественном стилях получаем:

$$P\left(\frac{453}{1522} < x_2 < \frac{693}{822}\right) = 0{,}99, \text{ или } P\,(0{,}3 < x_2 < 0{,}8) = 0{,}99.$$

Таблица 2

Измеряемая величина	$\bar{x}$	s	α	$n-1$	t	ε	Доверительный материал
Частота определений в технических текстах	1440	60	0,99	4	4,6	276	1164—1716
То же в художественных текстах	589	66	0,99	4	4,6	304	285—893
Частота сказуемых в технических текстах	573	26	0,99	4	4,6	120	453—693
То же в художественных текстах	1172	76	0,99	4	4,6	350	822—1522

Другими словами, в 99 случаях из 100 количество определений в одном печатном листе технических текстов будет больше, а количество сказуемых меньше, чем в художественных текстах того же объема.

*

На основании полученных сведений об особенностях технического стиля по сравнению с художественным представляется уместной попытка выразить эти особенности при помощи какого-либо коэффициента, отражающего его безличность, отсутствие эмоциональности и стремление к однозначности.

Автор предлагает следующую формулу:

$$k = 1000\,\frac{A}{V}\,\frac{V_p}{V_a}.$$

Здесь A — количество существительных, прилагательных и причастий в функции определения в одном печатном листе, V — количество глаголов в личной форме в функции сказуемого, V_p — количество глаголов в личной форме страдательного залога и V_a — количество глаголов в личной форме действительного залога.

Таблица 3

Литература	$\frac{A}{V}$	$\frac{V_p}{V_a}$	k
Dreiser	0,74	0,047	34,8
Sinclair	0,39	0,029	11,3
De Forest	0,69	0,019	13,1
London	0,28	0,017	4,8
Saxton	0,51	0,007	3,5
В среднем	0,50	0,023	11,5
«Materials and Methods»	2,23	0,50	1125
«Nucleonics»	2,76	0,23	635
«Ind. eng. chemistry»	2,95	0,59	1760
«Transactions AFA»	1,94	0,60	1164
«Machinery»	2,81	0,68	1911
В среднем	2,50	0,50	1250

Коэффициенты стиля для использованной художественной и технической литературы даны в табл. 3. Как видим из табл. 3, коэффициент стиля для технических текстов в среднем более чем в сто раз превышает тот же коэффициент для художественной литературы. Необходимо подчеркнуть, что такая характеристика, как вводимый в настоящей работе коэффициент стиля, иллюстрирует стиль не в целом, а только лишь в ограниченной области употребления в нем сказуемых и определений.

Между частотами употребления определения и сказуемого в техническом и художественном стилях имеется определенная функциональная зависимость, выражаемая формулой

$$A\,V^{1,3} = 5{,}5 \cdot 10^6$$

(обобщенная гипербола). Соответствующий график изображен на рисунке. В графике можно выделить зону технического стиля (Т) и зону художественного стиля (Х).

Были подсчитаны отклонения точек, полученных опытным путем, от соответствующих точек на гиперболической кривой. Эти отклонения даны в табл. 4.

Таблица 4

Литература	Константа* практическая $\times 10^{-6}$	Ошибка $\times 10^{-6}$
Dreiser	5,6	+0,1
Sinclair	5,6	+0,1
De Forest	6,3	+0,8
London	4,8	—0,7
Saxton	5,3	—0,2
«Materials and Methods»	6,3	+0,8
«Nucleonics»	5,9	+0,4
«Ind. eng. chemistry»	5,2	—0,3
«Transactions AFA»	5,3	—0,2
«Machinery»	5,0	—0,5
Итого		+0,3

* Теоретическая константа всюду равна $5{,}5 \cdot 10^6$.

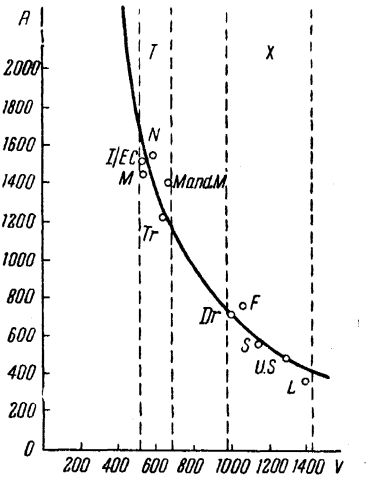


График зависимости между частотами употребления определения и сказуемого в техническом и художественном стилях [2]

Средняя ошибка результата измерений составляет по данным таблицы $(2{,}2 \cdot 10^6 - 1{,}9 \cdot 10^6) : 10 = 0{,}03 \cdot 10^6$, или в процентах к истинной величине 0,6% (за истинную величину принимаем значение $5{,}5 \cdot 10^6$). Среднюю квадратичную ошибку можно рассчитать по формуле:

$$g = S\sqrt{n} = 0{,}03 \cdot 10^6 \cdot 3{,}16 = 0{,}1 \cdot 10^6.$$

Представляет интерес вопрос о том, существуют ли какие-либо закономерности распределения точек, соответствующих тем или иным произведениям в пределах «зоны» художественной литературы. Так, например, произведение Драйзера «The gallery of women» разместилось на графике в левой верхней части зоны Х (больше определений, меньше сказуемых), а произведения Э. Синклера и Дж. Лондона — в правой нижней части (меньше определений, больше сказуемых).

Можно допустить существование следующей закономерности: произведения эпического характера, отличающиеся объективностью и глубокой психологической обоснованностью образов, обычно располагаются в левой части «зоны» художественной литературы, а произведения лирические, отличающиеся субъективностью, эмоциональностью, размещаются в правой ее части.

Автор производил проверку этого положения по материалам художественной литературы на других языках (кроме английского). В результате в левой части «зоны»

[2] *M and M* — «Materials and methods», *N* — «Nucleonics», *I/EC* — «Industrial and engineering chemistry», *Tr* — «Transactions of the American foundrymen's association», *M* — «Machinery»; *Dr* — Th. Dreiser, The gallery of women; *U. S.* — U. Sinclair, The journal of Arthur Stirling; *F* — De Forest, The brigade commander; *L* — J. London, Martin Eden; *S* — A. Saxton, The great midland.

оказались такие произведения, как «Туннель» Б. Келлермана, «Сильнее смерти» Ги де Мопассана. В правой ее части разместились «И не сказал ни единого слова» Г. Белля, «Седьмой крест» А. Зегерс, «Мы вернемся за подснежниками» Ж. Лаффита и «Первый удар» А. Стиля.

В связи со сложностью вопроса и небольшим количеством рассмотренных произведений автор не может считать свое мнение вполне доказанным. Оно выдвигается лишь как предположение, нуждающееся в дальнейшей проверке и уточнении.

*

Поскольку в технической литературе значительно больше определений, чем в художественной, можно сделать вывод, что предложения в технической литературе длиннее, чем в художественной. Для проверки этого вывода был произведен подсчет количества предложений в одном печатном листе исследованных текстов. Результаты подсчета приводятся в табл. 5.

Таблица 5

Литература	Количество предложений	Литература	Количество предложений
Dreiser	501	«Materials and Methods»	395
Sinclair	659	«Nucleonics»	357
De Forest	572	«Ind. eng. chemistry»	364
London	734	«Transactions AFA»	349
Saxton	634	«Machinery»	354
Итого	3100	Итого	1819

При проверке данной статистической гипотезы получен следующий доверительный интервал:

$$P\,(0{,}4 < x < 0{,}9 = 0{,}99,$$

где x — соотношение между количествами предложений в одном печатном листе технической и художественной литературы.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Н. МАКЕЕВА

М. В. ЛОМОНОСОВ — СОСТАВИТЕЛЬ, РЕДАКТОР И РЕЦЕНЗЕНТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ

«Наша Академия наук получила свое бытие и смысл только через Ломоносова»[1],— писал академик С. И. Вавилов. Развитие филологии в Академии наук подтверждает правильность этого высказывания.

В 40—50-х годах XVIII в. русская лексикография делала лишь первые робкие шаги. Теория и практика русской лексикографии отсутствовали. Сочинение лексиконов, трудоемкое и кропотливое дело, требующее усилий целого коллектива людей, производилось одиночками. Потребность же в словарных трудах была очень острой. Первоначально из-за отсутствия теоретически подготовленных филологов переводчики Академии наук, повседневно сталкивавшиеся в своей практической работе с трудностями перевода, выступали одновременно и в роли лексикологов: им поневоле приходилось участвовать в создании и нормализации научной и технической терминологии. В переводных сочинениях они давали пояснения заимствованных слов.

С появлением в Академии наук высоко квалифицированных филологов В. Е. Адодурова и В. К. Тредиаковского связано оживление практической деятельности сотрудников, занимавшихся переводом иноязычных сочинений. Они были объединены в коллегиальный орган — Российское собрание (1735 г.), перед которым Тредиаковский поставил неотложные задачи русской филологии: создание грамматики, «доброй и исправной», лексикона, «полного и довольного». Сам Тредиаковский, предполагавший «сочинить» грамматику, не смог выполнить обещание. А. И. Богданов приступил к собиранию лексических материалов.

Нужна была руководящая и направляющая рука. Ни Адодуров, ни Тредиаковский не смогли обеспечить развитие филологической науки. М. В. Ломоносов соединил в себе те качества, которыми должен был обладать ученый, возглавивший деятельность Академии в области филологии. Его организаторский талант в совокупности с пониманием неотложных задач филологии и блестящими знаниями, а также со стремлением накапливать многочисленные факты и экспериментировать, как в естествознании,— все это не замедлило сказаться. Талант Ломоносова как организатора до сих пор недостаточно оценен. Между тем значение его организаторской деятельности вполне может выдержать сравнение со значением научных достижений Ломоносова в той или иной области науки. Мнения его о научных трудах современников, содержащие обоснованные теоретические рассуждения и выводы, способствовали развитию лингвистической науки. Он прорецензировал целый ряд грамматических и лексикографических работ сотрудников Академии наук и других авторов. Его отзывы («мнения») носят конкретный характер и содержат интересные замечания о словарном составе русского литературного языка, о характере словарной статьи, о принципах и источниках составления словарей. С отзывами Ломоносова считались как авторы рецензируемых трудов, так и Академическое и Историческое собрания и Канцелярия Академии наук.

Вопросы лексикографии никогда не были чужды научным интересам Ломоносова. Уже в студенческие годы он знал западноевропейские лексикографические труды. Работа над «Риторикой» и «Российской грамматикой» способствовала укреплению интереса к лексическому составу русского языка и лексикографическим трудам соотечественников. Одновременно Ломоносов занимается исследованиями в области исторической лексикологии, о чем свидетельствуют отдельные страницы из «Материалов к „Российской грамматике“». Деятельность Ломоносова в области лексикографии разнообразна. Он выступает то в роли составителя проектов словарей и самих словарей, то в качестве руководителя при создании словаря, неоднократно — как рецензент. До сих пор лексикографическая деятельность Ломоносова в должной мере не освещена, хотя она заслуживает пристального внимания.

Собирая материалы для «Российской грамматики», Ломоносов пишет о необходимости заняться подготовкой словаря, причем прежде всего намечает составление его проекта — «Лексикона русских примитивов», т. е., по терминологии Ломоносова, «ко-

[1] С. И. Вавилов, Собр. соч., III, М., 1956, стр. 577.

ренных» или «первообразных» слов, и «проекта, как сочинять лексикон»[2]. Отыскать план составления словаря не удалось, но он, по-видимому, существовал: Ломоносов имел обыкновение выполнять намеченное. Во всяком случае, он действительно трудился над составлением словаря русского языка. 1 сентября 1747 г. переводчик Академии наук К. А. Кондратович писал, что Ломоносов заявлял о своем намерении составить лексикон[3]. Следом словарной работы Ломоносова, возможно, являются списки русских слов, написанные его рукой в «Материалах к „Российской грамматике“»[4].

При подготовке трудов по филологии Ломоносов часто привлекал в качестве помощников сотрудников Академии наук; так было, например, при подборе разнообразных материалов для «Российской грамматики», при переписке набело текстов «Грамматики» и «Риторики». Разрабатывая проект словаря «первообразных» слов русского языка и накапливая одновременно материалы в конце 40-х годов, Ломоносов получил на рецензию словарь «по Целлариеву и Фаброву образцу», над составлением которого трудился Кондратович.

По просьбе Кондратовича и Канцелярии Академии наук 1 сентября 1747 г. Ломоносов ознакомился с его трудом, представляющим собою переработку словаря Х. Целлария. Академическая канцелярия хотела знать мнение Ломоносова на «Целяриев дикционер русский с латинским»[5] и получить от него заключение о пригодности словаря к печати. Ломоносов отрицательно отозвался о работе Кондратовича. Он отметил: 1) недостаточное количество производных и в особенности «сложенных» слов; 2) неправильное расположение производных слов «не под их своими первообразными» и наряду с этим 3) «нарочитое число весьма новых и неупотребительных производных же слов». Помимо этого, Ломоносов отметил неисправность перевода на латинский язык[6].

Рукопись была возвращена Кондратовичу. Канцелярия Академии наук поручила Ломоносову осуществлять руководство данной работой, тем более что у него были накоплены «первообразные» слова. Впоследствии, подводя итоги своей научной работы, в отчете о завершенных и незавершенных трудах Ломоносов писал: «Собрал лексикон первообразных слов российских»[7], а в репорте с отчетом о работах за майскую треть 1749 г. и о плане работ на сентябрьскую треть 1749 г. он отмечал: «в сочинении „Российского лексикона“ при вспоможении г. Кондратовича дошел до письмени П с производными без сложенных. А в наступающую треть... простираться стану в сочинении „Российского лексикона“ с помянутым Кондратовичем»[8]. Таким образом, собрав «Лексикон первообразных слов российских», Ломоносов не ограничился в дальнейшем одним лишь наблюдением за работой Кондратовича, а принимал активное участие в кропотливом лексикографическом труде.

Кондратович продолжал работать над лексиконом «Целяриевых образцов», где «производные стоят под первообразными», под наблюдением Ломоносова. По всей вероятности, Кондратович занимался дополнительным подбором «первообразных» слов для лексикона, а также «производных и сложенных», после чего предполагалось «прикладывать» иностранные слова[9]. Историческое собрание и Академическая канцелярия неоднократно предписывали Кондратовичу продолжать работать «под присмотром господина профессора Ломоносова» и «безоговорочно» исполнять его приказания. Предъявляя к себе очень высокие требования в научной работе, Ломоносов того же требовал и от других. Замечания Ломоносова, направленные на улучшение лексикона, Кондратович воспринимал с болезненной обидчивостью и неоднократно жаловался на Ломоносова. В начале 50-х годов Ломоносов отошел от руководства словарной работой Кондратовича.

Справедливость отмеченных Ломоносовым недостатков в словопроизводном этимологическом словаре Кондратовича становится наиболее очевидной, если обратить внимание на сохранившийся отрывок другого словаря того же лексикографа. Речь идет о переводе Кондратовичем словаря итальянца А. Калепино. Титульный лист рукописи Кондратовича имеет название: «Лексикон российский двенадцатиязычный, калепийский, по образцу Целлариеву и Фаброву, то есть по коренным именам или первообразным, сочинен Академии наук коллежским асессором Кириаком Кондратовичем 1. с латинским, 2. с еврейским, 3. с греческим, 4. с французским, 5. с италианским, 6. с немецким, 7. с нидерландским, 8. с гишпанским, 9. с польским, 10. с венгерским, 11. с аглинским»[10]. Перевод словаря Калепино Кондратович выполнял одновременно с той словарной работой, на которую Ломоносов давал отзыв.

Сопоставление «калепинского» словаря Кондратовича с оригиналом свидетельствует о том, что русский лексикограф подошел к работе не механически и не во всем

---

[2] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., 7, М.— Л., 1952, стр. 688, 689.
[3] Архив АН СССР, фонд 3, опись 1, № 110, л. 2.
[4] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., 7, стр. 705—707.
[5] Архив АН СССР, фонд 3, опись 1, № 516, л. 312.
[6] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., 9, 1955, стр. 616
[7] Там же, 10, 1957, стр. 400.
[8] Там же, стр. 381.
[9] Архив АН СССР, фонд 3, опись 1, № 803, л. 123 об.
[10] Архив АН СССР, разряд V, опись 1-К, № 41, л. 1.

следовал за оригиналом. Переведенный Кондратовичем словарь представляет собой переделку, предназначенную для русских. Приводя в качестве эквивалента латинского слова русское и выписывая из словаря Калепино перевод на другие языки, Кондратович выключает из словарной статьи энциклопедическое определение слова, иллюстрацию его значения и ссылку на источник.

Многоязычный словарь Кондратовича, как об этом можно судить на основании отрывка на букву «А» и приложенного к нему списка сокращенных знаков, значительно превосходил оригинал по количеству производных и «сложенных» слов, образованных от «первообразных» посредством суффиксов и приставок. Эта работа Кондратовича дает яркое представление о его произвольном словопроизводстве и страсти к словотворчеству. По всей вероятности, прав был Ломоносов, указав в свое время на большое количество вымышленных и неупотребительных слов лексикона Кондратовича.

*

Так как не найдены ни проект лексикона, ни словарь «первообразных» слов, составленные Ломоносовым, ни совместный труд Ломоносова — Кондратовича, большое значение приобретают материалы, косвенно характеризующие лексикографические взгляды Ломоносова. В этой связи заслуживает внимания отзыв («мнение») Ломоносова о лексиконе переводчика Государственной коллегии иностранных дел, венецианца по происхождению, Георгия Дандоло. Хронологически написание отзыва совпадает с работой Ломоносова над словарем, что увеличивает значение документа.

В отзыве на лексикон Дандоло, переведенный «с российского на латинский, италианский и французский языки», Ломоносов указывал на ряд существенных промахов: 1) приведение лишь «по одному знаменованию и часто отдаленному» «почти у всех многознаменательных слов»; 2) пропуск многих «первообразных, или коренных, слов» (среди которых *каблук*, *карась*, *караул*, *каша* и др.) и, с другой стороны, введение ряда «нововымышленных слов, в российском языке неупотребительных» (*каменую*, *квасноватый*, *кудрий*, *раболепность*, *расторгнение* и др.). Наряду с критикой словаря Ломоносов высказал и некоторые общие суждения теоретического порядка, отметив, в частности, что обязательным элементом словарной статьи должны быть свойственные данному языку выражения и обороты речи — «фразисы и идиотизмы», т. е. фразеологические сочетания и идиомы[11]. Историческое собрание, посчитавшись с мнением Ломоносова, возвратило словарь составителю.

Представляет значительный интерес и отношение Ломоносова к незавершенному лексикографическому труду «библиотекарского помощника» Академии наук А. И. Богданова[12]. Богданов начал собирать материалы для первого толкового словаря русского языка в 1735 г., откликнувшись на призыв Российского собрания. Через два года в «Реестре с именным описанием должности и действительной каждого работы, трудов и исправления академических профессоров и прочих чинов служителей» Богданову и его работе была дана следующая характеристика: «Андрей Богданов был тередорщик, а ныне употребляется на посылку ко всем художникам, ремесленным и мастеровым людям для спрашивания, как называют их инструменты и прочие в их ремеслах употребляемые вещи, и ради уведомления о их всяким художествам свойственным речам и именованиям, которые он все записывает, также из некоторых напечатанных книг выбирает технические термины и другие разным ремеслам свойственные имена, дабы оные в переводах и в русском лексиконе, который со временем напечатается, с пользою употребить»[13].

Собиранию лексических материалов Богданов посвятил многие годы жизни. Некоторые документы свидетельствуют о том, что Ломоносов наблюдал за словарем, составляемым Богдановым, и высоко ценил его. Высказав отрицательное суждение о словаре Кондратовича в 1747 г., Ломоносов противопоставил этому словарю «Российский лексикон» Богданова, при «совершении» которого «с пользою употреблен быть может» словарь Кондратовича[14]. В 1749 г., указав на ряд погрешностей лексикона Дандоло, которые так «несносны», что «книга без стыда сочинителева и без порицания Академии при ней напечатана быть не может», Ломоносов опять ссылается на словарь Богданова, который успешно составляется. По словам Ломоносова, к самому концу 40-х годов «бывшим при Академии наук Российским собранием, споможением Андрея Богданова, собрано и по альфавиту расположено более 60 000 российских чистых речений, которых много уже протолковано и переведено на другие языки»[15].

По-видимому, толковый словарь Богданова удовлетворял лексикографическим требованиям Ломоносова; прежде всего он был достаточно полон. Использование в качестве источников словаря книжной и народной речи и терминов, употребляемых ре-

[11] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., 9, стр. 623.

[12] О его деятельности см.: И. Н. Кобленц, Андрей Иванович Богданов. 1692—1766, М., 1958 (о словарной работе Богданова см. стр. 104—114); Н. Н. Аблов, Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед — Андрей Богданов [1693—1766], сб. «Советская библиография», 1 (19), М., 1941.

[13] «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым», М., 1863, V, разд. III — «Смесь», стр. 28.

[14] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., 9, стр. 616

[15] Там же, стр. 624

месленниками[16], безусловно, импонировало Ломоносову. Несмотря на пожелания Ломоносова, составление словаря значительно затянулось. Отбор лексики, составление словника, определение значений слов, требовавшие усилий коллектива людей, фактически выполнялись одним лицом. Богданов по существу явился зачинателем лексикографической традиции Академии наук. В 50-х годах в помощь Богданову были прикомандированы переводчики И. И. Голубцов, В. И. Лебедев, В. Е. Теплов и Г. Н. Фрейганг, которым вменялось в обязанность на «латинском, немецком и французском свойственные знаменования приписать», чтобы «весьма полезный труд втуне не остался» и «наискоряе» был «к концу приведен»[17]. Наблюдение за их работой осуществлялось унтер-библиотекарем И. И. Таубертом.

Вероятно, завершение работы над словарем и его издание увенчались бы успехом, если бы Ломоносов, высказывавший добрые пожелания и занимавший в Академии наук высокий пост, и составитель словаря не скончались один вслед за другим. После их смерти Тауберт, под руководством которого осуществлялся перевод значений слов на иностранные языки, предпринял попытку напечатать словарь под своим именем. Рукопись словаря Богданова до сих пор не удалось разыскать, да вряд ли она и сохранилась: рукописные словари, поступившие из Академии наук в Российскую Академию в 1783 г., по свидетельству председателя Российской Академии Е. Р. Дашковой, были розданы по частям составителям «Словаря Академии Российской». Это привело к утрате рукописных словарей, в том числе словаря Богданова. В Архиве АН СССР удалось найти лишь небольшой по объему отрывок этого словаря на букву «А», который был отпечатан типографским способом Таубертом (сразу после смерти Богданова)[18], пытавшимся присвоить себе труд Богданова[19]. Отрывок, сохранившийся в виде четырех корректурных оттисков, позволяет составить представление о словаре в целом. В толковом словаре Богданова содержались следующие основные элементы: 1) определение значения слова; 2) краткая грамматическая характеристика, которая давалась большей частью по-латыни; 3) в некоторых случаях давалась стилистическая помета; 4) иногда давалась этимологическая помета, большей частью краткая; 5) иллюстрация давалась то в виде «речений», то в виде цитат, а в некоторых случаях цитата заменялась указанием на ее источник. В конце словарной статьи приводился перевод слова на немецкий, латинский и французский языки.

Ни один из словарей современников Ломоносова, о которых он отзывался прямо или косвенно, не появился в свет. Тем не менее начальный период в истории русской академической лексикографии не прошел бесследно. Огромный лексический материал, сосредоточенный в словарях полузабытого русского лексикографа Кондратовича и зачинателя русской лексикографии Богданова, был успешно использован Российской Академией, явившейся прямой наследницей рукописного словарного богатства Академии наук. При составлении первоосновы «Словаря Академии Российской» — известной «Аналогической росписи слов» (или, иначе, «Аналогических таблиц») — рукописные словари сыграли исключительно большую роль.

Сравнение обнаруженного в Архиве АН СССР отрывка словаря Богданова на букву «А» со словником «Аналогических таблиц» показывает, что преобладающая часть слов, за исключением некоторых естественно-научных и технических терминов, совпадает. Словарь Богданова был использован «словарным отрядом» ученых Российской Академии самым тщательным образом[20]. Благодаря предшествующей словарной работе, которую можно рассматривать как закономерную ступень в подготовке «Словаря Академии Российской», он был создан в минимально короткий, пятилетний, срок[21]. Успеху лексикографической практики Российской Академии способствовала предшествовавшая теоретическая разработка вопросов лексикографии, осуществленная М. В. Ломоносовым.

Привлеченные нами материалы, столь разнообразные по своему значению, позволяют сделать некоторые выводы о лексикографических требованиях Ломоносова: 1) толковый словарь русского языка должен быть достаточно полным и включать в себя по возможности весь словарный состав русского языка (слова «первообразные», производные и «сложенные»); 2) «нововымышленные» и малоупотребительные слова не должны включаться в словарь; 3) кроме отдельных слов, в словарь должны входить фразеологические сочетания и идиомы; 4) определения значений слов должны быть

[16] Этот факт подтверждается челобитной Богданова, написанной им перед смертью (см. Архив АН СССР, фонд 3, опись 1, № 301, л. 141). Здесь же Богданов сообщал, что он собрал 18 «волюменов» словаря.

[17] «Материалы для истории имп. Академии наук», X, СПб., 1900, стр. 545.

[18] Архив АН СССР, разряд V, опись Т-2, № 10, лл. 1—4 об.

[19] См. В. Н. Макеева, Русская лексикография 40—50-х годов XVIII в. и Ломоносов, сб. «Ломоносов», IV, М.— Л., 1960.

[20] Ср. Н. Н. Аблов, указ. соч., стр. 140—141.

[21] Изданию в свет «Словаря Академии Российской» предшествовала подготовка его прообраза («макета» в современном обозначении). Материалы архива Российской Академии свидетельствуют, что «для большего совершенства сего первоначального труда» сначала решено было напечатать его «по числу членов» Российской Академии, а затем, по получении замечаний, «издать уже в публику» (см. Архив АН СССР, фонд 8, опись 1, № 1, л. 6).

достаточно полными; для слов многозначных следует приводить несколько значений; 5) основными элементами словарной статьи, помимо определения значения слова, должны быть: а) грамматическая характеристика или помета, б) стилистическая помета, в) этимологическая помета, г) иллюстрация значения слова в виде цитат и речений.

Ниже публикуется начальная часть наиболее полного из четырех найденных оттисков на букву «А» (до «Аи»)[22]. Четыре оттиска представляют собою соответственно четыре разновременные стадии корректуры, последовательность которых восстанавливается на основании виз и правки Тауберта. Смысловые исправления текста, внесенные Таубертом, незначительны. Лишь в двух случаях они заслуживают упоминания. Текст печатается по современной орфографии; вместе с тем особенности орфографического и пунктуационного оформления словарной статьи, как и шрифтовые выделения подлинника, при воспроизведении текста соблюдаются; примеры даются курсивом в соответствии с подлинником.

[22] Весь оттиск предполагается опубликовать в «Лексикографическом сборнике».

А

А первая азбучная литера, называется собственным произношением *аз*. Когда в письме или в печати покрыта титлою, тогда значит в числах один (1), а с приложением внизу знака ≠ (≠А) одну тысячу.

А союз разделительный aber, sondern, hingegen; L. at, ast, sed, vero, verum, autem; G. mais. пр. *Один читает, а другой пишет. Грешницы да погибнут, а праведницы да возвеселятся.*

Аá междометие угрожательное. пр. *Аá! попался ты нам в руки.*

АБ

Абезьяна, f. зри. Обезьяна (наименование сие, кажется, произошло от Абиссинии) Affe; L. simia; G. singe.

Абие, adv. (тотчас, немедленно) sogleich, alsobald; L. statim. confestim, mox, iam; G. d'abord, tout-à l'heure. пр. *Уповаю же абие видети тя.* З. Иоанн, гл. I.

Абшит, m. сл. Нем. (отпуск, увольнение от службы) Erlaßung, Abschied; L. missio; G. congé, démission.

Абызь, m. сл. Тат. (у магометанских татар поп или духовный человек).

АВ

Авангардия, f. сл. Фр. (передовое войско, а по-старинному передовой полк) Vortrouppen; L. primum agmen; G. avantgarde.

Авва, m. сл. Сирск. (отец) Vater; L. pater; G. père. см. к Римл., гл. 8.

Август (имя мужеское) August; L. Augustus; G. Auguste.

Август (осьмый месяц в году) August—Monath; L. augustus; G. août.

Августейший, adj. (употребляется при титуловании коронованных глав в том же знаменовании, как всепресветлейший) allerdurchlauchtigst; L. augustissimus; G. très-auguste.

Авдотка,[1] f. (род куликов) Waßer-Schneppe; L. totanus; G. bécasse.

Авось и авось-либо, adv. (употребляется больше в разговорах и то же значит, что *может быть*) vielleicht, wer weiß; L. forsan, forsitan, fortassis; G. peutêtre. пр. *Авось сделается; авось-либо удастся.*

Автор, m. сл. Л. (творец, сочинитель) Verfaßer, Schrifftsteller; L. scriptor, auctor; G. auteur.

АГ

Агарянин, m. (происшедший от Агари, наложницы Авраамовой. В старинных церковных книгах и летописцах срацины, турки и татара часто называются сим именем) Agarener; L. Agarenus; G. Agarien.

Агат, m. (камень твердый и несколько прозрачный) Achat; L. achates; G. agate.

Агатовый, adj. von Achat; L. ex achate; G. d'agate.

Агач, m. (род гусей[1] на северном окиане, от которых самый лучший пух собирается). Eidergans; anfer plumis mollissimis; espèce d'oye sauvage.

Агент, m. сл. Л. (поверенный, посланный к какому-либо двору или в чужой город для некоторого дела) Agent, Sachwalter; procurator, agent.

Агнец, m. (ягненок) Lamm; agnus; agneau.

Агнец (частица из просфоры, в церкви на жертву приносимая) Hostie; hostia; hostie.

Агница, f. (овечка; употребляется более в метафорическом знаменовании); Lamm; agna; agneau. пр. *Агница Христова.* Мин. чет., Дек., 4 день.

Агнчик, m. (барашек) Lämlein; agnellus; petit agneau.

Агнчий, adj. von Lämmern; agninus; d'agneau. пр. *И убелиша ризы своя в крови агнчей.* Апок., гл. 7.

АД

Ад, m. (вечная мука) Hölle; tartarus, orcus; l'enfer.

Адский, adj. höllisch, infernus, infernalis; tartarens; infernal d'enfer.

Адамант, m. сл. Гр. зри Алмаз.

Адамантовый, adj. (алмазный) von Demant; adamantinus; de diamant.

Адвокат, m. сл. Л. (стряпчей, ходатай, который в суде за делами ходит); Advocat, Sachwalter; actor, causidicus, aduocatus; avocat.

[1] В одном из корректурных оттисков о «род диких уток».— *В. М.*

Адмирал, m. сл. Фр. (главный повелитель над морскою силою) Admiral; praefectus classis, archithalassus; amiral.

Адмиральский, adj. vom Admiral; architalassi, quod pertinet ad archithalassum; d'amiral.

Адмиралтейство, n. (правление морское) Admiralität; praefectura rerum maritimarum; amirauté.

Адмиралтейство (место, где строятся военные корабли) Admiralitätswerst; naualia; G. chantier de l'amirauté.

Адъюнкт, m. сл. Л. (приданный в помощь, помощник) Adjunkt, Gehülfe; adjunctus; adjoint.

Адъютант, m. (офицер при генерале или при полку, который с приказанием посылается) Adjutant; adjutor castrensis, optio; aide-de-camp, adjudant.

АЖ

Аж до prаep. (даже до) употребляется больше от малороссиян и то в простых разговорах bis zu, bis an; usque ad; jusqu'à; пр. *Работал аж до поту.*

Ажно, conj. (до того) bis; usque; jusqu'à ce que. пр. *Я шел до тех пор, ажно устал.*

Ажно, conj. (но) aber, allein; sed; mais; пр. *Я думал увидеть нечто хорошее, ажно безделица.*

АЗ

Аз (так называется первая литера российской азбуки).

Аз, местоимение личное Ich; ego; je; moi. пр. *Аз есмь господь бог твой.* Перв. Зап.

Азбест, m. сл. Гр. (камень жиловатый или волокнистый, из которого делается несгораемое полотно) Asbest; asbestus, amiantus; asbeste, amiante, pierre incombustible.

Азбука, f. (письмена) das A B C; litterarum elementa, alphabetum; l'alphabet.

Азбука (книга, по которой учатся читать) das A B C Buch; abecedarium; abécédaire.

Азбучный, adj. vom A B C; ad litterarum elementa pertinens; de l'a b c.

Азия, f. (вторая часть света) Asien; Asia; Asie.

Азиа́тец, m. Asiater; asianus; un asiatique.

Азиа́тка, f. Asiaterin; asiana; fille ou femme asiatique.

Азиатский, adj. asiatisch; asiaticus; asiatique.

Азям, m. (платье летнее из китайки или иной подобной материи) Sommerrock; theristrum; aestiua vestis; habit d'été.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

КОНСУЛЬТАЦИИ

О. С. АХМАНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ МЕТАЯЗЫКА ЛИНГВИСТИКИ

Для того, чтобы обнаружить и систематизировать основные понятия метаязыка лингвистики, обычно представляется наиболее естественным начать с инвентаризации разнообразных терминологических единиц, бытующих в его диалектах и идиолектах [1], с тем чтобы в дальнейшем путем сопоставления («конфронтации») полученных инвентарей [2] прийти к понятиям. Следующим этапом работы при таком подходе явилось бы составление идеографического словаря метаязыка лингвистики. Таким образом, были бы получены предпосылки для перевода с одного диалекта метаязыка лингвистики на другой и перспектива его унификации, стандартизации и нормализации.

Вполне возможным, однако, является и прямо противоположное направление исследования. Исходным моментом могут быть сделаны понятия, систематизируемые и описываемые по определенному общему принципу на различных уровнях языковой структуры. При этом подходе в центре внимания оказалась бы уже не инвентаризация, а определение адекватности создаваемых терминов выражаемым понятиям с учетом таких особенностей построения терминов, как мотивированность — немотивированность и др.

Второй из перечисленных способов исследования представляет сейчас наибольший интерес, так как при этом терминологическая работа языковедов выступала бы как часть основной проблемы современной науки — проблемы анализа и классификации понятий на основе классификации предметных областей. Под анализом понятия современная метатеория понимает нахождение его определения. Но определение в строгом смысле этого слова невозможно без разложения на «семантические факторы», или «сомножители», или «частные понятия», ибо без этого не может быть построен к о д термина. (Напомним, что под кодом, согласно теории информации, понимается правило, сопоставляющее каждому передаваемому сообщению некоторую комбинацию различимых сигналов, по которой на приемном конце можно однозначно восстановить сообщение).

*

Наиболее последовательно кодовый принцип проводится в так называемой «-эмовой» терминологии (the «-eme» family of terms). Суффикс «-ема» указывает на структурный характер [3] обозначаемой единицы и соотносится с префиксами «алло-» и нулем по тому же принципу, по которому соотносились морфемы «-тип» и «-член» у А. М. Пешковского («слово-тип» и «слово-член»). Так, на дифференциальном уровне (feature level) описания языка «фóна» (phone) — это член фонемы, т. е. структурная единица дифференциального уровня, еще не отнесенная к той или другой фонеме, а определяемая безотносительно к фонемной принадлежности. «Аллофона» (allophone) — это вариант (альтернант, разновидность, «манифестация») фонемы, например *а* (*палка*), *æ*

[1] Выражение «диалекты» метаязыка для обозначения его разновидностей получило распространение благодаря работам по «машинному языку» («machine language»). «Идиолектом» удобно называть одновременные индивидуальные метаязыки, такие, как, например, идиолект Л. Ельмслева в «Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse».

[2] Наиболее распространенной формой таких инвентарей являются предметные указатели и глоссарии к общелингвистическим монографиям. Современным достижением в этой области является попытка сделать инвентаризацию планомерной и последовательной путем сведения отдельных идиолектов в диалекты школ и направлений, как это сделано, например, в следующих работах: E. P. H a m p, A glossary of American technical linguistic usage 1925—1950, Utrecht — Antwerp, 1957; J. V a c h e k, Dictionnaire de linguistique de l'école de Prague, Utrecht—Anvers, 1960.

[3] Под структурой имеется в виду внутренняя организация данной семиологической системы, налагающая определенные ограничения на то, как она (т. е. данная семиологическая система) применяется для передачи сообщений. Структурный характер системы, ограничивающий свободу воспроизведения элементов, неизбежно приводит к ее избыточности. То, что избыточность предполагается самим понятием структуры, явствует из неодинаковой частотности фонем и морфем, структурных ограничений фонемных и морфемных последовательностей и т. п.

(*пять*), *а* (*папа*) и т. п. Аллофоны одной и той же фонемы различаются на субфонемном или аллофоническом уровне, так как: 1) обладают фонетическим подобием и 2) находятся в отношениях дополнительного распределения. Фонема (phoneme) — это «минимальная единица» (feature) системы выражения звукового языка, посредством которой сказанное отличают от того, что могло бы быть сказано, но сказано не было. Это класс фонетически подобных звуков, аллофонов, применение которых в языке исключает их взаимное противопоставление и основывается на определенных моделях дистрибуции.

Фонема как элемент звуковой системы языка находится в определенных взаимоотношениях с каждым из других элементов этой системы. «Графа» (graph) — это потенциальный термин, предполагаемый кодовым характером «алло-эмической» терминологии (allo-emic) и соответствующий в графологическом плане «фоне», «морфе», «семе» и т. п. «Гра́фа» — вариант графемы вообще при рассмотрении его (т. е. варианта графемы) как такового, до определения его как аллографы той или иной графемы. «Аллографа» (allograph) — это вариант (разновидность, данная конкретная манифестация) графемы; например: англ. *c* и *qu* — аллографы графемы, передающей на письме фонему /k/; русск. *а* и *я* — аллографы графемы, передающей фонему /а/. Наличие правил выбора той или другой аллографы свидетельствует о том, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Варьирование письменных знаков типа русск. *т*/*т* как необусловленное правилами дополнительной дистрибуции не является аллографическим. Это — свободное варьирование (free variation). «Графема» (grapheme) — основная структурная единица письменного языка. Каждая данная система письма состоит из графем и правил их употребления. Гра́фы, аллографы и графемы играют такую же роль в графемике, какую фоны, аллофоны и фонемы играют в фонемике.

При переходе от дифференциального[4] уровня к семантическому положение сильно осложняется вследствие того, что кодовое обозначение двусторонних единиц, основанных на неразрывном единстве выражения и содержания, предполагает вполне строгое определение не только первого, но и второго. Решить эту задачу создателям «-эмовой» терминологии пока не удалось. Однако серьезный прогресс в этом направлении можно считать достигнутым уже потому, что все большее число дескриптивистов приходит к выводу о невозможности последовательного применения механистического или антименталистического принципа, за который в свое время с таким жаром, блеском и талантом ратовал Л. Блумфилд. Становится все более и более общепризнанным убеждение, что механицизм применим только на механическом же уровне в языке, т. е. на дифференциальном уровне. При переходе же на уровень семантический (не говоря уже о метасемиотическом) исследователь никак не может избежать обращения к значениям, идеям, социально обусловленным ситуациям, фактам или фантазиям, относящимся к человеческому бытию,— всему тому, на что реагирует человек и о чем он пытается говорить с себе подобными. Иными словами, оказывается, что изучить вполне «структуру языкового поведения» можно только, если рассматривать его как часть общего поведения человека.

Языковое поведение человека приобретает структурные свойства только по отношению к более широкой области человеческого поведения вообще, частью которого оно является; полное определение лингвистических единиц возможно лишь при соотнесении их с более широкой областью неязыкового поведения человека и при установлении, таким образом, их значения, выявляемого определением реакций носителей языка на данную лингвистическую единицу. Хотя раздельное обсуждение формы и значения языковых единиц и представляется на низшем уровне исследования будто бы возможным, следует постоянно иметь в виду, что такое разобщение естественных компонентов языковой единицы всегда носит чисто условный характер. В действительности же форма и значение в языковых единицах неразделимы, поскольку языковые единицы конституируются единством формы и значения (т. е. представляют собой «form-meaning composites»).

Такова, в кратком изложении, общетеоретическая позиция современной дескриптивной лингвистики. Именно поэтому во всей конкретной лингвистической работе (так же как и в наиболее ценных монографиях) мельчайшая единица семантического уровня выделяется и определяется именно как конституируемая единством формы и значения; требование во чтобы то ни стало ограничиться и на этом уровне только дистрибуцией, т. е. определять основные единицы и на этом уровне лишь как recurrent patterned partials, остается лишь на бумаге. В действительности же морфема оказывается наименьшей единицей системы выражения, непосредственно соотносимой с каким-либо элементом системы содержания. Критерием для выделения морфем из потока речи является отсутствие у морфемы частичного фонетико-семантического сходства с любой другой языковой формой (linguistic form). Морфема состоит из одной или нескольких алломорф, определяемых на основе дистрибуции и значения. Она не обязательно состоит из фонем, но все морфемы определяются в терминах фонем. Так, морфема-заместитель (например, морфема-заместитель мн. числа /ij/ в *geese* и т. п.) требует определения не только фонем, сигнализирующих ее наличие, но и фонем, сигнализирующих ее отсутствие (т. е. /uw/ в *goose*).

[4] Выше для простоты было оставлено без внимания то обстоятельство, что графемы в некоторых системах письма имеют морфемные референты. Обсуждение сложных проблем этой специальной области увело бы от основной линии данной статьи.

«Алломорфа» — это вариант (альтернант, разновидность, «манифестация») морфемы, например русск. *друг-*, *друж-*, *друз-* или англ. *-z*, *-s*, *-iz* как показатель мн. числа существительных. Фонетически обусловленные алломорфные изменения называются автоматическими альтернантами. Недостатком дескриптивного определения понятия алломорфа является пренебрежение формой. Поскольку алломорфами одной и той же морфемы по определению должны считаться языковые единицы: 1) обладающие общностью значения и 2) находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции без обязательного формального подобия, понятие алломорфы в дескриптивной лингвистике оказывается крайне расплывчатым и, теоретически рассуждая, включающим не только, например, разнообразнейшие морфы мн. числа (англ.*-z*, *-s*, *-iz*, *-im*, и т. п.), но и, например, *-л* (прош. время) и *экс-* («бывший»),*-ology* и *science* и т. п. Морфа — это структурная единица языка на субморфемном уровне, определяемая как таковая, т. е. до того, как была бы определена ее принадлежность к той или другой морфеме, или вообще независимо от определения подобной принадлежности.

Как видно из сказанного, приведенные термины и определения, отличающиеся полной кодовой пропорциональностью терминам и определениям дифференциального уровня, имеют по сравнению с ними тот недостаток, что включают никак не определенное «значение». Поэтому серьезного внимания заслуживают имеющиеся попытки подвергнуть значение анализу с последующим синтезом в терминах «-эмовой» терминологии. Одна из известных попыток этого рода имеет такой вид:

«Сема» — «аллосема» — «семема»
«Эписема» — «аллоэписема» — «эписемема»
«Макросема» — «алломакросема» — «макросемема»

Из этого сопоставления вытекают следующие определения:

I. С е м ы (semes). Семой называется: 1) значение в определенном типе контекста: а) значение морфемы, б) значение формальной части морфемы; 2)значение, заключенное в формах парадигматического ряда. Семы первого типа символизируются положительными языковыми элементами (are overtly symbolized); семы второго рода указываются в скрытом виде (are covertly indicated).

II. А л л о с е м ы (allosemes) — семы в их отношении к данной семеме. Аллосемы состоят из «аллолингвисем» («лингвисема» — минимальная особенность значения, основанная на лингвистическом контексте) и «аллоэтносем» («этносема» — минимальная особенность значения, основанная на этнологическом контексте).

III. С е м е м ы. Семема состоит из класса семантически родственных сем, составляющих значащие компоненты: 1) морфем, 2) формальной части морфем (например: *sl* в *slip*, *slime*, *sleek* и т. п.), 3) скрытой особенности (feature) парадигматического ряда или 4) соединения 1) и 3) [т. е. в таких ситуациях, когда значение открыто символизируется (is overtly symbolized) в одних формах и отрицательно (covertly) — в других].

IV. Э п и с е м ы. Эписема — значение грамматического отношения между морфемами. Это так называемое значение построения (constructional meaning).

V. А л л о п и с е м ы — эписемы в их отношении к «эписемеме».

VI. Э п и с е м е м а — класс семантически родственных (объединенных) эписем (т. е. аллоэписем), составляющих значащее соотношение между непосредственно составляющими конструкции.

VII. М а к р о с е м а — значение лингвистической структуры, имеющей в своем составе более одной семемы и по крайней мере одну эписемему.

VIII. А л л о м а к р о с е м ы — макросемы в их отношении к данной макросемеме. Имеется два типа: «аллолингвимакросемы» и «аллоэтномакросемы».

IX. М а к р о с е м е м а состоит из класса семантически родственных макросем, составляющих значащий компонент структуры, имеющий две или более семем и по крайней мере одну эписемему. Макросемемы делятся на «лингвимакросемемы», основанные на лингвистических контекстах, и «этномакросемемы», основанные на нелингвистических контекстах.

Вследствие сложности объекта не лишним будет пояснить сказанное на примерах.

1. Предположим, что исследователь встретился с формой *man* в таких двух окружениях: *a man* и *man the ship*; *лай собак*; *Полкан не лай!* Семантический анализ этих фактов показывает, что *man*, *лай* имеют две первичные «лингвисемы»: 1) встречаемость (occurrence) в именных (noun-) позициях и 2) встречаемость в глагольных (verb-) позициях. *Man*, *лай* имеют также две первичные этносемы, первая из которых указывает на предмет (*a man*, *лай собак*), а вторая — на процесс (*Man the ship*; *Не лай*, *молчи!*). Первая лингвисема встречается вместе и одновременно с первой этносемой, вторая — со второй. Это значит, что в синтаксической позиции имени существительного *man*, *лай* указывают на предмет, а в синтаксической позиции глагола — на процесс.

2. Предположим, что даны следующие отрезки речи: *Oh, boy!* (восклицание); *Abright young boy*; *A good old boy*; *Boy!* (обращение к слуге) [Ср.: *Вот тебе раз!*; *Раз, два, три...* (при счете); *через раз*; *Раз!*]. Значение «форм» *boy*, *раз* надо будет тогда описать так: 1) констатировать наличие лингвисемемы «имя существительное» (noun) и 2) «этносемемы», состоящей из нескольких связанных между собой этносем, сопро-

вождающих *boy* и *раз* в различных контекстах, т. е. соответственно: а) *Oh, boy!*; *Вот тебе раз!* (восклицание); б) *A bright young boy*; *Раз, два, три...* (счет); в) *A good old boy*; *через раз* и 2) *Boy!* (обращение к слуге); *Раз!* (команда).

3. В конструкциях *Poor man*; *Small watch*; *Loud tie* и *Angry aunt* (т. е. в «атрибутивном» словосочетании «прилагательное + существительное») мы имеем одни и те же эписемы [первый составляющий, например *poor* (т. е. прилагательное), обозначает качество второго, например *man*, и т. п.]. Если же мы возьмем такие конструкции, как *The watch*, *My tie* и *An aunt* (т. е. конструкции с анафорическими словами, но не с прилагательными), то хотя они и похожи на конструкции, приведенные выше, они представляют собой структурно отличные конструкции, что видно из того, что первые элементы конструкций второго рода (т. е. типа *The watch* и т. п.) всегда предшествуют первым элементам конструкций первого рода (т. е. типа *Poor man* и т. п.), если и те, и другие встречаются в одном и том же высказывании (как, например, *The small watch*; *My loud tie*; *An angry aunt* и т. п.). Эписемы таких атрибутивов, как *small*, *loud*, *angry* и т. п., плюс именное выражение (substantive expression) можно определить как обозначающие отношение признака к предмету (character-substance relationship).

Любая конструкция независимо от ее протяженности, т. е. от числа включенных в нее морфем, обязательно должна выражать некоторое значащее соотношение элементов. Поскольку большинство конструкций являются бинарными, удобно описывать эписемемы, определяя семантические компоненты составляющих частей. Так, например: действие — цель: *Hit John*; действие — косвенная цель: *Gave him the bag*; действие — время: *Went yesterday*; агент действия — действие: *John went*; цель — действие: *John was hit*; качество — предмет: *White cloud* и т. п. и т. д.

Лингвистическое или грамматическое значение определяется также особенностями употребления формы в значащих ситуациях, описываемых только или во всяком случае прежде всего в терминах лингвистического окружения. Вообще говоря, можно определить значение формы *boy*, установив референт или тип референта, символом которого он служит. Однако лингвистически наиболее важным является выяснение дистрибуции морфем в определенных лингвистических ситуациях. Лингвистическое значение формы *boy*, следовательно, складывается из следующих фактов: *boy* выступает как субъект в предложении, как объект при глаголе, как второй член предложного оборота. Он соединяется с деривативными формативами, например *boyish*, и встречается в восклицании *Oh, boy!* Поэтому, например, даже полностью пренебрегая био-социальными различиями в значениях, например, *boy* и *girl*, мы можем сказать, что собственно лингвистические значения этих двух форм различаются тем, что *boy* встречается в восклицании (*Oh, boy!*), т. е. в контексте, невозможном для *girl*; соответственно, сравнив, например, *раз* и *три*, можно сделать аналогичные выводы.

Хотя понятия эндо- и экзоцентрического соединения элементов и не используются теперь столь широко, следует напомнить, что эти термины могут успешно употребляться для указания на категориальное соответствие или несоответствие между всяким сложным образованием и его частями. Понятия эндоцентричности и экзоцентричности могут применяться не только в отношении лингвистического распределения, т. е. не только в отношении лингвимакросем, но также и в отношении распределения нелингвистического, т. е. в отношении этномакросем. Так, например, *applesauce* (*apple* «яблоко» + *sauce* «соус») как обозначение яблочной подливки семантически эндоцентрично. Когда же это слово употребляется как выражение недоверия или неодобрения, т. е. в качестве синонима к *horse-fathers* или *Bologna* (в смысле «абсурд», «выдумки» и т. п.), то оно является экзоцентрическим. Поскольку значение недоверия не может быть выведено из семем и эписемем данного соединения, описание данной единицы невозможно без констатации наличия в ней двух макросем — одной эндоцентрической и одной экзоцентрической. Также семантически экзоцентрическими (при структурной эндоцентричности) является, например, *black-bird*, не «черная птица», а разновидность дрозда. Вообще любые идиомы, например *give him the cold shoulder* или *from the frying pan into the fire*, предполагают при их описании обязательное введение понятия «экзоцентрические макросемы». Терминами «семантическая эндоцентричность» и «семантическая экзоцентричность» сложного образования обозначаются два противоположных полюса, между которыми имеется много переходных случаев. Так, например, если такие конструкции, как *poor man* и *black bird*, являются вполне эндоцентрическими, а такие, как *horsefathers*,— совершенно экзоцентрическими, то такие, как, например, *football* и *go-cart*, выступят уже как представители промежуточных типов, как не проявляющие ни того, ни другого качества вполне ясно и четко

Из сказанного следует, что полное описание такого сложного слова, как, скажем, *applesauce*, потребовало бы констатации: 1) наличия эндоцентрической лингвимакросемы (*applesauce* отличается тем же распределением, что и стержневая единица *sauce*); 2) наличия эндоцентрической этномакросемемы (обозначение соуса, сделанного из яблок) и 3) наличия экзоцентрической этномакросемемы — восклицания, вызывающего недоверие или неодобрение, значение которого не поддается описанию в терминах составляющих его компонентов (т. е. *apple* и *sauce*). Как ясно из определения термина (см. выше), макросемема предполагает наличие в данном соединении семем составляющих его компонентов (в данном случае — *apple* и *sauce*) и эписемемы, составляющей значащее отношение построения (в данном случае то, что *apple* является определением по отношению к *sauce*).

*

Как ни громоздка приведенная терминология, она все же оказывается теоретически возможной, и нет оснований утверждать, что дальнейшее исследование данной сложнейшей области именно в этих терминах обязательно окажется непродуктивным. Непреодолимые трудности возникают, однако, уже при попытке разработать единую теорию структуры человеческого поведения, при попытке такого распространения лингвистической методологии, которое сделало бы данную терминологическую систему применимой ко всякому поведению — как словесному (вербальному), так и несловесному. В этом отношении интересна известная работа К. Пайка[5], который в качестве отправной точки для всего построения берет «эттерему» (utteremе) или единицу высказывания. Высказывание (utterance) — это акт или единичный пример речи [под актом речи (act of speech) понимается единица (item) человеческого поведения, обладающая данными физиологическими и социологическими свойствами]. Эттерема удобна вследствие своей сравнительно простой и легкой выделяемости из речевого потока. Но эттерема является частью более широкой единицы — «бихевиоремы» (behavioreme), являющейся единицей человеческого поведения вообще. Общим свойством обеих этих единиц является их выделимость, т. е. наличие поддающихся определению начала и конца, распознаваемых участниками общения, а также то, что обе они целенаправленны (purposive), т. е. имеют значение (are meaningful to those who participate in it).

Бихевиоремы построены трехмодально (are tri-modally structured), т. е. включают три модуса: модус минимальных единиц (the feature mode), модус распределения (the distribution mode) и модус манифестации (the manifestation mode). Эти модусы, конечно, не имеют отдельного внешнего выражения и выделяются только путем научного анализа. Модус минимальных единиц включает все входящие в бихевиорему единицы активности, или мотифемы (motifemes). [Единицами модуса минимальных единиц в эттереме являются морфемы, которые, следовательно, определяются не только формально, но и в плане целенаправленности (purposively), т. е. в терминах значения.] Модус распределения включает единицы расположения мотифем (the motifemic spot-class correlatives). (Единицами модуса распределения в эттереме являются «грамемы», соединяющие в себе блумфилдовские «тагмемы» порядка и выбора.) Модус манифестации состоит из «актем» (actemes), т. е. тех целенаправленных единиц физического действия, посредством которых манифестируются «мотифемы». Напомним, что единицами модуса манифестации в эттеремах являются фонемы, т. е. физические единицы, посредством которых манифестируются морфемы. Следовательно, фонема — это минимальная единица модуса манифестации бихевиоремы.

Каждая бихевиорема является отрезком более крупной бихевиоремы и, наоборот, каждая бихевиорема в каждом из своих модусов включает единицы, которые также могут выступать как бихевиоремы. Иными словами, все единицы анализа должны так или иначе отражать структуру человеческого поведения в плане реакции на это поведение со стороны членов данного коллектива. Таким образом, К. Пайк последовательно продолжает общеметодологическую линию, намеченную Блумфилдом, но идет гораздо дальше него, детально разрабатывая понятие языка как функциональной части человеческой деятельности, воспринимаемой через реакции членов данного коллектива на высказывания. В этом смысле работа Пайка представляет большой интерес. Но с точки зрения того особого аспекта, в котором все эти вопросы рассматриваются в настоящей статье, основным выводом из всего сказанного будет следующий. Ни самому Пайку, ни кому-нибудь другому не удалось ввести намеченные здесь категории в стройную систему основных триад. С чем соотносятся бихевиоремы, эттеремы, грамемы, мотифемы (так же, между прочим, как и тагмемы и таксемы)? С бихевиорами, эттерами, грамами, мотифами, тагмами и таксами, являющимися, соответственно, их аллобихевиорами, аллоэтерами и т. д., и т. п.? Теоретически рассуждая, мы должны, конечно, ответить именно так, ибо иначе вообще все построение не имело бы смысла; однако возможности метаязыка, базирующегося на морфемах и словах естественного (денотационного) языка, по необходимости ограничены, почему весьма уместным представлялось бы рассмотреть, хотя бы в самом предварительном виде, возможности анализа базисных понятий для данного уровня, в терминах символических (неязыковых) обозначений.

*

Из существующих попыток последовательного анализа «языковой реальности» в терминах символических обозначений наиболее интересной представляется та, которая осталась среди бумаг покойного А. И. Смирницкого в виде предварительного наброска. Она имеет следующий вид: λ — «словесная» единица», «слово-член»; φ — его фонетическая, внешняя сторона; σ — его семантическая, внутренняя сторона, значение. Таким образом, словарная единица x может быть представлена как соединение $\varphi\lambda x$ и $\sigma\lambda x$. Если самое соединение, связь между $\varphi\lambda x$ и $\sigma\lambda x$, обозначить знаком I, то словарная единица получит изображение $\varphi\lambda x I \sigma\lambda x$ и будет установле-

[5] K. L. P i k e, Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior, Glendale (Calif.), 1955. (Следует подчеркнуть, что автор настоящей статьи не разделяет, вообще говоря, точку зрения на язык л и ш ь как разновидность «поведения». Но в плане возможностей «кодовой» терминологии данное рассуждение представляется не лишенным интереса.)

но равенство $\lambda x = \varphi\lambda x I \sigma\lambda x$; так, например, $\lambda man = \varphi\lambda man I \sigma\lambda man$. Если через $/X/$ обозначить звук или звуковой комплекс, представляющий собой речевой отрезок x, то очевидно, φx и $/X/$ будут обозначать одно и то же, т. е. будет получено равенство $\varphi x = /X/$. Например: $\varphi\lambda man = \lambda$ /mæn/, так как $/X/$ в данном случае (т. е. в случае речевого отрезка λman) есть звуковой комплекс /mæn/.

Если через z обозначить значение речевого отрезка x в каком-либо ином словесном выражении, т. е. в каком-либо другом языке или языках, то можно написать $\sigma x = z$; поэтому, например, $\sigma\lambda man = \lambda$ «человек, мужчина» или «*homo, vir*», поскольку словесными единицами *человек, мужчина, homo, vir* передается значение словесной единицы *man*. $\varphi x = \varphi z$ выражает омонимичность, например: $\varphi\lambda write = \varphi\lambda right$ (=/raIt/); также: $\varphi\lambda son = \varphi\lambda sun$. Но, например, $\varphi\Lambda write \neq \varphi\Lambda right$, если Λ — это лексема, слово-тип, а λ — лекса, слово-член; β — основная, лексическая (вещественная) часть словесной единицы; γ — служебная, грамматическая (формальная) часть словесной единицы. Обе части (βx и γx) имеют как внешнюю /φ/, так и внутреннюю /σ/ стороны. Следовательно: $\beta x = \varphi\beta x I \sigma\beta x$ и $\gamma x = \varphi\gamma x I \sigma\gamma x$; $\sigma\beta x$ — тот момент в значении словесной единицы, который одинаков во всех словесных единицах (лексах), образующих данное слово-лексему (Λx), и которым определяется единство слова-лексемы. Связь между моментами значения — $\sigma\beta x$ и $\sigma\gamma x$ — обозначается (и трактуется) как умножение. Следовательно, $\sigma\lambda x = \sigma\beta x \cdot \sigma\gamma x$. Поэтому приведенное выше обозначение внутренней стороны слова можно представить в виде:

$$\sigma\beta x \cdot \left\{ \begin{matrix} \sigma\gamma x \\ \sigma\gamma x^{y} \end{matrix} \right\} \text{ и т. д.}$$

Связь между фонетическими частями словесной единицы — $\varphi\beta x$ и $\varphi\gamma x$ — обозначается (и трактуется) как сложение. Отсюда: $\varphi\lambda x = \varphi\beta x + \varphi\gamma x$. Например: $\varphi\lambda\, dogs = \lambda$/dɔgz/ = β/dɔg/ + γ[z]; $\varphi\lambda\, dog = \lambda$/dɔg/ = β/dɔg/ (+ γ[0]). Место соединения частей может обозначаться дефисом (-), и тогда символы β и γ не употребляются. Так, λ/dɔgz/ = /dɔg-/ + /-z/; λ/dɔg-/ = /dɔg-/ + /-0/; или сокращенно: λ/dɔgz/ = /dɔg--z/, /dɔg--z/ и т. п.

Если во всех формах слова x (т. е. в лексических единицах x, xy и т. д., образующих систему данного слова) реально отделим один и тот же фонетический отрезок $\varphi\beta x$ (= $\varphi\beta xy$ и т. д. =$/X/$), т. е. фонетический отрезок, сопряженный с $\sigma\beta x$, то фонетическая (внешняя) сторона слова x может быть изображена как

$$\varphi\beta x + \left\{ \begin{matrix} \varphi\gamma x \\ \varphi\gamma xy \end{matrix} \right\} \text{ и т. д.}$$

например: $\varphi\Lambda\, dog = \varphi\beta\, dog + \left\{ \begin{matrix} \varphi\gamma\, dog \\ \varphi\gamma\, dog's \text{ и т. д.} \end{matrix} \right\} =$/dɔg-/ + $\left\{ \begin{matrix} [-0] \\ 3[-z] \end{matrix} \right\}$.

Связь между частями β и γ словесной единицы x, т. е. между βx ($\varphi\beta x I \sigma\beta x$) и γx ($\varphi\gamma x I \sigma\gamma x$), не может обозначаться ни как сложение, ни как умножение. Эта связь может быть обозначена или особым знаком, например ~, или условным сочетанием + x, напоминающим о том, что связь между фонетическими частями представляется как сложение, а связь между соответствующими семантическими моментами — как умножение (ср. выше). Таким образом, $\lambda x = \beta x \sim \gamma x = \beta x + x\gamma x = \varphi\beta x + \varphi\gamma x I \sigma\beta x \cdot \sigma\gamma x$. Следовательно, если x реально разложимо на части — основную (b) и грамматическую (g), то $\lambda x = b\text{-} \sim \text{-}g$. Например: $\lambda dogs = dog\text{-} \sim \text{-}z$. Или сокращенно: *dog--s*, *dog-s* (знак ~ подразумевается благодаря наличию дефиса). В таких случаях, как λdog, $\lambda book$ и т. п., $g =$ -0, а $b = x$: $\lambda dog = dog \sim$ -0 и т. п.; - 0 в этом примере равен /- 0/$I\sigma\gamma dog$, а в общем виде 0= [-0]$I\sigma\gamma x$.

Словесные единицы, представляющие собой формы слова с грамматическим чередованием звуков в основе, разложимы на b и g лишь более или менее условно — ввиду неполной, лишь условной, разложимости их внешней стороны, $\varphi\lambda x$, на $\varphi\beta x + \varphi\gamma x$. При раскрытии $\varphi\beta x$ и $\varphi\gamma x$ таких единиц (с чередованием в основе) в виде фонетических транскрипций транскрипция основы не только дается как эквивалент $\varphi\beta x$, но вводится и в транскрипцию, эквивалентную $\varphi\gamma x$, так как $\sigma\gamma x$ в таком случае в той или иной мере выражается и в основе (в ее звуковом оформлении). В подобном случае звуковые элементы основы, в меньшей степени связанные со значением соответствующей части (βx или γx), изображаются уменьшенными надстрочными (или подстрочными) фонетическими знаками. Например: $\varphi\beta man =$ /m^{æ}n-/ и $\varphi\gamma man =$ /^{m}æ^{n} - 0/; $\varphi\beta thought =$ [θ ɔ:0- -] и $\varphi\gamma thought =$ /^{θ} ɔ : 0 - t/. При сложении уменьшенные знаки поглощаются полномерными; например. /m^{æ}n-/ + /^{m}æ^{n} -0/ = /mæn - - 0/.

Думается, что в применении к синтаксису анализ в терминах символических обозначений можно, примерно, выразить следующим образом. Два факта вместе с отноше-

нием между ними представляют собой сложный факт, который может входить на правах простого в другой сложный факт — второй степени. Если через D_1, D_2, D_3 обозначить простые факты, то сложный факт второй степени может быть представлен в виде формулы

$$(D_1 : D_2) : D_3, \tag{1}$$

где скобки ( ) показывают, что сложный факт $D_1 : D_2$ в отношении (простого) факта D_3 выступает как простой факт, например как факт D_s. Тождество $(D_1 : D_2)$ и D_s может быть обозначено знаком /. Тогда приведенная выше формула (1) может быть преобразована в формулу

$$/D_1 : D_2 / / D_s : D_3 /, \tag{2}$$

в которой эквивалентность сложного факта $D_1 : D_2$ простому с точки зрения его отношения к факту D_3 (т. е. в составе данного сложного факта второй степени) выражена более полно и наглядно.

Само собой разумеется, что сложный факт второй степени может состоять и из двух сложных фактов (первой степени), входящих в его состав в качестве простых, т. е. иметь строение, соответствующее формуле:

$$D_1 : D_2 / D_{s1} : D_{s2} / D_3 : D_4. \tag{3}$$

В отличие от сложного факта второй степени ранее приведенного типа такой сложный факт в случае надобности может быть назван двойным сложным фактом второй степени.

При большем числе фактов, чем два, имеется уже не одно отношение, а некоторая с и с т е м а о т н о ш е н и й, в связи с чем три факта и более следует отличать как с и с т е м у ф а к т о в от сложного факта. Так, между тремя фактами D_1, D_2, D_3 имеется три отношения:

$$\left\{\begin{matrix} D_1 : D_2 \\ D_2 : D_3 \\ D_1 : D_3 \end{matrix}\right\}, \text{ или } \left\{\begin{matrix} D_1 : \\ \dots \\ D_2 : \end{matrix}\right\} D_3 \text{ или } (3D_3') + \Sigma\,(3 : :) \tag{4}$$

Между четырьмя фактами — уже шесть отношений:

$$\left\{\begin{matrix} D_1 : D_2 \\ D_2 : D_3 \\ D_3 : D_4 \\ D_1 : D_3 \\ D_2 : D_4 \end{matrix}\right\}, \text{ или: } \begin{matrix} D_1 : D_2 \\ \cdot\cdot :: \cdot\cdot \\ D_3 : D_4 \end{matrix}, \text{ или } (4D_4') + \Sigma\,(6 ::) \tag{5}$$

Как можно видеть, Σ в формулах (4 и 5) обозначает систему, а знак :: — отношение, отвлеченное от соотносящихся фактов.

В пределах настоящей статьи нет возможности дальнейшего углубления проблемы или более детального и обстоятельного обсуждения выдвинутых терминологических принципов. Сейчас речь идет лишь об обсуждении общих принципов определения и выражения базисных понятий метаязыка лингвистики. Вряд ли можно сомневаться в том, что до тех пор, пока такие общие принципы не будут найдены, вопрос о современном и научном метаязыке лингвистики не получит удовлетворительного решения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ РАБОТАХ ПО МАШИННОМУ ПЕРЕВОДУ

1. Всякое полное описание лингвистических вопросов, связанных с любым алгоритмом машинного перевода, должно освещать три комплекса проблем, т. е. состоять из трех описаний: 1) описания системы переводимого языка (а в случае бинарного перевода — и переводящего), на основе которой строится алгоритм перевода; 2) описания процесса автоматического перевода, самого алгоритма, т. е. обусловленной последовательности применяемых правил; 3) описания того, как сопоставляются элементы одного языка и элементы другого языка, т. е. типологического описания двух языков (последнее — в случае бинарного перевода). Однако эти три элемента (алгоритм, система и перевод) представлены далеко не во всех описаниях работ по машинному переводу. В этом отношении существующий материал досадно разнороден, что соответственно отразится на настоящем обзоре[1], где основное внимание будет уделено первым двум проблемам — различному описанию грамматической системы русского языка[2] и описанию типов алгоритмов машинного перевода с русского языка.

Сама специфика имеющегося материала обусловила выбор принципа, которого мы придерживаемся при рассмотрении работ по машинному переводу. Учитывая, что группа исследователей, придерживающихся общих принципов машинного перевода, обычно вырабатывает свою особую концепцию, обусловливающую и определяющую описание системы грамматики и тип алгоритма, мы будем производить обзор работ по таким исследовательским группам — начиная с тех, которые представили наиболее полные описания, и кончая группами, опубликовавшими лишь отдельные сообщения как общего, так и конкретного характера.

Характеристику производимого той или иной группой описания системы русского языка мы будем строить по следующему плану[3]: а) выбранные классы слов и их грамматическая характеристика, б) грамматическая система русского языка, в) выбранный тип алгоритма машинного перевода[4].

2. Вашингтонская группа машинного перевода (Вашингтонский университет, Сиэттл), как и все прочие группы машинного перевода в Америке, занимающиеся русским языком, разрабатывает алгоритм машинного перевода с русского на английский язык[5]. В представленном этой группой описании грамматической системы русского языка грамматические классы слов

[1] Необходимо заранее оговорить, что данный обзор не претендует на исчерпывающую полноту охвата всех трудов по машинному переводу с русского языка, так как работы подобного рода печатаются в самых разнообразных журналах, в том числе в различных специализированных, мимеографических и стеклографированных изданиях, большинство из которых отсутствует в Советском Союзе или попадает к нам случайно и нерегулярно, не поступая в библиотеки. Автор выражает глубокую признательность всем лицам, предоставившим для ознакомления имеющуюся у них научную литературу по данному вопросу.

[2] Работы, посвященные конкретным вопросам МП с русского языка в лексическом плане, автору не известны.

[3] Разумеется, полностью этот план будет выдержан в случае наиболее исчерпывающих описаний.

[4] Необходимо оговорить, что на раннем этапе своего развития машинный перевод представлялся осуществимым без описания грамматической системы языка и без автоматического грамматического анализа переводимых текстов. Такой перевод, называемый «пословным», обычно имел в основе анализ конкретных текстов. См., например: Д. В. Перри, Практическое осуществление проблемы механизации перевода, в сб. «Машинный перевод», М., 1957 (перевод с английского); J. Perry, Translation of Russian technical literature by machine, «Mechanical translation», II, 1, 1955.

[5] См. о работах этой группы: «Linguistic and engineering studies in the automatic translation of scientific Russian into English. Technical report», Seatlle (Washington), 1959; L. R. Micklesen, Russian-English MT; 's-Gravenhage, 1958 («American contributions to the 4-th International congress of slavists»); его же, Form classes, structural linguistics and mechanical translation, в сб.: «For Roman Jakobson», The Hague, 1956.

разделяются на две большие группы. парадигматические и непарадигматические классы. Идиоматические сочетания также делятся по такому признаку и входят в одну из указанных групп. Различение этих классов обусловлено различием в дистрибуции для каждого из данных классов. Всего выделяется 13 парадигматических и 12 непарадигматических классов. Особое место занимают классы с множественной дистрибуцией (т е. омографы), которые делятся на две группы: идиоматические и неидиоматические.

К парадигматическим классам отнесены: 1) существительные, 2) просуществительные (т. е. местоименные существительные), 3) дескриптивные прилагательные, 4) вопросительно-неопределенные прилагательные, 5) притяжательные прилагательные, 6) указательные прилагательные, 7) интенсивные прилагательные (*самый*), 8) ограничительные прилагательные, 9) порядковые прилагательные, 10) прилагательные-дополнения, 11) числительные, 12) глаголы в личной форме, 13) причастия.

К непарадигматическим классам отнесены: 1) предлоги, 2) префикс, 3) междометия, 4) знаки препинания, 5) частицы, 6) наречия, 7) подчинительные союзы, 8) сочинительные союзы, 9) инфинитивы основных глаголов, 10) инфинитивы вспомогательных глаголов, 11) деепричастия, 12) безличные выражения. Как видно из приведенного перечня, в этой классификации не выделены особо местоимения; глагол и числительные разбиты на несколько разных классов; так как анализу подлежат письменные тексты, особый класс составляют знаки препинания.

Грамматическая характеристика перечисленных классов дается в двух планах: во-первых, исходя из их положения внутри русского языка; во-вторых, по отношению к языку перевода (английскому). В первом случае различаются следующие грамматические признаки: а) всегда присущие данному члену класса, т. е. постоянные, б) непостоянные. Постоянные признаки: 1) для существительного — род, число, падеж, одушевленность /неодушевленность; 2) для прилагательного — род, число и падеж; 3) для числительных — падеж; 4) для глагола — лицо, число, род, вид, время и залог. Непостоянные признаки: 1) для существительного — предсказываемый падеж (другого, связанного с ним слова), возможность постановки за существительным инфинитива, предсказываемый предлог; 2) для прилагательного — предсказываемый падеж, возможность постановки инфинитива, предсказываемый предлог; 3) для глагола — предсказываемый падеж, возможность инфинитива, предсказываемый предлог; 4) для числительных и предлогов — предсказываемый падеж и возможность постановки инфинитива. Таким образом, первая группа признаков необходима для характеристики данного элемента как такового; при помощи второй группы признаков распознаются другие элементы в тексте.

Сам перевод мыслится при участии постредактора, выбирающего оптимальный вариант из числа всех возможных предсказываний, сделанных на основе второй группы признаков. Синтаксическая структура предложения не определяется, определяются (без классификации) лишь синтагматические соотношения между элементами фраз на основании непостоянных признаков. Применяемые группы правил и их последовательность не описываются.

3. Существенную эволюцию претерпело описание русского языка и построение алгоритма перевода с русского на английский язык в работах группы Гарвардского университета во главе с А. Эттингером[6]. Первоначально русский язык был представлен лишь в виде единиц автоматического словаря в соответствии с общей идеей, принятой в данной группе,— идеей пословного машинного перевода (word-for-word translation). В настоящее время пословный анализ сопровождается еще и морфологическим (в самое последнее время — и синтаксическим) анализом. Для облегчения пословного перевода каждое слово представлено большим количеством основ, например *писать* выступает в виде семи основ: *писа-*,*пиши-*, *писал-*, *пишущ-*, *писанн-*, *писан-*, *писавши-*[7]; *атаковать* представлено пятью основами: *атакова-*, *атак*,- *атаку-*, *атаковал-*, *атакуйт-*[8]. При каждом слове даются все возможные парадигмы со специальной установкой на введение искусственных форм. Слова с совпадающими формами представлены так называемой «сокращенной парадигмой» (reduced paradygm).

Специфической чертой данного описания является необычное деление на основу и окончание, при котором выделяется большое число окончаний — для глагола, например, 72, в том числе такие как *-яя* (*применяя*), *-ою* (*плюю*), *-юясь* (*плюясь*) и т. д.[9]. Столь же большое число окончаний выделяется и для существительных, например окончания типа *-ат* (*аппарат*), *-ись* (*запись*) и т. д. Выделяемые здесь морфологические классы в целом совпадают с классами, принятыми в академической «Грамматике русского языка». При разборе грамматических категорий особо отметим выделение четырех времен: настоящего,

---

[6] Обобщающие результаты приводятся в кн.: A. G. Oettinger, Automatic language translation, Cambridge (Mass.), 1960. О ранних работах Гарвардской группы см.: А. Г. Эттингер, Проект автоматического русско-английского технического словаря, сб. «Машинный перевод».

[7] См. V. Sd. Giuliano, An experimental study of automatic language translation, «Mathematical linguistics and automatic translation» (в дальнейшем ML and AT). Report NSF-1, Cambridge (Mass.), 1959.

[8] См. L. Matejka, The automatic interpretation of Russian verbal endings, ML and AT. Report NSF-3, 1959.

[9] См. M. E. Sherry, Automatic interpretation of Russian affixes on a word-by-word basis, там же.

будущего, прошедшего и комплексного настоящего-будущего.

Синтаксическая структура русского предложения представлена в следующем виде[10]. Выделяются пять основных синтаксических структур: 1) именная структура — $A + S$ (noun structure), 2) приименная конструкция — $S + S$ (noun phrase), 3) предложная конструкция — $S + Pr. + S$, 4) глагольные конструкции — $V + S$, 5) придаточные предложения (clause). Все предложение в целом разбивается на три части: 1) слова, расположенные вокруг подлежащего,— группа подлежащего; 2) группа сказуемого; 3) группа дополнения.

Процесс анализа производится на основе так называемого «метода предсказывания»[11]. При этом каждое слово в предложении имеет две функции: а) выполняет роль переменной, соответствуя ранее сделанному предсказанию; б) выполняет роль функтора, делая дальнейшие предсказания. В целом выделяется четыре этапа перевода: 1) поиск в словаре, 2) синтаксический анализ, 3) семантический анализ, 4) синтез переводящего языка [12]. В целях синтаксического анализа произведена специальная классификация исходных элементов и классификация требуемых синтаксических единиц; последние определяются путем анализа первых[13]. Возможности различного рода грамматических предсказаний определяются путем специального исследования[14].

4. Столь же давно, как и в группе Гарвардского университета, изучается структура русского языка для машинного перевода на английский язык в группе Джорджтаунского университета США. Учеными этой группы впервые в мире был проведен эксперимент по переводу с русского языка на английский на машине ИБМ[15]. И. Бар-Хиллел считает эту группу добившейся наилучших результатов по машинному переводу с русского языка[16].

Значительный интерес представляют работы этой группы, посвященные переводу отдельных конструкций русского языка на английский. Эти труды являются новым шагом вперед в составлении двуязычной грамматики, знаменуя собой начало типологического описания[17]. При этом интересным нам кажется частое «расщепление» лингвистических единиц, которые представляют собой единство внутри данного языка, на более удобные элементы. Такое же «расщепление» производится и при сопоставлении системы данного языка с системой универсальных языковых отношений[18]. Морфологическая классификация частей речи, осуществляемая данной группой, совпадает с принятой в АГ АН СССР, однако внутри каждого класса производится дальнейшее разбиение на подклассы в зависимости от специфики чередования основ и присоединяемых окончаний. Так, выделяется 51 тип существительного, 27 типов местоимений, 10 типов прилагательных, 31 тип числительных[19]. Особые группы составляют, например, существительные мужского рода с окончаниями *-а/-я* в им. падеже мн. числа, с окончанием *-у/-ю* в местном падеже ед. числа, существительные на *-мя* и т. д.[20]. Все основы всех частей речи разбиваются на две группы — расчленяемые и нерасчленяемые (т. е. не требующие окончания)[21].

К нерасчленяемым классам относятся

---

[10] См. M. E. Sherry, Syntactic analysis in automatic translation, ML and AT. Report NSF-5, 1960.

[11] Описание этого метода в Гарвардской группе см.: W. Bossert, The implementation of predictive analysis, ML and AT. Report NSF-3, 1959.

[12] См. об этом: M. E. Sherry, Syntactic analysis in automatic translation.

[13] Примеры исходных классов: существительное, местоимение, прилагательное, глагол, предлог, запятая, подлежащее-местоимение, предложная группа, правое дополнение, левое дополнение, деепричастие, глагол-связка, подлежащее — субстантивированное прилагательное и т. д. Примеры определяемых классов: конец фразы, сложный субъект, сложный объект, предложное дополнение, именное дополнение и т. д.

[14] См. об этом: O. Frink, Noun and adjective government, ML and AT. Report NSF-3, 1959; его же, Words frequently followed by an infinitive, там же.

[15] См. Л. Е. Достерт, Джорджтаунский эксперимент, сб. «Машинный перевод».

[16] Y. Bar-Hillel, Report on the state of mechanical translation in United States and Great Britain, Jerusalem, 1959.

[17] См., например: N. Fargo, J. Rubin, Pronominal «что», «Georgetown University, Institute of languages and linguistics. Research project in MT» (в дальнейшем GU). Seminar work paper MT-37, Washington, 1957; M. Pacak, E. Pantzer, The transfer of Russian reflexive verbs into English, GU. Seminar work paper MT-50, 1957; M. Sushko, Russian phraseological expressions, GU. Seminar work paper MT-27, 1957; M. Pacak, Impersonal and infinitive structures in Russian and their transfer into English, GU. Seminar work paper MT-54, 1957.

[18] Именно такое «расщепление» происходит в результате применения трансформационного метода в том его понимании, какое предлагает Д. Уорф (D. S. Worth, Transform analysis of Russian instrumental constructions, «Word», XIV, 2—3, 1958). Однако при этом из-за неразработанности этого метода возникает много неясностей и затруднений.

[19] См. M. Pacak, Scheme of Russian morphology in terms of mechanical translation, GU. Seminar work paper MT-74, 1957.

[20] См. его же, Identification of Russian items by the machine procedure, GU. Seminar work paper MT-32, 1957.

[21] См. его же, Verbal items and their glossarization, GU. Seminar work paper MT-19, 1957.

Окончания	Существительные	Прилагательные	Глаголы
Однобуквенные многозначные	*-а, -я, -и, -ы, -й, -у, -ю, -е, -о*	*-а, -и, -ы, -у, -о*	ø
Однобуквенные однозначные	ø	*-я, -е*	*-а, -е, -й, -и, -у, -ю, -л, -ш, -т,* и др.
Двубуквенные многозначные	*-ей, -ев, -ов*	*-ий, -им, -ие -их, -ый, -ым, -ых* и др.	*-им, -ем*
Двубуквенные однозначные	*-ам, -ям, -ах, -ях, -ем* и др.	*-ая, -яя, -ую, -юю, -ем* и др.	*-ат, -ят, -ащ, -ящ, -ит* и др.
Трехбуквенные многозначные	ø	*-его, -ого*	*-ите*
Трехбуквенные однозначные	*-ами, -еми*	*-ему, -ому, -ими, -ыми*	*-ете, -енн, -ена, -тый, -тая, -вши* и др.

наречия, прилагательные среднего рода в краткой форме, предлоги, союзы, частицы, знаки препинания, полные формы существительных (типа *сестер*). Все остальные формы относятся к расчленяемым основам.

Глаголы делятся на четыре класса по числу возможных основ: одноосновные, двухосновные, трехосновные и четырехосновные и на три группы по числу заменяемых графем при образовании одной основы от другой (1 → 1), (1 → 2), (1 → 3)[22]. Джорджтаунской группе принадлежит ряд исследований, которые содержат описание и классификацию русских флексий[23]. Всего для русского существительного, например, выделяется 126 парадигматических окончаний, которые фактически сводятся к 22 окончаниям. Эти окончания делятся на полисемантические (12 окончаний) и моносемантические (10 окончаний). После обследования флексий всех частей речи выделяется 73 флексии и 10 инфиксов (в том числе, например, *-ш-* для причастий). Эти аффиксы делятся на однобуквенные (таких насчитывается 16), двубуквенные (их 47) и трехбуквенные (20). Все окончания в целом делятся на две группы: однозначные и многозначные. В результате все окончания описываются в таблице (см. выше).

Эта классификация интересна как попытка осуществить некоторый анализ морфем с точки зрения их распознаваемости в тексте. Морфологический анализ подразумевает анализ каждого из данных суффиксов. При этом определяются следующие морфологические категории: для существительного — род, число, падеж; для прилагательного — род, число, падеж, степень сравнения и полная или краткая форма; для глагола — род, число, залог, время и лицо; в целях определения этих категорий используются также указания на возможность или невозможность образования той или иной формы, которыми заранее снабжены все основы.

Синтаксическая структура русского языка представлена в Джорджтаунском университете двумя различными концепциями. Согласно одной из них (авторы М. Заречняк и Дж. Пайн)[24], имеются только две синтаксические единицы — подлежащее и сказуемое. Эти две единицы составляют ядро предложения. Подлежащее есть независимая переменная (обозначается как *H*), сказуемое — зависимая переменная (обозначается *P*). Поэтому русское предложение (*RS* — russian sentence) есть функция ядра: $RS = f(HP)$. Все типы русского предложения определяются через *H*, *P* и три способа грамматической связи (согласование — *a*, управление — *g*, примыкание — *ap*). Так, например, фраза *Мне не хватает нежности твоей, тебе моей заботы не хватает* записывается в этой символике следующим образом: $gPga,ggaP$.

[22] См. его же, The morphological abstraction of Russian verbs, GU. Seminar work paper MT-22, 1959.

[23] См., например: M. Pacak, Case endings of nouns in Russian, GU. Seminar work paper MT-15, 1957; его же, Review of noun, adjectives and verb suffixes, GU. Seminar work paper MT-20, 1957.

[24] См.: M. Zarechnak, Basic syntactic concepts, GU. Seminar work paper MT-29, 1957; M. Zarechnak, J. Pyne, Syntactic transfer procedures, GU. Seminar work paper MT-48, 1957.

Эти структуры затем «переносятся» на другой язык в соответствии со спецификой его синтаксического строя.

Согласно другой концепции (автор П. Гарвин), предложение представляется в виде многоярусной структуры; узлами пересечения этих ярусов будут некие ядра (fulcrum)[25]. Для каждой синтагматической группы ядро определяется по методу анализа непосредственно составляющих. При этом правила синтаксического анализа распадаются на три группы: 1) string rules — анализ непосредственного окружения; 2) semi syntactic — анализируется большая часть, но не все предложение; 3) syntactic rules — анализируется все предложение.

Группой Джорджтаунского университета представлено полное описание алгоритма машинного перевода с указанием последовательности работы отдельных правил[26]. В целом этап перевода распадается на четыре основные части: морфологический анализ, синтагматический анализ, синтаксический анализ, английский синтез.

Русский анализ состоит в целом из шести следующих групп правил:

I. Морфологический анализ.

II. Поиск и обработка идиом.

III. Собственно грамматический анализ: 1) обработка неязыковых знаков (формулы), 2) анализ однородных членов, 3) определение позиции наречия, 4) определение позиции причастия, 5) определение падежа прилагательных по согласующимся с ним существительным, 6) членение предложения — по союзам.

IV. Программа согласования — поиски определяемых существительных к прилагательным (поиски осуществляются через все предложение).

V. Программа определения трех типов управления: субстантивного, предложного и глагольного.

VI. Синтаксическая программа — определение типа предложения по одной из следующих формул: 0 : 0, 0 : 1, 1 : 0, 0 : 2, 1 : 1, 1 : 2, 2 : 0, 2 : 1, 2 : 2[27].

5. Особый подход к изучению русского языка представлен в группе Уэйнского университета[28]. Основная задача этой группы — установить между языками соответствия на всех уровнях (слово, синтагма, предложение). При этом соответствия между переводимым и переводящим языком описываются в терминах последнего. Все элементы русского текста получают характеристику по отношению к следующим тринадцати признакам: часть речи, склонение, род, число, падеж, одушевленность, тип местоимения, вид, возвратность, время, лицо, число, степень сравнения.

Основная для этой группы проблема — выбор значения при переводе. Поэтому производится выделение типов лексической многозначности (с точки зрения переводящего языка) для всех частей речи. Однако при этом определение значения производится на базе анализа конкретных текстов без обобщения типов семантических единиц. Например, указывается, что слово *некоторый* переводится английским *certain*, если за ним идут слова *тип* или *класс*, а во всех остальных случаях оно переводится как *some*; *ясно* переводится как *it is clear*, если за ним следует запятая плюс союз *что*, в остальных случаях — *clear* и т. д.[29]. Исследование контекста производится внутри простых предложений, выделяемых в результате анализа знаков препинания, определительных местоимений или союзов, а также благодаря отсутствию или наличию глаголов в личной форме. Многие современные методы изучения языка (анализ по непосредственно составляющим, трансформационный анализ) признаются Уэйнской группой недостаточными для нужд машинного перевода, так как они распространяются лишь на изучение системы одного языка, в машинном же переводе, по мнению исследователей этой группы, главное — это сопоставление языковых моделей.

6. Национальное Бюро стандартов США предлагает метод синтаксического анализа русского языка путем так называемого «предсказывания»[30] (этот метод совпадает по идее с методом, предложенным в Гарвардском университете В. Боссертом и в Советском Союзе — И. А. Мельчуком. В данной группе его автором является Ида Родес). Согласно данной концепции, морфологическая информация о слове необходима лишь постольку, поскольку она может быть полезной для синтаксического анализа предложения.

Весь анализ включает в себя две части[31]. Первая состоит из двух разделов: *A* и *B*. Задача раздела *A* — найти для каждого слова всю возможную грамматическую информацию; цель раздела *B* — определить роль слова в общем «скелете» анализа. Вторая часть состоит из трех разделов. Раздел *A* определяет настолько, насколько это возможно, общую структуру всего

---

[25] См.: P. Garvin, Some linguistic problems in MT, в сб. «For Roman Jakobson»; P. Garvin, D. Lochak, M. Mathiot, Ch. Montgomery, Report of group II of the Georgetown University project in MT research, GU. Seminar work paper MT-73, 1957.

[26] См. P. Toma, Machine translation programming paper. General analysis technique (GAT). SERNA system, Washington, 1959.

[27] Левая часть показывает число подлежащих, правая — число сказуемых.

[28] См. подробно: «Research in machine translation from Russian into English: mathematical text». Introduction, Wayne State university, 1960 (mimeographed).

[29] Таким образом, этот тип автоматического анализа приближается к пословному переводу.

[30] См. «A new approach to the mechanical syntactic analysis of Russian MT group», Washington, 1959 («National bureau of standards report. Applied mathematics division», 10).

[31] В цитируемом отчете не описывается система русского языка, на базе которой производится анализ.

предложения. Раздел *B* определяет синтаксические отношения внутри элементов предложения, проходя (здесь не исключены повторения) каждую линейную последовательность элементов от начала до конца. Раздел *C* формирует предложение на языке перевода. Основными единицами синтаксической структуры считаются подлежащее и сказуемое. В разделе *A* второй части сложные предложения разбиваются на простые путем анализа следующих элементов: 1) знаков препинания, 2) союзов, 3) возможных и действительных начал главных предложений, 4) возможных и действительных начал придаточных предложений, 5) возможных и действительных предикатов, 6) возможных и действительных начал обособленных оборотов.

Основными трудностями, которые имеются в русском языке с точки зрения нужд синтаксического анализа по данному методу, эта группа признает следующие: идиоматику, обилие придаточных, наличие эллипсисов (для их анализа требуется более широкий контекст), многозначность неязыковых символов, синтаксически неразрешимую многозначность.

7. Система русского языка, принятая для нужд машинного перевода, описывается в отчете группы Калифорнийского университета [32]. По мнению исследователей этой группы, различаются два подхода к машинному переводу: а) trial translation (TT) — перевод, основанный на изучении конкретного числа текстов. По этому методу алгоритм перевода улучшается лишь при увеличении числа текстов; б) linguistic analysis — метод обобщенного описания языковой системы, на базе которой создается алгоритм. Группа Калифорнийского университета придерживается второго метода.

Всего при алгоритме перевода (авторами неоднократно подчеркивается, что речь идет о п и с ь м е н н о м языке) выделяется пять структурных уровней: уровень графемики, уровень морфемики [33], уровень семемики, метаморфемный уровень, метаграфемный уровень (последние два уровня относятся к языку перевода).

Основной единицей анализа является лекс-репрезентация лексемы на графическом уровне. Слово есть единица, расположенная между пробелами, и может состоять из нескольких лексов. Выделяются пять типов лексов: префиксы, корни, словообразовательные суффиксы, словоизменительные суффиксы, неразлагаемые морфемные слова. Кроме того, лексы делятся по следующему принципу: 1) изолируются без черточки (*же*, *бы*); 2) изолируются с правой черточкой (*пере-*, *вы-*); 3) изолируются с левой черточкой (*-ют*, *-а*).

Суффиксы словоизменения описываются отдельно для каждой части речи. Число их значительно превышает число окончаний, принятое в русской традиции. Например, для прошедшего времени глагола в мужском роде выделяются четыре суффикса: *-л*, *-ил*, *-ул*, *-овал*, для инфинитива — шесть: *-овать*, *-ить*, *-уть*, *-ть*, *-ти*, *-ъ*.

Суффиксы словообразования делятся в зависимости от того, какая часть речи образуется. Так, различаются: отыменная адъективация, отглагольная субстантивация, отыменная вербализация, образование существительных от прилагательных. Отдельно перечисляются префиксы. При этом многие аффиксы выделены под влиянием изученных текстов. Таковы префиксы *радио-*, *внутри-*, суффиксы *-образован-*, *-ональн-*, *-подобн-* и т. д.

Все элементы русского текста относятся к одному из следующих классов: 1) глаголы. Они в свою очередь делятся на четыре класса: а) *должн-*, б) *должен*, в) *будучи*, г) все остальные; 2) существительные. Они различаются по роду; 3) прилагательные. Они делятся на 14 классов; 4) числительные; 5) местоимения; 6) собственно наречия; 7) сравнительные слова *более*, *менее*; 8) наречия — предлоги; 9) энклитики *-либо*, *-нибудь*; 10) частица прошедшего времени *бы*; 11) отрицатели *нигде*, *ниоткуда*; 12) предлоги. Они делятся по падежам, которыми управляют; 13) союзы: а) сочинительные, б) энклитики *ли*, *же*, в) вопросительные или связывающие, г) сопроводители прошедшего времени *чтоб*, *чтобы*, д) дифференциативы *нежели*, е) рекуренты *и*, *или*, *либо*, ж) подчинители *причем*, з) вводящие *например*, и) компонент союза *потому*; 14) выражение бытия *есть*, *нет*; 15) арабские цифры; 16) сокращения; 17) суффиксы; 18) префиксы; 19) знаки препинания и символы: а) энклитики, б) проклитики; 20) смешанный класс *чем*, *не*, *ни*, *пускай*, *пусть*, *несмотря*, *заодно*.

Алгоритм анализа, называемый в данной группе RUSTAN (Automatic Russian Text Analyzer), состоит из двух фаз: собственно анализ, осмысление его результатов. Собственно анализ состоит из четырех групп правил: кодирование графем, сегментация текста на лексы, анализ и приписывание нужных символов, определение наилучшего перевода для каждой фразы.

8. Наиболее полное описание русского языка представлено лишь в работах перечисленных выше шести исследовательских групп. Помимо этого, существует ряд исследований, посвященных описанию отдельных сторон русского языка. Значительный интерес представляют, в частности, некоторые работы статистического характера. Так, было проведено обследование статистическим путем средней длины русского слова [34], длины русского предложения [35]. В ряде исследований определялась наиболее

[32] S. M. L a m b, A. B. H u d s o n, C. D. J o h n s o n, International memorandum. A system for analyzing Russian texts. MT Project, University of California, 1960.

[33] Синтаксические отношения рассматриваются на морфемном уровне.

[34] См. A. O e t t i n g e r, The distribution of word length in technical Russian, «Mechanical translation», I, 3, 1954.

[35] См. L. L. C o p p i n g e r, Sentence length count, ML and AT. Report NSF-3, 1959.

типичная структура русской фразы[36]. Интерес исследователей привлекают также специфические особенности русских графем[37].

В большинстве разобранных описаний русского языка выделяется разное количество классов и требуется разный объем грамматической информации. Неодинаково описывается многими авторами и синтаксическая структура русской фразы и те синтаксические категории, отношение к которым необходимо приписать каждому значащему элементу предложения. Что касается основных «морфологических» категорий, то они совпадают в описаниях большинства исследовательских групп—принимаются три времени, два залога, два числа, три рода, три степени сравнения и шесть падежей. Исключение представляет в этом отношении работа К. Харпера, предложившего идентифицировать лишь три падежа: творительный, родительный и третий — не творительный и не родительный[38]. Идентификация остальных падежей представляется К. Харперу излишней, так как они не противопоставляются в научном тексте.

Особый метод изучения языковой структуры — так называемый метод «линейного контекста»— был предложен А. Кутсудасом и А. Гумецкой на примере анализа форм прилагательного на *-o/-e*[39]. Линейным контекстом считается трехчленная конструкция, где центральным словом является анализируемая форма. Общий вид подобной конструкции таков: слово слева[40]+ +центральное слово + слово справа[40]. Определение подобных заранее перечисленных и описанных контекстов является, по мысли авторов, наиболее важным моментом при различении форм. Серьезной критике описанный метод был подвергнут в статье Д. С. Уорфа [41]. В целом к возражениям Уорфа нельзя не присоединиться. Почти каждое правило, приводимое Кутсудасом, может быть опровергнуто. Причина этого, как нам кажется,— не в недостаточном количестве обследованного текста, а в слабости самого метода «линейного контекста»: этот метод не учитывает, что всякое предложение по своей сущности не линейно, а его элементы, последовательно подчиняясь друг другу, организованы по определенной иерархии. Поэтому непосредственные «соседи» каждого слова (кроме фразеологических оборотов) в строгом смысле слова случайны.

9. В целом можно сказать о большом интересе к описанию русского языка в США в связи с машинным переводом. Наибольшей полнотой и обстоятельностью из числа отмеченных выше работ отличаются исследования М. Пакака по русской морфологии (Джорджтаунская группа) и М. Шерри — по синтаксису (Гарвардская группа). Оригинальной и последовательной является попытка группы Калифорнийского университета описать систему русского языка в целом, не выходя за пределы письменной нормы. С точки зрения построения алгоритма наиболее последовательным и продуманным представляется алгоритм Джорджтаунской группы (DAT), более обобщенный и «абстрактный», чем алгоритм Вашингтонской группы, и менее громоздкий, чем алгоритм Гарвардской группы. Однако в этих описаниях можно найти недостатки, которые, на наш взгляд, характерны для всех направлений: 1) неполнота в подаче описываемого материала (или отсутствует описание основных единиц, или нет перечня грамматических категорий, или нет описания самого алгоритма); 2) смешение при описании лингвистических проблем и проблем чисто технических, связанных с реализацией перевода; 3) тот факт, что представление о системе русского языка в отдельных случаях выводится из небольшого числа узко специализированных текстов, поставляющих зачастую случайные явления; 4) излишне громоздкая морфологическая часть, неудобное разделение слова на основу и окончание; 5) недостаточное внимание к описанию синтаксических структур русского языка; 6) не всегда ясная алгоритмическая обусловленность выбираемых грамматических характеристик.

Т. М. Николаева

[36] См. I. Lehiste, Order of subject and predicate in scientific Russian, «Mechanical translation», IV, 3, 1957; D. G. Hays, Order of subject and object in scientific Russian, там же, V, 3, 1958.

[37] См. B. Zacharow, A refinement in coding the Russian Cyrillic alphabet, там же, IV, 3, 1957.

[38] К. Э. Харпер, Предварительные исследования русского языка, сб. «Машинный перевод».

[39] См.: A. Koutsoudas, A. Humecky, Ambiguity of syntactic function resolved by linear context, «Word», XIII, 3, 1957; A. Koutsoudas, A. Humecky, Linguistics and machine translation, там же, XV, 3, 1959.

[40] Точнее говоря, класс слов.

[41] D. X. Worth, Linear contexts, linguistics and machine translation, «Word», XV, 1, 1959.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1961

РЕЦЕНЗИИ

ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЭТИМОЛОГИИ

Количество этимологических словарей русского языка неуклонно растет, что само по себе представляет отрадный факт. В самое последнее время лингвисты получили в свое распоряжение фотомеханическое переиздание известного старого справочника[1], а также новый трехтомный этимологический словарь, вышедший в Германии[2]. Известна их надежность и другие достоинства, как, впрочем, и недостатки. Эти последние, за вычетом тех, которые могут быть отнесены на счет этимологического анализа, этимологии в целом, носят более или менее частный характер. Однако у нас есть основания опасаться, что некоторые новые издания содержат более угрожающее разнообразие недостатков, включая сюда же вопросы принципиального характера или такие ошибки, которые в исследовательской практике давно принято считать элементарными. Чтение нового словаря Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской[3], к сожалению, убеждает в том, что перед нами именно такая книга.

Чтобы избежать неясности, сразу же отметим, что как бы однозначно мы ни решали проблему построения этимологического словаря языка, мы не можем не признать безусловной важности популярных форм работы. Другой вопрос — характер и способы самой популяризации. Словарь может быть «кратким» и «популярным», даже «школьным» и вместе с тем он может оставаться научным. Между научным и научно-популярным изданием нет и не должно быть принципиального различия; однако писать популярные работы труднее, чем специально научные. Нельзя одновременно оставаться добросовестным и заниматься популяризацией той отрасли науки, которая не стала твоей плотью и кровью. Другими словами, написание популярной работы справочного характера должно быть итогом длительной исследовательской работы. Противоположное понимание научной популяризации почти неизбежно рождает наспех написанную стряпню, грубую фальсификацию, которую не могут скрыть ни псевдолаконичность, ни обтекаемость формулировок или нарочито глухие ссылки.

Любое проявление составителем словаря неряшливости — в отношении лексического материала или теории и практики этимологического анализа — способно принести вред, значительно перерастающий ту весьма относительную «пользу», которую можно усматривать в популярном, доступном изложении этимологий. Такой популяризатор может дискредитировать многое здоровое и вполне достоверное из достижений этимологии, особенно если читателю соответствующее положение впервые стало известно именно в этой порочной популяризаторской форме. Между автором научно-популярного пособия и кругом его читателей устанавливается *неравноправная* связь. В то время как хорошо подготовленный лингвист, читая ту или иную статью самого полного современного этимологического словаря русского языка, способен вполне критично оценить содержание прочитанного, средний читатель популярного этимологического словаря в значительной степени расположен принимать прочитанное за единственно возможное объяснение, особенно когда автор-популяризатор не посвящает читателя в процесс отбора этимологических решений.

Новый «Краткий этимологический словарь русского языка» наводит на грустные размышления. Тут не может быть речи о завышенных требованиях: совершенно ясно, что если подходить к названному словарю как к самостоятельному научному труду, он должен быть отвергнут. Мы стараемся в оценке этого словаря исходить из его научно-популярного характера и из тех требований, которые определяются только таким уровнем. Начнем с критерия *надежности*. В «Предисловии», написанном членом-корр. АН СССР С. Г. Бархударовым, читаем: «...нужно, чтобы учитель имел под рукой надежное научно-популярное справочное пособие по этимологии русского языка, откуда он мог бы черпать необходимые ему сведения. Таким справочным пособием и является настоящая книга...» (стр. 6). И дальше: «авторы пользуются не только предшествующими этимологическими словарями русского языка, но и аналогичными словарями других славянских языков, а также специальными исследованиями и статьями» (стр. 13).

[1] См. А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, I—II, М., 1959.

[2] M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1953—1958.

[3] Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя, М., Учпедгиз, 1961 (404 стр.).

Однако если мы займемся внимательным чтением словаря, то непременно обнаружим, что авторы не проделали сколько-нибудь последовательно даже того, что можно назвать грамотной компиляцией, хотя форма научно-популярного издания и давала им на это определенные полномочия. Если идти дальше и проверять, как опираются авторы на достижения этимологической науки, то мы явимся свидетелями вопиющего произвола, с каким множество слов препарируется в словаре таким образом, как если бы никакой литературы по этимологии вовсе не существовало. Разумеется, авторы были вправе производить отбор этимологий. Осуждению подлежит не сама эта практика в принципе, а с л у ч а й н ы й х а р а к т е р очень многих приводимых в словаре этимологий, который попросту снимает вопрос о надежности данного словаря.

Что касается словника, то нельзя не отметить относительного обилия его (согласно автору вводной статьи, «в словаре объясняется более пяти тысяч слов», стр. 20). Словник подается довольно расчлененно, и на правах заглавных слов самостоятельных статей выделяются разнообразные производные вроде *авоська*, *взбалмошный* (у Фасмера — только *балмошь*), что сообщает словнику реальный вид. Но будет ошибкой, если мы вполне положимся на эти качества словника словаря трех авторов. Названный выше принцип проведен ими крайне непоследовательно. Так, в словаре пропущены *артель*, *белесый*, *белорыбица*, *белуга*, *бельмо*, *бёрдо*, *двигать* (есть только *двинуть*), *замашка*, *и* (союз), *имбирь*, *инок*, *к* (предлог), *каганец*, *клёкнуть*, *лавка*, *отрава*, *паровоз*, *пароход*, *пасека* (есть статья *патока*), *пемза*, *потупить*, *поцелуй*, *предприятие*, *приторный*, *силос*, *ситро*, *склока*[4], *скрипичный*, *следопыт*[5], *сливки*, *снаряд*[6], *сухарь*, *сухомятка*, *тачанка*, *чертеж*[7].

Вопрос об отборе и структуре словника русского этимологического словаря тесно связан с пониманием структуры славянского словарного состава. Остановимся лишь на некоторых пометах при этимологизируемых словах, а именно: «собственно русское» и «общеславянское». Во вводной статье (стр. 19) читаем: «„Собственно русское“ обозначает исконно русское слово, в большинстве случаев известное только русскому языку и появившееся в русском языке в эпоху раздельного существования восточнославянских языков...». Однако насколько «широко» пользуются этой характеристикой авторы словаря, показывает отнесение к «собственно русским» слов *багрец* (в русском — оно книжное; по-видимому, церковнославянский элемент), *бефстроганов* (типично французское словосочетание *bœuf Stroganoff*, разве что записанное русскими буквами, типа *Institut Pasteur* и т. д.). После этого уже не стоит удивляться тому, что «собственно русскими» оказываются *гашетка*, *таблетка*, *перманент*. (Почему уж тогда не признать «собственно русским» и *пиджак* — из англ. *peajacket*, поскольку здесь, как и в *гашетка* < франц. *gâchette*, налицо обработка заимствованного слова в русском?)[8]

Что касается пометы «общеславянское», то содержание ее в данном словаре крайне сумбурно и не поддается сколько-нибудь точному определению. Достаточно сказать, что авторы путают такие автономные понятия, как «общеславянское» и «праславянское», не ощущая ни хронологической, ни лингвогеографической разницы между ними. Точнее говоря, они всюду употребляют только помету «общеславянское», которая у них синонимична «древнему», «праславянскому». Таким образом, к общеславянским причисляется *батог*, *брюхо*, в действительности известное только западным и восточным славянским языкам; сюда же попадает *морс*, *приют*, тогда как последнее, заметим, является классическим примером «собственно русского» слова праславянского происхождения. Фантастический характер приобретает путаница помет при словах *дурной* и *дурь*, причем первое из этих слов объявляется «общесла-

[4] Впрочем последнее пропущено и Фасмером. *Склока* связано с *клок* (см. R. Jakobson, Marginalia to Vasmer's Russian etymological dictionary, «International journal of slavic linguistics and poetics», I/II, 's-Gravenhage, 1959, стр. 270). Далее, возможно, сюда же относится др.-русск.: «...много на себя долгу *всклочивъ* ...; ...долгу *всклочили*» (1518 г.; цит. по кн.: B. Unbegaun, La langue russe au XVI-e siècle, Paris, 1935, стр. 85). Сюда же, наконец, с экспрессивным изменением — диал. (казан.)— *склыка* «ссора, склока», оставляемое Фасмером без объяснения.

[5] Это слово допустимо рассматривать как кальку англ. *pathfinder* «следопыт»; ср. нем. *Pfadfinder* «то же»; русское слово, вероятно, появилось в связи с переводом знаменитого романа Ф. Купера под этим названием (русское издание — в 1841 г.).

[6] Ср. уже др.-русск. *снарядъ* (XVII в.) «артиллерийское оружие», «собрание оружия», «разрывной снаряд» (см. Дж. Грибян, Из истории русской лексики, «Уч. зап. [Ереванск. гос. русского пед. ин-та]», VI, 1956, стр. 282—284).

[7] Очень старое производное, судя по др.-русск. *чьртежь* «отметка, грань, чертеж» (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, III, СПб., 1903, стб. 1569), укр. *чертéж* «раскорчеванное место», далее сюда же относятся чешские топонимы *Třietež*, *Střietež*, словацк. *Č(i)ert až*, нарицательное *čiert'až* «черта, линия». Образовано от **čьrtǫ*, **čersti* «резать, рубить»; ср. *рубеж*: *рубить*.

[8] *Надоедать*, признаваемое «собственно русским», имеет близкого родственника в словацк. *dojedat'* «надоедать, приставать» (см. V. Machek, [рец. на кн.:] M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, «Slavia», XXVIII, 2, 1959, стр. 269); и уж совсем невпопад объявляется «собственно русским» праславянское *наперстокъ*; ср. польск. *naparstek*, чеш. *náprstek*, словацк. *náprstok*, сербско-хорв. *нàпрстак* «наперсток»— все из праслав. **naprьstъkъ*.

вянским», а второе — «собственно русским», в то время как в действительности перед нами исключительно восточнославянские слова, вероятно, праславянской древности.

Прежде чем перейти к рассмотрению самих принципов этимологического исследования, принятых в данном словаре, целесообразно выделить отдельные удачи авторов вобласти этимологии, что, кстати, значительно легче сделать. Так, правильное в целом толкование содержит статья *выхухоль* (сюда же — *выхухоля* от *вы-* и *хухоля* «выхухоль», далее — от **хухать* «вонять», ср. чеш. *chuchati* «дуть»), за исключением излишнего утверждения о родстве **хухать* и нем. *hauchen*. В статье *пихта* уместно отражена западнофинская этимология слова, предложенная В. А. Меркуловой; ср. фин., карельск. *pihka* «смола», вепс. *pihk* «густой лес». Это слово, встречающееся в памятниках с XVI в., нецелесообразно объяснять из нем. *Fichte* «ель, сосна». Представляет интерес наблюдение о родстве слов *сверкать* и *сверчок* и о развитии значения «сверкать, т. е. искриться, вспыхивать» на базе значения «сверчать». В общем удачно — в отличие от большинства статей — произведен выбор между существующими этимологиями для слова *жерех* (<*жер-*: *жьрати*), *игла* (от *иго* «ярмо», т. е. первоначально «тонкая палочка, которой сбоку закрепляется ярмо на шее животного»). Интересны соображения, уже высказывавшиеся ранее Н. М. Шанским, относительно происхождения слова *чепуха*. Следовало бы включить в словарь также слово *целесообразный*, правдоподобно объяснявшееся как калька нем. *zweckmässig*[9].

Однако список авторских удач явно небогат, хотя он и явился для нас результатом чтения всего словаря целиком. Лицо книги составляют не эти редкие моменты. В «Предисловии» редактора имеется следующее утверждение: «В отличие от предыдущих этимологических словарей русского языка в настоящей работе делается попытка при объяснении происхождения исконно русских слов дать (если это возможно по лингво-историческим причинам) реальную этимологию слов. Поэтому очень часто там, где в словарной статье у М. Фасмера мы находим одну лаконическую отсылку к соответствующему корню, авторы дают развернутую картину словообразовательных процессов и промежуточных звеньев, стараются познакомить читателя с тем, как и на базе какого именно слова возникло толкуемое» (стр. 14). Совершенно очевидно, что возникает неотложная потребность внести ясность в положение вещей. Речь, собственно, идет о «ближней этимологии», представляемой Н. М. Шанским. Что все-таки значит «дать реальную этимологию слов»? Значит ли это объяснить *бестолочь* из «исчезнувшего» *толочь* «смысл, разум, толк», а уж последнее — из *толк*, или произвести *коченеть* при помощи суффикса *-енеть* от *кочa* «кочка», или связывать *морока* прямо с диал. *мора* «мрак, тьма, потемки», или вести *обруч* от якобы исходного **ручь* «рука», а *супесь* — от **песь* «песок»? А может быть, все, что нам здесь предлагается, скорее ошибочно, и в случаях, например, с *бестолочь*, *супесь*, *обруч* игнорируется старая активность словообразовательной модели, представляющей одновременное префиксально-суффиксальное производное с меной грамматического рода, а *коченеть*, напротив, предполагает исходное *кочан*, *кочен(ь)*, а не **кочa*, которое вместе со всеми этими **толочь*, **песь*, **ручь*, **пись* (откуда якобы *письмо*) — беспочвенные фикции? Итог подобных этимологических приемов — иллюзорная, а не реальная этимология слова.

Суть обычной практики «ближней этимологии» сводится в двух словах к тому, что слово рассматривается как продукт развития форм, протекавшего в некоем безмятежном уединении, как если бы были вдруг отключены все нормальные факторы, направляющие или возмущающие это развитие, а именно — современные состояния словообразовательной системы, воздействие окружающих слов. Это больше смахивает на архаический атомизм, а никак не на реальную этимологию слова. Мы затрудняемся сказать, что же еще стоит за выражением «ближняя этимология». Этимология едина, она сильна, когда действует во всеоружии своих ближних и дальних аспектов; принципиальная грань между этимологией и словообразованием отсутствует, что вполне естественно отражает сущность этих отделов языкознания, и нет нужды придумывать между ними «ближнюю этимологию». В конце концов полезно то или иное уточнение словообразовательной характеристики слова, предпринимаемое авторами словаря. Максимальный учет словообразовательных связей по горизонтали и по вертикали должен отличать этимологию в целом, а не только ее ближний аспект, приближенный к активным словообразовательным связям данного языка. Например, говоря о слове *белый*, нельзя игнорировать близкие слова в других индоевропейских языках, оформленные *-l-* суффиксальным; ср. др.-инд. *bhālam* «блеск», греч. φαλος·λευκός. Школярские суффиксальные манипуляции «ближней этимологии» не могут компенсировать примитивного индоевропейского корнеискательства.

Спустившись ступенькой ниже, мы попадаем в этимологическую кухню «Краткого этимологического словаря русского языка». Авторы не удержались от того, чтобы не обогатить наши сведения об инвентаре приемов фонетико-морфологического анализа и соответствиях в этой области. Так, *горшок* и *гърнъ*, оказывается, связаны чередованием *н/ш*, а вместе с ними и *баран* — *барашек*, *гребень* — *гребешок*, *камень* — *камешек*, *Мартын* — *мартышка*. Но в первом из этих примеров *-ш-* вообще вторичного происхождения, из *-щ-*: **gъrnьščьkъ*, род. падеж **gъrnьščьka*

[9] См. Н. М. Шанский, Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера, ВЯ, 1959, 5, стр. 42.

(ср. *gъrnъščikъ, в укр. *гбрщик* «горшок»). Реконструкция праформы показывает нелепость мысли об упомянутом чередовании. То же можно сказать и о *баран — барашек, камень — камешек*... В противном случае, что мешает нам говорить о чередовании *в/ш* в *Павел* : *Паша*, *к/ш* — в *Яков*: :*Яша*? Во всех этих случаях *-ш-* служит суффиксальным показателем аллегровой, уменьшительной формы.

Конечный *-ъ* называется в словаре то темой, то суффиксом. Вопреки всякой очевидности, слово *щёлочь* «является безаффиксным производным от *щёлок*». Прочие частные неточности и ошибки из области фонетики щедро рассыпаны по всему тексту книги; приводить их все было бы слишком неблагодарным занятием.

Перейдем к замечаниям по отдельным статьям словаря.

Апрель. Приводится обычное указание на первоисточник — лат. *aprilis*, но переход *-иль* >*-ель* (ср. аналогично в *артель*, *канитель*) оставлен без объяснения.

Болото. Неожиданно это слово оказывается родственным лат. *palus* «болото».

Бородавка. Возводится через **bordava* к **borda* «борода». Правильнее видеть здесь контаминацию **vordava* с **borda* в праславянском; праслав. **vordava* родственно *вереД*, нем. *Warze* «бородавка» и другим формам от и.-е. **ǵerdh-* «расти»[10].

Бурун. Это слово толкуется как образование с суффиксом *-ун* от той же основы, что и *буркать*, *бурлить*. Этому сближению, основанному на вторичных ассоциациях народно-этимологического характера, следует предпочесть этимологию из тюрк. *burun* «нос»[11].

Вазелин. Согласно словарю, заимствовано из франц. *vaseline*, которое в свою очередь образовано из *vase* «ил, тина» и греч. ἔλαιον «масло». Однако имеются более точные сведения, согласно которым этот искусственный термин был создан Р. Чизбро (Chesebrough) в 1877 г. из начала нем. *Was-ser* «вода» и греч. ἔλαιον и не имеет ничего общего с франц. *vase* «ил, тина»[12].

Вафля. Приводимое в этой статье нем. *Wabe* означает не «пчелиный мед», а «сот, ячейка».

Вика. Объясняется ошибочно как «общеславянское индоевропейского характера», образованное с суффиксом *-ка* от *вить*. В действительности это слово заимствовано через польский из др.-в.-нем. *wiccha* от лат. *vicia* «вика». В случае исконно славянского происхождения ожидалось бы скорее **вица*.

Винтовка. Согласно словарю, это слово образовано с суффиксом *-ка* на базе словосочетания *винтовое ружье*, что нельзя не признать несколько упрощенным и прямолинейным объяснением; ср. несомненную связь со ст.-укр. *гвинтовка* (1790 г.), польск. *gwintówka*, *gwindówka* (XVIII в.), о которых см. у Чичагова, Славского и др.[13].

Ворон. В словаре читаем: «Название дано птице по цвету (ср. *вороной* „черный“)». Интересно, что несколько ниже находим: «**Вороной**... Собственно—цвет ворона, вороны...». Несомненно, название птицы дало название цвета; ср. аналогию *голубь*> >*голубой*, а также факт наличия более широких соответствий именно для названия птицы, а не цвета.

Гасить. Приводимое в этой статье диалектное слово *гасло* «пароль, сигнал, знак» заимствовано из польского языка и сюда не относится.

Дважды. Польск. *dwakroć* «дважды» совершенно ошибочно связывается авторами словаря с *krok* «шаг», поскольку первое из них продолжает **kort-*, а второе восходит к праслав. **korkъ*.

Дело. По мнению авторов, это слово образовано от *дѣти* при помощи суффикса **-dlo*, несмотря на то, что западнославянские формы ясно говорят об исходном **dělo*.

Деревня. Уверенно производится в словаре от *дерево*, причем не учитывается та существенная разница между обоими словами, что *деревня* содержит второе полногласие — из первоначального **дрвьня* (<**дрвьна*), близкого балтийским названиям пашни (ср. литов. *dirva*, *dirvonas*), в то время как *дерево* продолжает праслав. **dervo*.

Добрый. Если верить словарю, оно «образовано от *доба*». Однако ясно, что при этом искажается хронологическая перспектива, поскольку здесь правильнее говорить об и.-е. **dhabhro-*; ср. лат. *faber*, арм. *darbin* «кузнец», др.-в.-нем. *tapfar* «храбрый, крепкий».

Доска. Здесь приводится несуществующее англ. *disk* «стол», тогда как можно говорить или об англ. *dish* «миска, блюдо, кушанье» или англо-сакс. *disc* «стол, блюдо».

Духи. Это слово справедливо выделяется в словаре в отдельную статью (помимо *дух*), но здесь необходимо указать на наличие семантической кальки, вероятно, с франц. *parfum* «духи».

Жёлоб. Следует отделять его от северновеликорусского *голбец* «кладовая, перегородка в избе; надгробие», которое заимствовано из скандинавского.

Жидкий. Уверенно толкуется в словаре как производное с рядом суффиксов (*-дъ*,

---

[10] См. V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 40.

[11] См. В. Кипарский, [рец. на кн.:] M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, ВЯ, 1956, 5, стр. 133.

[12] См. М. Vey, [рец. на кн.:] J. Holub, F. Kopečný, Etymologický slovník jazyka českého, BSLP, XLVIII, 2, 1952, стр. 106.

[13] См.: В. К. Чичагов, О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова *ружье*, «Уч. зап. [МГУ]», вып. 150. Русский язык, 1952, стр. 309—310; F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego, I, Kraków, 1955, стр. 385.

затем-*ъkъ*-) от *жити*, несмотря на то, что *жити* продолжает и.-е **gᵘ̯ei(u̯)*-, а жидкий — и.-е. **gheidh-/*ghoidh-* (ср. арм. *gēǰ* «сырой») или **geidh-*.

Жимолость. Игнорирование других славянских форм (польск. диал. *zimołza* «то же») обесценивает собственную этимологию авторов — из метатезы *жиломость*.

Журить. Сербско-хорв. *журба* значит не «теснота», а «поспешность, торопливость».

Забор. Единственно приемлемо толкование из *за-брать*. Предлагаемые Н. М. Шанским сближения с **zaborti* и далее — *бороть(ся)* неправдоподобны.

Землеведение. Представляет собой кальку нем. *Erdkunde*, а не *Erdkunst*, как читаем мы в словаре.

Идиот. Греч. ἰδιώτης означало «частное лицо, мирянин», а не «невежда, неуч».

Казарма. Первоисточник этого слова лишь вторично сближен с *arma* «оружие» (а не «войско»!).

Калитка. Сближение этого слова с *калита* «сума, мешок» неверно, следовало упомянуть этимологию М. Фасмера[14]— из **колита* (дверь), т. е. «с колышком, засовом».

Калить. Сближение с лат. *calor* «тепло», лит. *šìlti* «нагреваться» ошибочно. Следовало упомянуть более интересное сближение с *кал*; ср. тождество образования слов *закал* «закалка, закаливание» и *закал* (в хлебе). В таком случае специальные сопоставления с формами других индоевропейских языков отпадают и мы имеем в *калить* славянское новообразование. Развитие значения «нагревать (на огне)» представляется в таком случае вторичным и относительно поздним.

Карапуз. Скорее всего происходит из тюрк. *karpuz* «арбуз», т. е. первоначально оно означало «круглый и толстый, как арбуз»[15]. Менее вероятна этимология от гипотетического *коротопуз*, **коротпуз* у авторов словаря, как и гадательные сближения в словаре Фасмера.

Кий. Можно говорить самое большее о семантическом влиянии франц. *queue* «бильярдная палка», но в остальном *кий* — из слав. **kyjь*.

Клок. В словаре содержится попытка истолковать это слово из звукоподражательного *кло-* «с суффиксом *-къ*», тогда как известно, что *клок* произошло из праслав. **klъkъ*; ср. сербско-хорв. *кȳк*.

Клоп. Это слово, а также сербско-хорв. *клоп* «клещ», по-видимому, продолжают праслав. **klopъ* от **klepǫ*, **klepi̯ǫ*, **klep(a)-ti* «бить, наносить удары»; ср. греч. κόρις «клоп»: κειρω «режу». Сближение Г. А. Ильинского с диал. *клéпик* «кляп, затычка, короткий нож» несостоятельно, так как последнее — из *кляпик* (известен и этот диалектный вариант) от *кляп*<**klępъ*. Значение «нож» у диал. *клепик* типично окказиональное, собственно: «короткий, широкий нож» (вроде затычки).

Ковать. Неясно, каким образом можно толковать это слово как производное от *ковъ* «злой умысел», поскольку известны такие соответствия, как литов. *káuti* «бить» др.-в.-нем. *houwan* «рубить», а с другой стороны, несомненна вторичность значения «коварство, злой умысел» — из «искусство кузнеца».

Ковыль. В этой статье по неясным для нас причинам не приводится наиболее вероятная этимология слова *ковыль*: от *ковать* [ср. гот. *hawi* «сено»: др.-в.-нем. *houwan* «рубить» (по типу *мотыль* : *мотать*)].

Колымага. Это слово, а также слова *колимог*, *колимаг* «шатер» объясняются теперь правдоподобно из монг. *xalimag* «калмык». Ср. *мажара* «воз, телега» — от названия венгров, мадьяр[16].

Конверт. Предлагаемое в словаре объяснение преобразованием *куверт* (ср. франц. *couvert*) в *конверт* под влиянием ложноэтимологических ассоциаций с *кон(ец)* и *вертеть* смехотворно. Лучше было бы сослаться на известные объяснения: от неправильного чтения франц. *couvert* как *conv...* или как результат влияния лат. *convertere*.

Конопатить. В словаре производится безоговорочно от конопатый, хотя в действительности эта связь — вторичного, народно-этимологического характера, в основе же слова лежит заимствованный термин морского дела итал. *calafatare* «конопатить».

Кочерыжка. Путаное толкование, помещаемое под этим словом, целесообразно было бы заменить указанием на прямую связь слов *кочерыжка*, *кочерёжка* с *кочерга*; ср. укр.—*кочерга* «вид репы».

Кружка. Нем. *Krug* значит не «кружка», а «кувшин».

Кумир. Любопытно, что авторы одновременно ссылаются и на фин. *kumartaa* «кланяться», и на «семитский язык».

Ладонь. По-видимому, представляет собой не только метатезу и «закрепление на письме аканья», но также сближение по народной этимологии с *лад*; ср. такие формы, как *ла́душки*, *ладо́шки*, *ладо́ши*.

Ландыш. Польск. *łanysz* (а не *łanycz*, как в словаре), др.-польск. *łanie uszko* «*auricula cervi*» все-таки правильнее понимать как «ухо лани» с *-д-* паразитическим в русском слове[17].

Ледащий. В словаре это слово толкуется как образованное при помощи суффикса *-ащ-* от *лядеть* «худеть, сохнуть», что элементарно ошибочно. Это слово вместе с формами *ледачий*, *лядащий* надо рассматривать в одном ряду с укр. *леда́що* «негодник,

---

[14] M. Vasmer, Elymologisches. 1 — russ. ščekólda, ZfslPh, XVIII, 1, 1942, стр. 60.

[15] См. Н. К. Дмитриев, О тюркских элементах русского словаря, «Лексикографический сборник», III, М., 1958, стр. 16.

[16] См. K. Menges, Altajische Lehnwörter im Slavischen, ZfslPh, XXIII, 2, 1955, стр. 327 и сл.

[17] См. об этом еще: B. O. Unbegaun, [рец. на кн.:] M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, BSLP, LII, 2, 1957, стр. 169.

плохой»; собственно *леда-що* — сочетание частицы с местоимением — ср. польск. *ladaco* «то же» (*lada-co*), а также в иных сочетаниях: укр. *ледахто* «кто-нибудь», польск. *ladajaki* «какой-нибудь». Все эти образования восходят к праславянским частицам *lě*, *da* в сочетании с местоименными основами.

Лиса. Этимология слова действительно неясна, однако во всяком случае очевидно, что диал. *лйсый* «желтоватый», *залисéть* «пожелтеть» вторично образованы от названия животного (буквально: «цвета лисы», «приобрести цвет лисы»), а не наоборот.

Ложка. Вопреки авторам, это слово не связано чередованием с диал. *лу́зик* «то же», поскольку последнее северновеликорусское слово заимствовано из карельск. *luzikka* (фин. *lusikka*) «ложка», которые в свою очередь — из др.-русск. *лъжька*. Эта статья в словаре, несмотря на многословную словообразовательную характеристику, не содержит элементарных сведений о происхождении лъжька из **lug-* (**lug-*), **loug-* «ломать» (ср. аналогию англ. *spoon* «ложка», родственного нем. *Span* «щепка»), которые были бы для читателя не бесполезны.

Мамонт. Статья в целом кажется несколько торопливым пересказом соответствующего места словаря Фасмера, поскольку иначе трудно объяснить одинаково принимаемое авторами и заимствование из тунгусского, и «непосредственное заимствование» из греческого. Фасмер говорит лишь о возможности вторичного влияния со стороны этимологически не связанного имени собственного *Мамонтъ* из греч. Μάμας, род. падеж Μάμαντος (известная фамилия, кстати сказать, связана только с этим последним, а не с названием ископаемого исполинского слона!).

Мести, мету. Получено из **metti*, если верить словарю,— «в результате действия закона открытых слогов»... Но ср. литов. *metu*, *mesti* «бросать», хотя балтийский не знал упомянутого закона.

Мыс. Едва ли это действительно неясное слово делается яснее от неправдоподобного сближения с *мыкати*, тем более что *кс* дало бы *х*, а не *с*, вопреки мнению авторов.

Насупиться. Образовано не от утраченного *сжупъ* «гнев, злоба», а от известного и сейчас ряду славянских языков **sǫpъ* «коршун» (польск. *sęp*); ср. аналогичное *петушиться* : *петух*.

Ночь. Хет. *nekuz* означает «вечер», а не «ночью».

Обиняк. Составители «Краткого этимологического словаря» объясняют это слово из *обинутися*, которое якобы произведено от *оби-* «вокруг, около, об», тогда как этот глагол несомненно из **об-винутися* «уклониться». Иначе это был бы единственный случай деривации глагола от предлога-приставки, если не считать случай вторичного затемнения *вы-нуть*, первоначально *вынять*, как и сейчас иногда в просторечии (**vy-jęti*).

Обормот. Это слово пользуется постоянным вниманием этимологов, усилия которых направлены, видимо, по ложному пути; ср. сближение с *оборванец*, объяснение из нем. *Ober-* «старший, главный» и *мот* (получается, согласно этому притянутому за уши сближению, что-то вроде «верховный мот, расточитель», что уж никак не соответствует нашим сведениям об обормоте); последнее повторено авторами «Краткого этимологического словаря русского языка». То же можно сказать и о случайном толковании В. Погорелова[18] из венг. *a barmot* — ругательство (собственно говоря, вин. падеж ед. числа от *barom* «скотина»). Связи слова *обормот* гораздо скромнее в действительности: оно может быть понято как девербальное производное *обормот*, **бормот* от *бормотать*; ср. колебания начала слова *оболтус*, диал. *болтус* — от *болтать*.

Овод. Литов. *úodas* значит «комар», а не «муха».

Орало. Непосредственно из праслав. **ôrdlo* было получено *ралo*. Следует специально отметить вторичный характер формы *орало* — под влиянием *орать* «пахать».

Пе́кло. Литов. *pìkis* «смола» заимствовано из немецкого и должно быть исключено из числа родственных форм.

Пельмени. Крайне неточно указывается, что это слово «заимствовано из финского языка, в котором оно является сложением *пель* „ухо" и *нянь* „хлеб"». Собственно финский (суоми) или финские языки не знают этого названия хлеба, известного пермской группе финно-угорских языков (коми, удмуртский), откуда и получено это слово в составе сложения пельмени.

Переборка. Как и слово забор (см. выше), несомненно,— от **bor-*, **bьrati*, русск. *перебрать*, *забрать*, а не от *переборoть*.

Пестун. Авторы производят это слово «от утраченного *пѣстъ* „пища"»; правильнее объяснять его как отглагольное имя от *пестовать*, **pěstiti*.

Плутать. Чудовищно объяснение, даваемое авторами словаря: из глухого варианта к специально придуманному *блудать*. При этом ни слова не говорится об известном объяснении — контаминацией *путать*, *плету*, *плести*; ср. особенно укр. *плу́тати* «путать», польск. *plątać* «*путать*».

Подлежащее. Если верить словарю, «словообразовательная калька лат. *substantivus*», тогда как на самом деле прототипом послужило лат. *sub-iectum*, не говоря уже о том, что следует писать *substantivum*, а не *...us*.

Подражать. Авторы считают это слово заимствованным из старославянского, в котором оно происходит от *драга* «дорога», якобы первоначально — «идти той же дорогой...», что крайне невероятно. Наиболее правдоподобно объяснение Б. Унбегауна[19] из *под-ражать*, сюда же — *вы-ражать*; ср. значение чеш. *ráz* «характер», а также структуру и семантику слова *под-лаживать(ся)* : *лад*.

---

[18] V. P o g o r e l o v, Une injure russe d'origine hongroise: *obormót*, RÉSl, XXX, 1953, стр. 102 и сл.

[19] B. O. U n b e g a u n, указ. рец., стр. 174.

Полати. Форма *palatium* объявляется греческой!

Поплин. Итал. *papalino* значит не «католический», как в словаре, а «папский».

Ра́товать. Это слово, связанное со словом *рать*, авторы, не разобравшись, производят из польск. *ratować* «спасать», немецкого происхождения.

Сила. Здесь мы узнаем, что литов. *síela* означает «убеждение, беспокойство»; до сих пор считалось, что оно значит «душа».

Сноха. В словаре слово объясняется как производное от той же основы, что и *сын*. Вместо этого бодрого повторения устаревших этимологий следовало бы отразить более распространенную современную точку зрения: из и.-е. **snusos* от **sneu̯-* «связывать»; сюда же — как нем. *Schnur* «сноха», так и *Schnur* «бечева».

Сокол. Здесь должно быть греч. *kyknos* «лебедь», а не *kyklos*.

Сосиска. Должно быть франц. *saucisse*, а не *sousisse*.

Спать. В числе родственных форм этого слова в словаре случайно оказалось нем. *schlafen*.

Строка. Согласно авторам, слово «общеславянское. Корень тот же, но с перегласовкой *o/e*, что и в *стрекова*». Едва ли читатели, для которых предназначена книга, вынесут что-либо из чтения этой статьи. Необходимо было указать, что *строка*, возможно, означало первоначально «укол, стежок»; ср. употребление его в качестве термина лапотного производства (*не всякое лыко в строку*), а также русск.-церк.-слав. *строка* κέντρον, στίγμα. *Строка* связано непосредственно со *стрекать*; сюда же — русск. диал. *строка* «овод, слепень» и лишь как возможность — *стреноза*.

Сутки. Форма мн. числа не от **сътъкъ*, а от **sǫtъkъ* или **sǫtъka*; ср. чеш. *soutka* «узкий проход»[20]. Это слово содержит именной префикс *sǫ-*, соответствующий глагольному *sъ-*; следовательно, *су-* здесь исконно, а не вторично (вместо *съ-*), как считают авторы словаря.

Толк. Приводимая здесь форма *ad-tluch*— ирландская, а не персидская!

Тратить. Не показано непосредственное отношение к трата<**trāta/*trōta*; ср. литов. *trõtinti* «раздражать», диал. *trũotas* «точило», далее уже — к **ter-/*tr-* «тереть».

Труд. «Общеславянское, имеющее соответствия в некоторых других индоевропейских языках». Разумеется, эта отписка ничего не дает для понимания слова со значительной семантической и словообразовательно-морфологической эволюцией (**trond-/*treud-*<**tr-/*ter-* «тереть»).

Хло́пок. Судя по словацк. *chlp* «клок», польск. *chłypy* «клочья», это слово надо производить из **xlъpъ*, а не из **xlopъ*.

Чёлн. Литов. *kélmas*, приводимое в этой статье, означает «пень», а не «паром».

Чехарда. В словаре толкуется из *чехорда* (диал.) от *чехор* «драчун, буян, забияка», откуда *чехарда* якобы первоначально — «буйство, баловство». При толковании этого действительно не вполне ясного слова с экспрессивным, расплывчатым значением следует внимательнее изучить различные диалектные формы; ср., например, диал. (донск.) *шигарда́*, белорус. диал. *чыкірда́*, последнее — в значении «землемерное приспособление в виде треугольника». Фонетические расхождения между вариантами позволяют рассматривать формы на *-г-* и на *-х-* как экспрессивные отклонения от более первоначальной на *-к-*, т. е. исходным было **čekъrda* (<**čekъrta*?) с экспрессивным префиксом *че-* (или его заменой арготического толка *ши-*, достаточно известной из диалектов) от основы **kъrt-* /**čьrt-* «резать, чертить»). Для наблюдений над семантической эволюцией существенно значение белорусского областного слова, называющего несложный циркулеобразный измерительный прибор, сбитый из трех планок и упираемый попеременно то одним, то другим острым концом в землю с одновременным вращением вокруг бедра треугольника как вокруг оси.

Шкура. Если шкура < *скура* действительно является русским экспрессивным фонетическим преобразованием, то *скура* (вместо *скора*, ср. *скорняк*) заимствовано из польск. *skóra*, что следовало указать.

Шнырять. В словаре толкуется из *шныр*, «производного посредством суффикса *-ръ* от звукоподражательного шны», тогда как, по всей вероятности, мы имеем здесь экспрессивное преобразование *нырять* по типу *шпарить* : *парить*.

Ястреб. Авест. *āsu-* «быстрый» восходит вопреки словарю, к и.-е. **ōku-*, а не ** s-*

Только рамки журнальной статьи заставили нас ограничиться этой выборкой замечаний, касающихся нескольких десятков словарных статей нового труда Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской. Верно, что каждый этимологический словарь может дать повод для многочисленных замечаний и коррективов. Впрочем окончательное суждение о «Кратком этимологическом словаре» можно себе составить и помимо изложенных выше по традиции замечаний по этимологии, и вполне достаточное основание для этого суждения — крайне низкий уровень этимологического анализа, общая отсталость, а также недобросовестное обращение с материалом, демонстрируемые на каждой странице книги. Обсуждавшееся выше пособие нельзя не признать в значительной своей части научно несостоятельным, а в качестве опыта научной популяризации русской этимологии — несомненно неудачным.

О. Н. Трубачев

[20] См. о последнем V. Machek, указ. рец., стр. 275

Sovietico-Turcica. Beiträge zur Bibliographie der türkischen Sprachwissenschaft in russischer Sprache in der Sowjetunion 1917—1957. — Budapest, Akadémiai kiadó, 1960. 320 стр. («Bibliotheca Orientalis Hungarica», IX).

В конце 1960 г. тюркологи получили единственный в своем роде по широте охвата материала библиографический справочник по советскому тюркскому языкознанию на русском языке за период с 1917 по 1957 г.— тот самый справочник, о подготовке которого к печати участники XXV Международного конгресса востоковедов в Москве узнали из сообщения Д. Хазаи. Он осуществлял организацию работы над справочником, а затем — редактирование. Справочник составлялся рабочей группой Института тюркской филологии при Будапештском университете под руководством акад. Ю. Немета и акад. Л. Лигети.

Замысел создать подобное библиографическое обозрение труднодоступной (для читателей Запада) тюркологической литературы возник у Ю. Немета (см. его «Введение») более 30 лет назад, и уже в XLVIII томе «Nyelvtudományi Közlemények» в качестве самостоятельной публикации на немецком языке был напечатан его систематический обзор весьма обширной литературы; в 1931—1934 гг. Ю. Немет рецензировал появляющиеся в Советском Союзе доступные ему тюркологические публикации. Особенно интенсивную работу в этом направлении Ю. Немет вел в течение второй половины 40-х годов. Первоначальный проект при этом претерпел существенные изменения: вначале Ю. Немет предполагал всесторонне аннотировать собранную библиографию, однако по мере накопления ее пришлось ограничиться составлением библиографического справочника по тюркологической литературе на русском языке. Собрать же библиографические сведения о лингвистической литературе на языках тюркских народов СССР в систематическом виде и правильно интерпретировать заглавия работ, как указывают на то сами издатели (стр. 10), возможно только в Советском Союзе.

Ю. Немет провел изыскательскую работу в пяти библиотеках ГДР и СССР, в том числе в Москве — в библиотеке Института языкознания АН СССР и в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина; к сотрудничеству были привлечены также многие советские тюркологи и исследовательские учреждения, а в ответ на запросы составителей был прислан целый ряд коллективных и персональных библиографических перечней.

Во «Введении» Ю. Немет пишет об особенностях развития советской тюркологии. На характере появившихся в этот период работ по тюркским языкам и диалектам Советского Союза не могло не сказаться быстрое хозяйственное, общественно-политическое и культурное развитие советских тюркоязычных республик: оно обусловило преимущественно практическую направленность тюркологических исследований. Отметив, что «силы советских тюркологов были заняты в первую очередь описательными проблемами» (стр. 10), Ю. Немет считает «наиболее ценной продукцией советской тюркологии труды описательного характера» (стр. 9); особое значение он придает описаниям диалектов тюркских языков.

Участие в составлении и издании «Sovietico-Turcica» высоко квалифицированных научных сил обеспечило высокое качество рецензируемого труда. Строго выработанные принципы отбора материала определили широту и почти максимальную полноту охвата материала. Первоначальное намерение издателей ограничиться лишь собственно языковедческим материалом должно было измениться ввиду особенностей охватываемого библиографией периода, характеризовавшегося интенсивным развитием всех сторон жизни народов Советского Союза, в том числе — становлением и развитием письменности у ранее бесписьменных и младописьменных народов: вопросы письменности, остро обсуждавшиеся в нашей печати, подчас отражались также и в сообщениях по этнографии, эпиграфике и под., которые, естественно, не могли не быть включены в обзор.

Вопросы языковой революции или обновления письменности в тюркоязычных республиках, а позднее — вопросы языкового употребления и орфографии нашли свое отражение не только в научных журналах и трудах, но также и в ежедневной прессе,— этим обусловлен учет в библиографии статей различных журналов и газет. В этих условиях вполне понятны отдельные погрешности рецензируемой библиографии. Естественно, что при столь широком охвате материала составители библиографии, находясь вдалеке от фондов библиотек Советского Союза, подчас были вынуждены пользоваться сведениями, полученными опосредованно; в таких случаях для проверки привлекались другие библиографические издания. По-видимому, именно этим объясняется включение в библиографию (в единичных случаях) сведений о работах, которые были изданы на языках тюркоязычных народов СССР. Таковы номера: 705. Гулямов А. Г. Категория множественного числа в узбекском языке, Ташкент, 1944 (на самом деле книга издана на узбекском языке); 2170. Саяргалиев Б. С. Словосочетание и предложение (на башкирском языке) (эта статья опубликована в журнале «Башкортостан укытыусыһы», в библиографии же заглавие этого журнала приведено в русском переводе «Учитель Башкирии»,— так же как и газета «Қазақстан мұғалімі», выходящая на казахском языке, дается в № 2134: «Учитель Казахстана»).

Нельзя не отдать должного широте и полноте охвата литературы в «Sovietico-Turcica», тем более если учесть, что библиография в целом составлялась не в Советском Союзе. Учтены и довольно полно расписаны по статьям такие издания, давно уже ставшие достоянием лишь крупных книгохранилищ, как, например, сб. «Письменность и революция», журнал «Революю-

ция и письменность»[1], а также многие периферийные журналы и газеты, выходившие в 20—30-х годах. С тем большим сожалением приходится упомянуть здесь об отсутствии указаний на опубликованные в таком общедоступном издании, каким является журнал «Вопросы языкознания»[2], статью Вяч. Вс. Иванова «Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова» (1957, 3, стр. 53—73), составленный им же «Список научных работ Е. Д. Поливанова» (там же, стр. 73—76) и перепечатку сохранившейся в единичных экземплярах работы Е. Д. Поливанова «Фонетические конвергенции» (там же, стр. 77—83), которая впервые вышла в свет отдельной брошюрой в Ташкенте в 1923 г. и в которой автор оперирует наряду с данными индоевропейских языков также и материалами узбекского языка и его диалектов. Пропуск в библиографии этой впервые составленной и весьма полной персоналии Е. Д. Поливанова, естественно, повлек за собой и отсутствие указаний на целый ряд работ Поливанова (у Вяч. Вс. Иванова они значатся под номерами: 82, 60, 61, 21—24, 34, 53, 55, 70, 71), отдельными блестками рассеянных в ныне труднодоступных периферийных и некоторых центральных изданиях 20-х и 30-х годов[3].

В перечне работ В. А. Богородицкого не упомянута статья «Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковою системою общерусского языка» («Изв. Росс. Акад. наук», VI сер., XIII, 12—15, 1919, стр. 873—886); в перечне работ А. Н. Самойловича пропущена статья «Четверостишия-туйуги Неваи. (Посвящается памяти Ф. Е. Корша)» («Мусульманский мир», вып. 1, Пг., 1917, стр. 10—22). В добавлении (№ 2747) под вопросом и без выходных данных указывается работа Л. Н. Харитонова «Виды глагола в якутском языке [?]»; речь здесь, видимо, идет о рукописи ныне опубликованной монографии «Формы глагольного вида в якутском языке» (М.— Л., 1960). Среди неотраженных в библиографии работ можно отметить также ряд авторефератов диссертаций, в том числе следующие: Абдурахманов Г. Субстантивированные прилагательные в современном узбекском языке. Автореф. (К), Самарканд, 1950; Агаев П. Д. Карабахский диалект азербайджанского языка. Говоры Агдамского района. Автореф. (К), М., 1951; Джавадов А. М. Безличные предложения в современном азербайджанском языке. Автореф. (К), Баку, 1956; Зейналов Ф. Р. Принципы классификации именных частей речи (на материале азербайджанского языка). Автореф. (К), Баку, 1957; Майриков Д. Однородные члены предложения в киргизском языке. Автореф. (К), М., 1956; Пинхасов Я. Д. Фразеологические выражения в языке произведений Хамида Алимджана. Автореф. (К), Ташкент, 1953; Саруева М. Ф. Категория обстоятельства в современном алтайском языке. Автореф. (К), М., 1955; Тарасенко Р. Ф. Примыкание в уйгурском языке. Автореф. (К), М., 1951; Ушаков Е. И. Сингаксические функции формы на *-ган* в современном уйгурском языке (на материале языка уйгуров, живущих в Синьцзяне). Автореф. (К), М., 1956; Чуркин Т. Я. Опыт изучения чувашских говоров Сундырского района. Автореф. (К), Л., 1950; Шамаксудов А. Ш. Язык сатиры Мукими (лексика и фразеология). Автореф. (К), Ташкент, 1956; Юлдашев А. А. Язык тептярей. Автореф. (К), М., 1950[4], а также авторефераты многочисленных кандидатских диссертаций по сопоставительной грамматике и методике преподавания языка[5]. В то же время по-

[1] Заметим между прочим, что в библиографию оказалась не включенной опубликованная в № 1 (16) за 1933 г. журнала «Революция и письменность» статья А. Хашимова «Новый узбекский литературный язык и некоторые вопросы его орфографии (против пантюркистских установок джадидов в развитии узбекского литературного языка)».

[2] Отметим, что в «Sovietico-Turcica» остались неотраженными такие помещенные в «Вопросах языкознания» рецензии на ряд книг, как рецензия на «Типы глагольной основы в якутском языке» Л. Н. Харитонова (1955, 6) и аннотация «Библиографического указателя по казахскому языкознанию» Ш. Ш. Сарыбаева (1957, 5); не учтена также статья З. Б. Мухаммедовой «Замечания о языке переводов русской художественной литературы на туркменский язык» (1953, 3).

[3] В частности, учет «Списка» помог бы издателям библиографии обратить внимание на «Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 гг.)», Ташкент, 1923, который не представлен в «Sovietico-Turcica» под отдельным номером, как все прочие сборники; однако одна из статей (ее автор — П. Кузнецов), помещенных в сборнике, все же нашла отражение в библиографии (под № *1247).

[4] Приходится пожалеть о том, что принятый издателями принцип отбора материала не позволил отразить в библиографии целый ряд ценных и интересных исследований по истории языка, по диалектологии и пр. в том случае, если последние представлены в виде докторских и кандидатских диссертаций (машинопись на правах рукописи); таковы, например, следующие диссертации, хранящиеся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина: Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского (текст, перевод, исследование). Ч. 1—2. Докт. диссерт., Л., 1947; Киекбаев Дж. Г. Орфоэпия башкирского литературного языка. Канд. диссерт., Уфа, 1947; Канюкова А. С. Говор деревень Мёлёш Аликовского района Чувашской АССР и влияние на него чувашского литературного языка. Канд. диссерт., М., 1950; Инкижекова А. И. Сагайский диалект хакасского языка. Канд. диссерт., М., 1948; Ахмеров К. З. Современный башкирский язык. Ч. I. Канд. диссерт., б. м., 1945.

[5] Отметим кстати, что нерасписанными оказались в библиографии также многие

счастливилось автореферату канд. диссертации Э. А. Груниной «Сложноподчиненное предложение в современном узбекском языке» (М., 1952), который в библиографии фигурирует дважды: см. № 699, а также 2349 — под фамилией Э. А. Трумина (? — *Г. Б.*).

Несколько странное отражение нашел в библиографии пятитомный «Русско-узбекский словарь» (Ташкент, 1950—1955): здесь представлены его т. I (№ 2019), т. IV (№ 2021) и т. V (№ 2022), но отсутствуют почему-то т. II (З—Л) и т. III (М—О), вышедшие в свет в 1953 г. Опубликованный в конце 1960 г. указатель литературы по азербайджанскому языкознанию поможет издателям рецензируемой библиографии во втором ее издании пополнить перечень работ об азербайджанском языке, написанных по-русски[6].

В персоналию А. Г. Гулямова оказались включенными две работы Я. Г. Гулямова: «Морфология ташкентского говора». Автореф. (К) и «Из наблюдений над морфологией ташкентского говора» (в кн.: «Материалы по узбекской диалектологии», 1, Ташкент, 1957); в персоналию Н. А. Баскакова попал «Обзор лингвистических статей в журнале „Турецкий язык“», принадлежащий А. Н. Баскакову; автореферат канд. диссертации «Кыркский говор узбекского языка» написан Мирсагатовым Т. З., а не Мирсагатовым С. Т., как это указано в № 1502[7]. Но, разумеется, не эти частности определяют лицо книги, в общем сделанной добротно и тщательно.

Продуманная система подачи библиографических сведений в «Sovietico-Turcica» исходит в целом из общепризнанных международных библиографических методов. Однако стремление наряду с принятыми издателем сокращениями регистрировать также сокращения, приводимые на титульном листе охватываемых работ (см. об этом стр. 13), обусловило известную непоследовательность в подаче сокращений. Так, Академия наук Туркменской ССР фигурирует в «Списке сокращений» и как АН ТССР и как АН Турк. ССР (стр. 21); среди многочисленных «Записок» различных институтов и обществ, для которых принято сокращение Зап., одиноко стоит сокращение ЗКВ=«Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР» (стр. 27), хотя ЗВО РАО — не менее традиционное сокращение, принятое в русском востоковедении для «Записок Восточного отделения Русского археологического общества»,— заменено в рецензируемой библиографии сокращением «Зап. ВОРАО» (стр. 26).

Недостаточное изучение традиционных для советской библиографии и книжного дела сокращений привело к тому, что в ряде случаев составители приняли такие, на наш взгляд, громоздкие обозначения, как Ак. Пед. И РСФСР (стр. 19) вместо существующего АПН РСФСР, НИИнст (стр. 19) вместо НИИ, Воп. яз. (стр. 24) вместо принятого ВЯ, Ср. АГУ (стр. 44) вместо САГУ (ср., однако, на стр. 48 Тр. САГУ), Узб. Фил. АН СССР (стр. 49) вместо употреблявшегося УзФАН СССР (ср., однако, там же, УзССР), Аз. Фил. АН СССР (стр. 18) вместо Аз ФАН СССР и т. д.

В результате отхода от традиции многие принятые издателями сокращения фактически теряют основное качество сокращения: быть понятным читателю-специалисту с нескольких букв, без обращения к расшифровке — и превращаются в своего рода символы, к которым необходим «ключ». Укажем, в частности, на сокращения такого типа: СЛ = Серия лингвистическая (стр. 43, 21), ЛС = Лингвистическая серия (стр. 36), СГН = Серия гуманитарных наук (29), НС = Новая серия (41), СОН = Серия общественных наук (44). Стремление к излишней краткости (укажем, что наиболее принятым в советской библиографии является трехбуквенное сокращение для слова Серия = Сер.) приводит к смешению двух сокращений — ср. СЯЛ = = Серия языка и литературы (стр. 45) и СЯЛ = Сектор языка и литературы (стр. 25) [но ср., однако, Сер. ИЯЛ = Серия истории, языка и литературы (стр. 23)],— а иногда позволяет издателям принять сокращение, с которым у русского читателя ассоциируется совершенно иное понятие: на стр. 28, 41 Отделение общественных наук обозначается ООН.

Каждую библиографическую статью в «Sovietico-Turcica» сопровождает параллельная немецкая статья, состоящая из транслитерации фамилии автора, перевода заглавия работы и транслитерированных заглавий (соответственно: сокращений заглавий) журнала; названия сборников, которые не могут рассматриваться как периодика, и наименования издающих их институтов даются в переводе. Наличие параллельных библиографических статей на немецком языке, равно как и «Предмет-

---

статьи, опубликованные в выпусках методического сборника «Русский язык в нерусской школе» (приложение к журналу «Азәрбајҹан мәктәби»).

[6] См. Ш. Саадиев, Библиография литературы по азербайджанскому языкознанию (советский период), Баку, 1960. В «Sovietico-Turcica» оказались неотраженными работы на русском языке, которые в издании Ш. Саадиева фигурируют под номерами: 1081—1083, 1089, 1090, 1098, 1103—1105, 1120, 1127, 1151—1153, 1165, 1166, 1175, 1191, 1194, 1200, 1202, 1203, 1206, 1207, 1217, 1219, 1239, 1240, 1243, 1259, 1263, 1266, 1280, 1281, 1285, 1287, 1292, 1293, 1297, 1299, 1300, 1304, 1309, 1310, 1327, 1337, 1340, 1347, 1348, 1359, 1362, 1365, 1379, 1382, 1384, 1386, 1396, 1397, 1399, 1401, 1404, 1405, 1407, 1408, 1423, 1439.

[7] Можно указать также на ряд досадных типографских погрешностей. Под № 1298, например, вместо: Курышжанов А. Формы и значения падежей в языке «Codex Cumanicus» дано: Курыжанов А. Формы и значения падежей в языке (? — *Г. Б.*); под № 35 вместо Ф. Д. Ашнин дано: Агинин Ф. О.; под № 898 вместо Ергалиев приведено: Ерлагиев.

ный и именной указатель», составленный Кл. Хуттерером на немецком языке, облегчает пользование рецензируемой библиографией тюркологам-лингвистам всех стран.

«Предметный и именной указатель» служит ключом к собранным здесь библиографическим сведениям. В указателе обобщены сведения по проблематике собранной литературы, которые располагаются в алфавитном порядке по языковой принадлежности, по темам исследования и, наконец, дополнительно — по фамилиям авторов. В «Приложении к указателю» приводится список слов и морфем, рассмотрение которых явилось темой специальных работ.

Издавая «Sovietico-Turcica», ее создатели ставили перед собою задачу способствовать укреплению научных связей между Востоком и Западом (стр. 10). Уже краткий обзор «Sovietico-Turcica», вместившей в себя сведения более чем о двух тысячах работ, показывает, что задача выполнена. Тюркологи и западных стран и Советского Союза с благодарностью примут этот ценный библиографический справочник.

Г. Ф. Благова

M. Kahla. **Bibliografinen luettelo neuvostoliitossa vuosina 1918—1959 julkaistusta suomalais-ugrilaisesta kielitieteellisestä kirjallisuudesta. Osa I. — Helsinki, 1960. 193 стр.**

«Библиографический указатель финно-угорской языковедческой литературы, изданной в СССР с 1918 по 1959 г.», предназначен, как пишет в «Предисловии» его составитель, сотрудник библиотеки Финно-угорского общества М. Кахла, для исследователей, пользующихся советской языковедческой литературой по финно-угорским и самодийским языкам; указатель восполнит существенный пробел в библиографии по финно-угорскому языкознанию. Выпущенная в свет первая часть указателя охватывает литературу по общим вопросам финноугроведения, по истории, диалектологии, фонетике, грамматике и лексикологии языков финно-угро-самодийской группы (всего 1602 записи, в которых обобщены книги, статьи из сборников и журналов, авторефераты диссертаций, а в ряде случаев и рукописи диссертаций и неопубликованных работ; газетные статьи описаны выборочно и только на финно-угорских языках). Во вторую часть, как сказано в «Предисловии», войдут словари, практические грамматики и учебники, работы по вопросам культуры речи и орфографии, а также, видимо, и литература по методике преподавания финно-угорских языков и вопросам графики. (Хотя в рецензируемой части представлены некоторые материалы по этим темам, например работы Ф. Ф. Советкина, А. Флинкмана, С. С. Хеттунена, Я. П. Алькора, И. М. Щелкунова и др., основная масса этой довольно многочисленной литературы здесь отсутствует.)

Расположение материала в указателе — алфавитное; библиографические сведения распределены здесь по двум отделам в зависимости от алфавита, используемого для языка работы (т. е. работы на эстонском[1] и на других языках, напечатанные латинским шрифтом; работы на русском, марийском, мордовском, удмуртском и коми языках). Для подбора материала по отдельным темам приложен «Предметный указатель».

Составитель, который в целях собирания библиографического материала провел дополнительную работу также в библиотеках и языковедческих научно-исследовательских институтах Москвы, Ленинграда, Таллина, Петрозаводска и Сыктывкара, прекрасно справился с учетом литературы на русском языке: она собрана с полнотой, которая сделала бы честь любому советскому библиографу. Пропуски здесь настолько малочисленны и маловажны по значению, что о них не стоит говорить. Эстонская часть указателя в смысле полноты не столь безукоризненна. Отсутствуют указания на издания: P. Ariste, Vadja keelenäiteid, Tartu, 1941; P. Ariste, Eesti foneetika, Tartu, 1946; P. Ariste, Eesti keele foneetika, Tallin, 1953; A. Saareste, Eesti murdeatlas, 2, Tartu, 1941; «Valimik Emakeele seltsi korrespondentide murdetekste», 1—2, Tallin, 1956—1957. Далеко не полностью учтены и журнальные статьи; например, не вошли в указатель статьи Э. Вяэри, Э. Нурма, Э. Силка и К. Куре, помещенные в журнале «Keel ja kirjandus»— № 8, 10, 11 за 1958 г. и № 1 за 1959 г.; статьи П. Аристэ и А. Лаанеста, опубликованные в «Трудах Института языка и литературы АН Эст. ССР», т. 2, 1958; статьи П. Пальмеоса и Х. Вюреса (журнал «Emakeele seltsi aastaraamat», 1959, тт. 4, 5); Э. Райет («Известия АН Эст. ССР». Серия обществ. наук, 1957, № 3/4); П. Аристэ и Р. Нурске («Looming», 1946, № 7/8, 10/11) и ряд других. Совершенно остались не расписанными статьи из журнала «Eesti keel ja kirjandus», который выходил в первом полугодии 1941 г. (№№ 1—6) и в котором опубликован ряд статей ведущих эстонских ученых. Работы на остальных финно-угорских языках также представлены неполно, что вполне объяснимо, так как учет этого материала не прост и для отечественного библиографа. Конечно, нельзя не пожалеть, что в списке трудов В. И. Алатырева, Г. Г. Кармазина, Н. Т. Пенгитова и других или отсутствуют совсем, или отражены не полностью их работы на родном языке; надо надеяться, что эти работы, многие из которых представляют собой практические грамматики или же посвящены вопросам графики, орфографии, терминологии и культуры речи, найдут свое отражение во второй части указателя. Отметим тут же, что одним из недостатков указателя является

[1] Из литературы по финноугроведению, опубликованной в прибалтийских республиках, в указатель включены только труды, изданные после июля 1940 г.

отнесение ряда работ к «практическим грамматикам» и исключение их на этом основании из первой части; таковы, например: Г. Н. Прокофьев, Селькупская грамматика, Л., 1935; Д. В. Бубрих, Эрзя-мордовская грамматика-минимум (Пособие для вузов), Саранск, 1947; М. Е. Евсевьев, Основы мордовской грамматики, М., 1-е изд.— 1928, 2-е изд.— 1931; И. И. Майшев, Грамматика коми-пермяцкого языка, М.— Л., 1940.

К недостаткам указателя относится также отсутствие четких критериев отбора. Кроме печатных изданий, в указатель включены рукописи диссертаций и неопубликованных работ, студенческие дипломные (описано свыше 70 дипломных работ Тартуского университета) и даже студенческие курсовые работы. Включение в библиографию рукописного материала, имеющего научную ценность, допустимо, но только при условии указания места хранения (архива или библиотеки). Некоторое количество записей (№№ 498, 1018, 1258 и др.) снабжено такими указаниями, но в большинстве случаев (№№ 403, 490, 602, 646, 713, 843—845, 944, 945, 949—953, 1020 и мн. др.) запись кончается лаконическим примечанием: рукопись, студ. курсовая работа, диссертация, diplomitöö и т. п.

Авторефераты в указателе собраны очень полно. Иногда наряду с авторефератом дается описание рукописи диссертации (№№ 1281, 1287, 1410 и др.), в других случаях представлен только автореферат (№№ 881, 976, 1146). При описании рукописи диссертации не всегда учтено, защищена ли она. Так, под № 792 дается: Гордеев, Ф. И. Косвенные наклонения в марийском языке. Дисс. канд. филол. наук. Защита этой диссертации, однако, еще только предполагается в 1961 г. Не оправдано включение в указатель многих трудов по общим вопросам языкознания; таковы, например, работы, описанные под номерами 678, 679, 752, 753, 756, 990, 1336, 1337, 1345 и др.

Ряд записей сделан явно не de visu. Перенесенные без проверки из других указателей или ссылок в тексте, такие сведения не всегда верны, а некоторые даже сообщают о несуществующих работах. Читатель тщетно будет разыскивать труды Д. В. Бубриха, В. И. Алатырева и Н. Ф. Яковлева, представленные в указателе под номерами 604, 605, 618, 466, 1592,— они не выходили ни в изданиях, на которые ссылается указатель[2], ни в каких-либо других. Под № 674 вторично и неточно представлена статья Д. В. Бубриха «Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках», уже описанная (правильно) под № 603. Также дважды (de visu и не de visu) описаны и две другие работы Д. В. Бубриха — «Финно-угорское языковедение в СССР» (№№ 693, 691) и «Происхождение мышления и речи» (№ 678, 621); дважды и, судя по отсутствию страниц, оба раза не de visu описана работа Д. В. Бубриха «К вопросу о хронологии мордвы» (№№ 627, 633). Статья В. И. Алатырева «О безличных глаголах и безличных синтаксических конструкциях в удмуртском языке» описана трижды: один раз de visu (№ 474) и два раза (№№ 466, 861) перепечатана с недостоверного источника (в результате искажено заглавие).

Описания, сделанные de visu, отличаются точностью сообщаемых сведений. Из немногочисленных ошибок отметим некоторые. Статья «О сходстве коми слов со словами индоевропейских языков» (№ 1529), помещенная среди работ Н. Ф. Цыганова, специалиста по мордовским языкам, принадлежит Н. Цыпанову. Неправильно назван журнал в №№ 621, 678: следует читать не Бюллетень ЛУ, а Научный бюллетень ЛУ. Неправильно описана книга под № 996: на самом деле это не второй том лингвистических работ И. А. Куратова, как следует из описания, а второй том собрания его сочинений.

К общим недостаткам указателя относится, прежде всего, крайняя неэкономность описания. Описывая статьи, снабженные резюме на другом языке (а таких в указателе несколько сотен), составитель повторяет на языке резюме полное заглавие работы; еще раз заглавие на обоих языках приводится в отделе, соответствующем языку, на котором написано резюме. Если при статье имеются два резюме на разных языках, в указателе дается три таких двойных описания. В описаниях статей из журналов и из продолжающихся изданий каждый раз сообщается место издания; при столь неэкономном описании едва ли стоило принимать аббревиатуры типа СВИГИДФУЯ, НСВРМЛЯ, СКССИДКУЯ и др.

Рецензии описаны под фамилией автора рецензии, расположены в общем алфавитном ряду и никак не связаны с рецензируемой книгой. Не связаны между собой отдельные работы и в тех случаях, когда одна из них написана по поводу другой или когда в обеих обсуждается одна и та же тема. Так, статья Н. Н. Чебоксарова (№ 1538) содержит критический разбор большинства докладов, помещенных в сборнике «Советское финноугроведение», т. 1 (№ 1381); статья Д. В. Бубриха (№ 663) является ответом Н. Н. Чебоксарову, а в своей второй статье (№ 1536) Н. Н. Чебоксаров отвечает Д. В. Бубриху. При механическом алфавитном размещении и отсутствии перекрестных отсылок взаимная связь между этими работами остается для читателя нераскрытой. Нельзя не пожалеть об отсутствии аннотаций в тех случаях, когда они необходимы как дополнение или разъяснение заглавия (см. №№ 50, 388).

В заключение еще раз отметим ценность и своевременность указателя для специалистов по финно-угро-самодийским языкам. Однако указатель мог бы быть более компактным и удобным для пользования, если бы составитель более рационально решил вопросы библиографического описания и организации материала в самом указателе.

Н. П. Дебец

[2] Отметим, кстати, что одно из этих изданий — «Известия Мордовского научно-исслед. ин-та» — не существовало.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА 40 ЛЕТ

За 40 лет существования Советской власти в Азербайджане (1920—1960 гг.) азербайджанское языкознание выросло в самостоятельную научную дисциплину[1]. Для научного изучения азербайджанского языка были созданы все условия. В 1923 г. было организовано специальное Общество по обследованию и изучению Азербайджана, на базе которого в 1929 г. был создан научно-исследовательский институт, а в 30-х годах — Институт языка Азерб. филиала АН СССР, реорганизованный впоследствии в Институт языка и литературы им. Низами АН Азерб. ССР.

Эти научные учреждения осуществляли большую работу в области азербайджанского языковедения. В подготовке квалифицированных кадров языковедов большую роль сыграли кафедры азербайджанского языкознания высших учебных заведений. В настоящее время среди азербайджанских языковедов трудятся 5 докторов наук, профессоров, в том числе двое — А. М. Демирчизаде и М. Ш. Ширалиев — являются членами-корреспондентами АН Азерб. ССР, и более 60 кандидатов филологических наук. За 40 лет Советской власти ученые-языковеды нашей республики не только заложили основы азербайджанского языкознания, но и развили все его основные отрасли.

*

Грамматика является одной из важнейших и рано оформившихся отраслей азербайджанского языкознания. После установления Советской власти, когда азербайджанский язык стал государственным языком Азерб. ССР, с целью разработки и дальнейшего уточнения его грамматических правил Наркомпросом Азерб. ССР была создана специальная комиссия (1924 г.), которая составила «Грамматику тюркского [т. е. азербайджанского.— *А. Д., З. Т.*] языка». Выгодно отличаясь по своему содержанию и охвату материала от грамматик, написанных в XIX и в начале XX в., этот учебник, однако, имел ряд недостатков: синтаксис здесь фактически не нашел своего отражения, а морфологическая часть содержала лишь объяснение употребления грамматических форм.

Опубликованные в 1932 и 1933 гг. решения партии и правительства о стабильных учебниках и программах способствовали развитию азербайджанского языкознания. В изданных в 1933 г. стабильных учебниках по азербайджанскому языку были допущены ошибки, которые подверглись широкому обсуждению на страницах прессы; впоследствии учебники переиздавались каждый год во все более улучшенном и уточненном виде. В 1939—1940 гг. возникла необходимость в вузовском курсе грамматики современного азербайджанского языка, и в 1940 г. в план Института языка Азерб. ФАН СССР была включена разработка отдельных частей научной грамматики, в том числе — проблем фонетики, словообразования, а также описание отдельных частей речи (глагол, прилагательное, послелоги, союзы). Разработка этих тем была завершена после Великой Отечественной войны опубликованием сборника «Исследования по азербайджанскому языку»[2]. В 1951 г. был издан первый том научной грамматики азербайджанского языка, посвященный фонетике и морфологии[3]. Достигнув известных результатов в области изучения морфологии, азербайджанские языковеды начали обследование синтаксиса.

Вышедшая в свет в 1947 г. первая монография по синтаксису А. М. Демирчизаде «Современный азербайджанский язык (Члены предложения)»[4] и напечатанные позже его работы, посвященные различным типам предложений[5], статья М. Гусейнзаде об определительных словосочетаниях[6], а также ряд подготовленных и защищенных кандидатских диссертаций по синтак-

[1] Изучение азербайджанского языка в практических целях имело давние традиции. См. об этом: Ə. М. Дəмирчизадə, Азəрбайҹан дилчилийи ингилаб мейвəсидир, «Изв. АН Азерб. ССР», 10, 1947, стр. 161—164.

[2] «Азəрбайҹан дилинə аид тəдгигляр (Элми сəрфин бə'зи мəсəляляри)», Бакы, 1947.

[3] «Азəрбаjҹан дилинин грамматикасы», I hиссə — Фонетика вə морфолоkиjа, Бакы, 1951.

[4] Ə. Дəмирчизадə, Мүасир азəрбайҹан дили. Чүмлə үзвляри, Бакы, 1947.

[5] Его же, Мүасир азəрбаjҹан дилиндəки садə чүмлəляр, «Азəрбаjҹан мəктəби», 1, 1950; его же, Мүрəккəб чүмлəляр, «Азəрбаjҹан мəктəби», 5—6, 1947; 1, 1948; его же, Говушуг чүмлə, «Азəрбаjҹан мəктəби», 1, 1947.

[6] М. Нүсеjнзадə, Мүасир азəрбаjҹан дилиндə тə'jини сөз бирляшмəляриня, «Əдəб. вə дил Ин-нун əсəрляри». Дилчилик серијасы, V, 1953, IV, 1954.

сису[7] послужили предпосылкой для издания второго тома научной грамматики (синтаксиса).

В 1959 г. был выпущен второй том научной грамматики, посвященный синтаксису азербайджанского языка[8]. Оба тома научной грамматики в данный момент используются в качестве учебного пособия для студентов филологических факультетов высших учебных заведений Азербайджана. В 1960 г. вышло в свет монографическое описание синтаксиса современного азербайджанского языка (автор — З. Х. Тагизаде)[9]. В последнее время выпущен еще целый ряд пособий для вузов; в этих пособиях монографически описаны лексика, фонетика и морфология азербайджанского языка[10]; вышла в свет также монография о словообразовании в азербайджанском языке[11].

В области сравнительной (сопоставительной) грамматики азербайджанскими языковедами проделана значительно меньшая работа как по объему, так и по содержанию — выпущено только два труда[12].

Изучение истории азербайджанского языка началось сравнительно недавно, гораздо позднее, чем составление грамматик или изучение диалектов. Создание курса истории азербайджанского языка было делом очень трудным и ответственным; работа в этой области была связана с идеологической борьбой: необходимо было дать научное обоснование вопросу о происхождении азербайджанского языка, показав на фактах несостоятельность антинаучного взгляда на азербайджанский язык как на исковерканный говор османско-турецкого языка, а также выяснить время образования азербайджанского языка как одного из тюркских самостоятельных общенародных языков, его периодизацию и время оформления его как национального языка. Спорным был вопрос о том, начинать ли изучение истории азербайджанского языка с раннего периода или же с периода возникновения литературного языка. Языковеды Азербайджана в то время избрали второй путь; полученные в результате этих изысканий сведения о происхождении и периодизации азербайджанского литературного языка впервые были обобщены в статье Г. Багирова и Б. Чобанзаде[12а].

В своей монографии «Очерки по истории азербайджанского литературного языка» А. М. Демирчизаде дал схему периодизации азербайджанского литературного языка[13] (монография до сих пор используется как учебное пособие для вузов Азерб. ССР). В книге А. Джафара «Очерки современного азербайджанского языка»[14] также частично содержались сведения о развитии литературного языка XX в. и об обогащении словарного состава языка в советский период. В защищенной в 1944 г. докторской диссертации на тему «История азербайджанского языка» А. М. Демирчизаде пришел к выводу, что в образовании азербайджанского общенародного языка X—XI вв. большая роль принадлежит элементам языков огузо-кыпчакских племен[15]. В результате произведенных изысканий на филологических факультетах были разработаны и утверждены как отдельные предметы история литературного языка и историческая грамматика.

В 50-х годах доцентом Г. Мирзазаде была выпущена работа «Материалы по исторической грамматике»[16]. За последнее десятилетие защищено много кандидатских диссертаций на различные темы по истории литературного языка и по исторической грамматике и издано много научных

---

[7] См., например, авторефераты кандидатских диссертаций: Н. Дж. Абдуллаева, Двухсоставное предложение в современном азербайджанском языке, Баку, 1954; Г. А. Байрамов, Сложносочиненные предложения в современном азербайджанском языке, Баку, 1955; А. М. Джавадов, Безличные предложения в современном азербайджанском языке, Баку, 1956 и мн. др.

[8] «Азәрбајҹан дилинин грамматикасы», II һиссә — Синтаксис, Бакы, 1959.

[9] З. Х. Тағызаде, Мүасир Азәрбајҹан дилинин синтаксиси, Бакы, 1960.

[10] См.: М. Нүсејнзадә, Мүасир Азәрбајҹан дили. Лексика, фонетика, морфолоҝија, Бакы, 1954; С. Чәфәров, Мүасир Азәрбајҹан дилинин лексикасы (Чохмә'налы сөзләр, омонимләр, синонимләр вә антонимләр), Бакы, 1958; Ә. М. Дәмирчизадә, Мүасир Азәрбајҹан дилинин фонетикасы, Бакы, 1960; «Мүасир Азәрбајҹан дилинин морфолоҝијасы», редакторлары: Ә. М. Дәмирчизадә, З. Х. Тағызадә, Бакы, 1961.

[11] С. Чәфәров, Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы, Бакы, 1960.

[12] См. Ф. Р. Зейналов, Түрк дилләринин мүгајисәли грамматикасы (очеркләр), Бакы, 1959; «Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков», под ред. М. Ш. Ширалиева и С. А. Джафарова, Баку, 1954.

[12а] Г. Багиров, Б. Чобанзаде, Языковое строительство в АССР, «Наука в АССР за 15 лет» («Труды Азерб. филиала АН СССР», XXX), Баку, 1936.

[13] Ә. Дәмирчизадә, Азәрбајҹан әдәби дили тарихи хүласәләри (XX әсрә гәдәр), Бакы, 1938.

[14] Ә. Чәфәр, Мүасир Азәрбајҹан дили очеркләри. XX аср. Әлјазмасы һүгугунда, Бакы, 1941.

[15] Вступительное слово А. М. Демирчизаде на защите докторской диссертации опубликовано в журн. «Азәрбајҹан мәктәби» (2—3, 1944).

[16] Һ.Мирзәзадә, Азәрбајҹан дилинин тарихи грамматикасына аид материаллар (фонетика, морфолоҝија), Бакы, 1953; его же, Азәрбајҹан дилинин тарихи грамматикасына аид хүласәләр (синтаксис), Бакы, 1956; его же, Азәрбајҹан дилинин тарихи грамматикасы (көмәкчи нитг һиссәләри), Бакы, 1959.

статей и монографий[17]. Тем не менее, как нам кажется, в области изучения истории азербайджанского языка можно было бы добиться бóльших результатов. Развитию исследовательской работы по истории языка мешало, во-первых, то, что сравнительно-исторический метод почти не находил применения в азербайджанском языкознании на протяжении периода с 1935 г. по 1950 г., во-вторых, то, что с 1935 г. до 1955 г. на филологических факультетах не изучались памятники древней тюркской письменности, без знания которых невозможно исследование истории любого из тюркских языков.

*

С первых же дней установления Советской власти в Азербайджане началось изучение диалектов. Специально выделенные работники Общества по обследованию и изучению Азербайджана занимались собиранием прежде всего диалектной лексики. В результате было выпущено на трех языках (азербайджанском, русском и немецком) два тома «Словаря тюркских народных говоров Азербайджана»: I том (буква *А*) — в 1926 г., а II том (буква *Б*) — в 1931 г. Диалектологическую работу в Азербайджане возглавил проф. Н. И. Ашмарин, который составил программу для изучения говоров азербайджанского языка. Н. И. Ашмарин изучал нухинский говор, которому посвятил специальную монографию[18]; тогда же было подвергнуто обследованию склонение существительных в гянджинском диалекте[19]. Тем самым было положено начало научному изучению диалектов Азербайджана. В 30-е гг. Азербайджанский филиал АН СССР организовал ряд экспедиций по изучению говоров Шемахи (1933), Кубы (1934), Закатала и Казаха (1935). Из собранных материалов систематизированы и описаны были фонетические, морфологические и лексические особенности кубинских говоров[20]. В 1938 г. проф. М. Ш. Ширалиевым впервые была составлена «Программа по азербайджанской диалектологии для вузов», а затем были изданы его труды по диалектологии в двух томах. М. Ш. Ширалиев два года изучал бакинские говоры и написал монографию «Бакинский диалект», которая выдержала два издания (1942 г. и 1957 г.); последнее издание монографии отличается тем, что здесь раскрываются не только фонетические и морфологические особенности говоров, но также синтаксические и лексические стороны их.

Начиная с 1945 г. Институт литературы и языка АН Азерб. ССР возобновил работу экспедиций; в течение пяти лет (1945—1950 гг.) были собраны обширные материалы и выпущена монография «Говоры Муганской группы азербайджанского языка»[21]. За этот период изучены отдельные диалекты и говоры азербайджанского языка, написано и защищено более десяти кандидатских диссертаций, в том числе по карабахскому (П. Д. Агаев) и сальянскому (К. Т. Рамазанов) диалектам, по карягинским (И. М. Мамедов) и дманисскому (В. Т. Джангидзе) говорам, по говорам западных районов Апшеронского полуострова (А. Г. Велиев), по говорам Варташенского района (А. А. Гусейнов), Таузского района (Г. И. Джафаров) и района Маразы (Б. М. Ибрагимов), по азербайджанским говорам Басаргечарского района Армянской ССР (З. М. Велиев) и др. В 1958 г. А. Гусейновым было составлено учебное пособие «Азербайджанская диалектология»[22]. В 1956 г. в Баку проводилось совещание по вопросам координации диалектологии тюркских языков. В соответствии с решением совещания начиная с 1958 г. в Баку издается непериодический сборник «Вопросы диалектологии тюркских языков», два тома которого вышли в свет (т. I — 1958, т. II — 1960).

В области монографического описания диалектов Азербайджана проделана большая работа; это позволит в настоящее время широко применять методы лингвистической географии и приступить к составлению диалектных словарей и атласов.

*

Словарная работа в Азербайджане имеет давние традиции. Еще в средневековье составлялись многочисленные азербайджанско-арабские и азербайджанско-фарсидские словари; в XIX в. и в начале XX в. стали составляться русско-азербайджанские словари, объем которых был незначительным и перевод слов в которых часто был не вполне точным.

[17] См., например: Ћ. И. Мирзәзадә, Азәрбајҹан дилинин тарихи фонетикасына даир гејдләр, «Филолоҝи факултәсинин әсәрләри» (С. М. Киров ад. АДУ), 1958; М. Ш. Ширалиев, К вопросу развития азербайджанского литературного языка в советский период, «10 лет АН Азерб. ССР. 1945—1955» (Научная сессия. 23—27 апреля 1955), Баку, 1957; С. А. Халилов, Язык произведений Наджаф бека Везирова. Автореф. канд. диссерт., Баку, 1954; Э. Дәмирчизадә, М. Ф. Ахундов дил һаггында вә М. Ф. Ахундовун дили, Бакы, 1941.

[18] Н. И. Ашмарин, Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи («Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 6), Баку, 1926.

[19] См. И. Гасанов, Склонение имен существительных без притяжательных аффиксов в говоре, употребляемом коренным населением Ганджи («Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 5), Баку, 1926.

[20] См. Г. К. Багиров, Губа диалектинин фонетик-морфолоҝи вә лексик хүсусијјәтләринә даир хүласәләр, «Уч. зап. Азерб. гос. пед. ин-та иностр. языков», 2, Баку, 1959.

[21] «Азәрбајҹан дилинин Муган групу шивәләри», Бакы, 1955.

[22] А. Нусејнов, Азәрбајҹан диалектолоҝ, ијасы, Бакы, 1958.

В советское время один из первых русско-азербайджанских словарей был составлен С. М. Ганиевым[23]; словарь включал в себя 10 тысяч слов; азербайджанский перевод многих русских слов здесь был весьма неточен. В 1928—1929 гг. был издан «Русско-тюркский словарь» в двух томах под редакцией Р. Ахундова — видного партийного, государственного и общественного деятеля Азербайджана[24]. Этот словарь выгодно отличается от предыдущих своим объемом (30 тыс. слов) и точным переводом слов. В 1940—1946 гг. под редакцией проф. Г. Гусейнова был выпущен в свет четырехтомный «Русско-азербайджанский словарь», охватывающий 90 тысяч слов[25]. В этом словаре слова и термины были переведены точно, переносное значение каждого слова дано в предложениях. В исправленном и дополненном виде этот словарь был переиздан под редакцией доц. А. Г. Оруджева: I том его выпущен в 1956 г., II том — в 1959 г.

«Азербайджанско-русский словарь», изданный в 1941 г. под редакцией проф. Г. Гусейнова, включает в себя 17 тысяч слов. Для нашего времени этот словарь устарел; перед азербайджанскими лексикографами стоит задача создать отвечающий требованиям современности азербайджанско-русский словарь. С целью облегчить молодому поколению пользование классической литературой Азербайджана коллектив АзГУ им. С. М. Кирова подготовил «Краткий словарь арабских и персидских слов, употребляющихся в азербайджанском литературном языке» (Баку, 1960)[26]. Совместно со специалистами по отдельным отраслям науки языковеды создали более 40 терминологических словарей по всем отраслям науки. Теперь перед языковедами стоит задача издания «Толкового словаря азербайджанского языка».

В свое время еще М. Ф. Ахундов подготовил проект замены арабского алфавита латинским. Вскоре после установления Советской власти в Азербайджане на страницах прессы по вопросу изменения алфавита началась ожесточенная борьба между так называемыми реформистами и латинистами; о целесообразности изменения алфавита были написаны отдельные брошюры и монографии[27]. При ЦИК Азерб. ССР была организована специальная комиссия, в результате работы которой в 1929 г. в Азербайджане был введен латинский алфавит, способствовавший значительному повышению грамотности в этой республике. В 1940 г. латинский алфавит был заменен новым, разработанным на основе русского.

Много усилий было приложено также для упорядочения орфографии. В 1960 г. был переиздан орфографический словарь с учетом изменений, осуществленных в 1958 г. в азербайджанской орфографии. Начата работа в области орфоэпии, некоторые сведения по которой содержатся в трудах А. Демирчизаде и Кязим Зия[28]; по орфоэпии азербайджанского языка защищена кандидатская диссертация[29]. Истории азербайджанского советского языкознания посвящено исследование М. Касымова[30]; большую помощь языковедам окажет изданная недавно «Библиография литературы по азербайджанскому языкознанию (советский период)»[31], где работы (в том числе журнальные и газетные статьи), написанные как на азербайджанском, так и на русском языках, распределены по тематическим разделам. Из числа работ по общему языкознанию, написанных на азербайджанском языке, назовем последнюю по времени — «Основы языкознания» Г. Мамедова[32].

*

Итак, все вышеизложенное свидетельствует о том, что за годы Советской власти азербайджанское языкознание по всем своим отраслям — по грамматике, истории языка, диалектологии и др.— достигло больших успехов, хотя впереди еще предстоит много работы.

А. М. Демирчизаде
З. Х. Тагизаде

[23] С. М. Гәнијев, Русча-түркчә луғәт, Бакы, 1922.

[24] «Русча-түркчә луғәт», Бакы, I — 1928, II — 1929.

[25] «Русча-азәрбајҹанча луғәт», Бакы, I—1940, II—1941, III—1943, IV—1946.

[26] С этой же целью в 1945 г. Институт литературы и языка АН Азерб. ССР выпустил «Краткий персидско-русско-азербайджанский словарь».

[27] Из числа этих брошюр особо отметим: Ф. Ағазадә, Не үчүн әрәб һәрфләри түрк дилинә јарамыр, Бакы, 1923.

[28] Ә. Дәмирчизадә, Мүасир Азәрбајҹан дилинин фонетикасы; Кязым Зија, Сәһнә дили, «Әдәбијәт газети», 11 III 1944.

[29] А. Р. Эфендизаде, Орфоэпия азербайджанского языка. Автореф. канд. диссерт., Баку, 1954.

[30] М. Ш. Касымов, Развитие азербайджанского языкознания в советский период. Автореф. канд. диссерт., Баку, 1958.

[31] Ш. Сә'дијев, Азәрбајҹан дилчилијинә даир әдәбијјатын библиографијасы (Совет дөврү), Бакы, 1960.

[32] Н. Мәммәдов, Дилчилијин әсаслары, Бакы, 1961.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Чехословацкие языковеды, откликаясь на оживленные теоретические дискуссии в Советском Союзе, внесли свой вклад в разработку общих проблем марксистского языкознания на конференции, организованной в Праге Институтом чешского языка Чехословацкой Академии наук с 5 по 8 декабря 1960 г. Работа конференции сосредоточилась на трех основных циклах проблем: 1) методология марксистского

языкознания, 2) соотношения языка и мышления, 3) отношение развития языка к развитию общества.

В первом цикле было рассмотрено современное состояние методологии марксистского языкознания; подверглись критике методы позитивистского и идеалистического языкознания, культивируемого в США и Западной Германии, а также было обсуждено значение новых, особенно математических методов для марксистского языкознания. Большое внимание всех привлек доклад акад. Б. Гавранка (Прага) «Очередные методологические проблемы марксистского языкознания (см. SaS, 1961, 2). Докладчик сформулировал основные диалектические противоречия, характеризующие предмет лингвистики — язык. Именно потому, что в самой сущности языка как объективного общественного явления существуют эти противоречия, единственным адекватным методом познания сложной языковой действительности является материалистическая диалектика. Полное познание языка предполагает как изучение его современного состояния, так и историческое изучение, однако, с точки зрения коммуникативной функции языка и с точки зрения современных потребностей социалистического общества, на первый план выступает изучение современного состояния языка. К докладу Б. Гавранка примыкало выступление философа К. Косика (Прага), очень метко охарактеризовавшего вклад Карла Маркса в изучение понятия системы; это понятие следует считать одной из основных категорий марксистской онтологии.

Критическому анализу современного западного языкознания были посвящены доклады И. Польдауфа (Оломоуц) «Критика методов структуралистического языкознания, культивируемого в США» и Э. Скалы (Прага) «Критика лингвистического учения Лео Вейсгербера». [Доклад Польдауфа был дополнен выступлением И. Вахка (Брно) о лондонской лингвистической школе Й. Р. Фирта.] И. Польдауф, говоря о положительных сторонах американского дескриптивизма, одновременно указал и на его основной теоретический недостаток — изоляцию формальной и игнорирование смысловой сторон языка. Э. Скала, вскрывая идеалистические корни учения Вейсгербера, указал на отождествление им языка с мышлением и «духом» народа, ведущее к языковому национализму, который в настоящее время становится активным орудием реваншизма.

Большой интерес вызвали доклады о новых методах в марксистском языкознании. В докладе К. Горалка (Прага) «Применение новых методов в марксистском языкознании» говорилось об использовании в языкознании более точных методов исследования, применяемых другими науками, в том числе и математическими. С точки зрения частной методологии, лингвистику нельзя считать единой наукой; это комплекс дисциплин, применяющих разные специфические методы. С другой стороны, без предварительного решения ряда лингвистических вопросов (передача и обработка информаций, машинный перевод, управление машинами при помощи звуковой речи и т. д.) не могут решаться и проблемы кибернетики и автоматизации. Опыт работы по подготовке алгоритмов для машинного перевода отразил доклад П. Сгаллаи П. Новака (Прага) «Математические методы и марксистское языкознание», в котором была дана общая характеристика математических методов и моделей языка.

Доклад Л. Долежела (Прага) «Значение теории информации для марксистского языкознания» показал, что эта теория дает возможность понимать языкознание в самом широком смысле как науку о языковой коммуникации и применением теории вероятностей установить основные параметры языковой структуры. Смысл доклада сводился к тому, что количественное исследование языка необходимо не только для решения задач так называемой прикладной лингвистики, но также и для теоретического познания самой сущности языка как структуры статистического характера. Познание количественной стороны языковой системы, конечно, не может заменить качественного анализа; наоборот, оно должно исходить из качественного анализа, его категорий и снова к нему возвращаться.

Во втором цикле проблем дискуссия развернулась вокруг общих и конкретных вопросов соотношения между языком, мышлением и сознанием и вокруг понятия языкового знака. На конференции были обсуждены следующие теоретические доклады: философа Б. Валеграха (Братислава) «Формы отражения действительности и понятие языкового знака», лингвиста П. Троста (Прага) «Влияние языка на мышление» и логика К. Берки (Прага) «О значении современной формальной логики для языкознания». Доклады и дискуссия привели к заключению, что проблему языка и мышления следует рассматривать в более широких рамках соотношения языка и разных форм сознания. Язык есть специфическая условная знаковая система, которая функционирует как общественное средство контакта человеческих сознаний.

Конкретные вопросы соотношения языка и мышления в области синтаксиса и словарного состава были рассмотрены в докладах И. Ружички (Братислава) «Что выражается синтаксическими единицами?», Г. Горака (Братислава) «Отношение элементов языка и мысли в области словарного состава», М. Докулила и Я. Кухаржа (Прага) «Соотношение языка и мышления в структуре наименования», а также К. Гаузенбласа (Прага) «Специфические черты наименования в области терминологии». [Доклад акад. Ф. Травничка (Брно) «Синтаксические и лексические значения и средства, их познавательная сторона» не состоялся из-за болезни докладчика.] Хотя в деталях эта проблематика еще мало разработана, но в принципе ясно, что не-

достаточно ограничиваться упрощенным взглядом, закрепляющим за каждой единицей языка определенную единицу мышления. Толкование предложения только как выражения мысли и толкование слова только как выражения понятия является по меньшей мере односторонним.

При рассмотрении проблем третьего цикла (отношение развития языка к развитию общества) можно было опираться на надежную основу марксистского толкования общественного развития. Однако доклады В. Скалички (Прага) «Отношение развития языка к развитию общества», А. Едлички (Прага) «Отношение развития литературного языка к развитию общества», М. Елинка (Брно) «Влияние развития общества на развитие литературного чешского языка в период народного возрождения» и Е. Паулини (Братислава) «Развитие диалектов в отношении к развитию общества» показали, что и здесь еще много спорного. Особенно нуждается в разъяснении диалектика импульсов, исходящих из развития общества, и «внутренних законов» развития языка. До сих пор остается открытой проблема отношения случайности и детерминированности в развитии языка. Оживленную дискуссию вызвали вопросы развития чешского языка в настоящее время, которым был посвящен доклад Ф. Даneша (Прага) «Развитие чешского языка в эпоху социализма». В наши дни, особенно перед литературным чешским языком, стоят новые, но не всегда правильно понимаемые лингвистами задачи. С этими вопросами тесно связана проблематика современных отношений двух братских языков социалистической Чехословакии — чешского и словацкого,— подвергнутая основательному анализу в докладах Яр. Белича (Прага) «Взаимоотношения между национальными чешским и словацким языками в эпоху социализма» и Ш. Пециара (Братислава) «Взаимоотношение между чешским и словацким литературными языками в эпоху социализма». В настоящее время непосредственно политической задачей является поддерживание тех тенденций, которые ведут к укреплению контактов между обоими языками.

Итоги конференции показали, что языкознание в современной Чехословакии, преодолев первоначальные затруднения, находится на неуклонном подъеме. Решение основных проблем марксистской теории языка возможно только при сотрудничестве с представителями общественных и естественных наук, при комплексном подходе, вообще типичном для современной науки. Материалы чехословацкой конференции выйдут в 1962 г. отдельным сборником.

Л. Долежел (Прага)

17 марта 1961 г. на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР был прослушан доклад доктора филол. наук Р. Г. Пиотровского на тему «Энтропия русского языка»[1]. Своему сообщению о проведенном эксперименте докладчик предпослал введение о значении предлагаемой им методики исследования и изложил принципы эксперимента.

1. Практика автоматической переработки языковой информации ставит новые теоретические проблемы, в том числе и лингвистические. Одной из таких проблем является вопрос об избыточности языкового кода, о распространении селективной информации в единицах языкового сообщения (словах, словосочетаниях, предложениях).

Наличие объективных и точных сведений о распределении информации и избыточности в отдельных языках и в языке вообще стало бы теоретическим фундаментом при составлении эффективных и экономных алгоритмов для автоматической переработки языковой информации. Вместе с тем эти данные позволили бы производить количественные измерения структурных связей в языке, что в свою очередь дало бы возможность подойти к объективному разрешению таких теоретических вопросов языкознания, как причинность языковых изменений, прогресс в языке и т. д.

2. В теории информации разработан аппарат для измерения количества информации, содержащегося в сообщении и в составляющих это сообщение элементах. Мерой информации является количество неопределенности (энтропии), которое снимается в результате проведения данного опыта.

Общие приемы теории информации применимы и к языковым сообщениям (язык — важнейшее средство передачи информации). Используя аппарат теории информации, можно определить количество информации, содержащееся в букве (фонеме), слоге, слове, словосочетании, предложении, абзаце, главе, книге и т. п. На основании этих данных можно строить теоретико-информационные модели, характеризующие структуру отдельных языков и языка в целом [2].

Однако, чтобы точно определить количество информации, содержащейся в каждой из указанных единиц, необходимо иметь полное численное распределение вероятностей появления всех букв, фонем, слогов, словосочетаний и т. д. При этом необходимо знать, в какой позиции употреб-

---

[1] Настоящая хроника составлена по тезисам доклада и по материалам протокола заседания Ученого совета.

[2] Подробнее о применении понятий теории информации к языковому материалу см.: И. М. Яглом, Р. Л. Добрушин, А. М. Яглом, Теория информации и лингвистика, ВЯ,1960, 1; Е. В. Падучева, Возможности изучения языка методами теории информации, М., 1961 («Докл. на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста») [ротапринт]. О применении метода моделей в языкознании см. R. Piotrowski, Zagadnienia językoznawcze przekładu maszynowego, «Kwartalnik neofilologiczny», VIII, 1, 1961, стр. 31—37.

лен данный элемент (для букв, фонем, слогов — в начале слова, на 2-м, 3-м и т. д. местах в первом слове, на 1-м, 2-м, 3-м и т. д. местах во втором слове и т. д.) и какие языковые элементы ему предшествовали. Разумеется, для получения таких данных необходимо было бы проделать колоссальную счетную работу, выполнение которой заняло бы несколько десятков лет. Поэтому приходится искать упрощенных, хотя и менее точных методов определения количества информации в языковых элементах.

3. Одним из таких упрощенных приемов является эксперимент по отгадыванию букв неизвестных текстов (эксперимент Шеннона). В роли испытуемого выступает человек, хорошо владеющий данным языком. Используя свое интуитивное владение вероятностно-статистическими характеристиками языка (т. е. вероятностями появления той или иной буквы или слова в данной позиции), испытуемый шаг за шагом отгадывает по буквам неизвестный ему текст. Количество усилий (вопросов), затраченных на отгадку той или иной буквы, свидетельствует об ее энтропии, а отсюда — и о количестве информации, которая передается этой буквой.

4. На указанных выше принципах был построен эксперимент по определению энтропии отдельных участков (букв) русского текста. В качестве экспериментального материала было использовано 116 текстов длиной в 100—105 букв каждый (в среднем это простое распространенное или сложное предложение средней длины). Кроме того, в целях определения модели русского слова было обработано 550 отдельных слов. Всего отгадано более 15 тыс. букв.

5. Для отгадывания всего материала был избран один испытуемый — инженер по образованию. Степень объективности результатов работы этого испытуемого была проверена путем последующей выборочной проверки того же материала на двух других испытуемых (филологи). Отклонения в результатах не превышают $\pm 5\%$. При отгадывании текста испытуемые использовали: таблицы частотности букв и двубуквенных (двуфонемных) сочетаний, толковые и частотный словари русского языка.

6. Перед математическим расчетом данных проводилась лингвистическая обработка экспериментального материала с целью выявления «нулевой информации» (т. е. тех случаев, когда появление той или иной буквы полностью определено предыдущим текстом; ср. конечное *о* и идущий за ним пробел в слове *которого*), а также устранения лишнего количества вопросов.

7. В результате обработки материала определены:

а) верхняя граница энтропии — по формуле: $H' = -\Sigma P_i \log P_i$;

б) нижняя граница энтропии — по формуле:
$H''' = 2(P_2 - P_3) + 3(P_3 - P_4) \log_2 3 + \ldots + (n-1)(P_{n-1} - P_n) \log_2 (n-1) + nP \log_2 n$;

в) средний уровень энтропии, близкий к истинному значению энтропии,— по формуле:

$$H'' = (1 - P_0 - P_1) H_1 + P_1,$$

где P_1, P_2, ..., P_n — вероятности отгадки букв с одной, двух, ..., n попыток; P_0 — вероятность появления «нулей информации».

8. В результате обработки экспериментальных материалов получены данные об энтропии текстов: а) беллетристических, б) общественно-политических и научно-специальных, в) разговорных (в каждом из этих жанров отгадывалось по 33 текста). Кроме того, получены данные об энтропии русского текста независимо от жанра (модель количественного распределения информации в русском тексте). Эта последняя получена путем обработки 100 текстов различных жанров (30 литературных, 30 общественно-политических и научно-специальных, 25 разговорных, 15 поэтических).

9. Расчеты показывают, что энтропия (количество информации) русского текста на участке между 25-й, 100-й буквами равна ок. 1,5 дв. ед. (по Колмогорову, она лежит в полосе между 1-й и 2-й дв. ед.).

10. Особое внимание привлекает волнообразный (импульсный) характер количественного размещения информации в русском печатном тексте. Это связано, очевидно, с тем, что как устная, так и письменная речь воспринимается нашими органами чувств и перерабатывается соответствующими центрами мозга не непрерывно, но путем периодической отдачи накопленных квантов информации.

По докладу Р. Г. Пиотровского выступали: Н. Рычкова (МГУ, кафедра теории вероятностей), которая сделала ряд критических замечаний, указав прежде всего на неясность цели эксперимента, проведенного Р. Г. Пиотровским, лишь проверяющего, по ее мнению, эксперимент Шеннона. К тому же верхняя и нижняя границы энтропии определены, подчеркнула Н. Рычкова, докладчиком неточно: эксперимент не может дать таких границ, а даст только приближение к ним. Г. Г. Белоногов (Институт связи) указал на значительный интерес работы Р. Г. Пиотровского, имеющей большое значение не только для прикладного, но и для общего языкознания. Статистическая структура русского языка изучена плохо, и надо всячески приветствовать подобные эксперименты. Данные, полученные нами при статистическом изучении русского языка, сказал Г. Г. Белоногов, совпадают с данными Р. Г. Пиотровского. В связи с этим оказывается, что сообщение при оптимальном кодировании можно сокращать в три раза. В. И. Григорьев (Институт связи) также характеризовал работу Р. Г. Пиотровского положительно, указав, в частности, что изучение энтропии необходимо для техники связи. Энтропия показывает, какого выигрыша можно добиться кодированием текста. Теория информации может быть использована вообще для автоматики, в линг-

вистике же и для ряда частных задач — реферирования текстов, определения слога и т. д. В методику эксперимента, взятого в основном у *Шеннона*, Р. Г. Пиотровский внес несомненно важные поправки.

Р. Г. Пиотровский в заключительном слове, поблагодарив за сделанные замечания, согласился, что слабой стороной его эксперимента является определенный субъективизм, проявляемый каждым испытуемым. Однако полученные таблицы говорят о малом проценте погрешности и о близости результативных данных к объективным.

В Москве с 10 по 13 апреля 1961 г. состоялось совещание по топонимике Востока. В совещании приняли участие члены Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР, научные работники из институтов АН СССР: Института народов Азии, Института географии, Института этнографии, из Института восточных языков МГУ, а также ряда других научных организаций Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента и пр. Совещание обсудило 30 докладов, 3 реферата и ряд сообщений.

В. А. Никонов в вводном докладе отметил, что топонимы Востока, насчитывающие тысячелетия существования,— незаменимый исторический источник, особенно ценный там, где отсутствуют древние письменные памятники, как в Африке. С докладом об изучении древнеиндийской топонимии выступил В. Н. Топоров. Углубленные исследования по топонимии Индии, отметил докладчик, только начинаются и пока ограничиваются лишь несколькими разрозненными статьями, написанными в сравнительно-историческом или этимологическом плане. На топонимике было построено решение некоторых этногенетических проблем в докладах Р. Ш. Джарылгасиновой, Л. Р. Концевича (по Корее) и С. А. Арутюнова (по Японии). В докладе «Очередные задачи по изучению афганской топонимии» М. Г. Асланов указал, что многовековая бурная история Афганистана обусловила пестрый состав его населения и наличие многих исторических наслоений. Это нашло свое отражение и в афганской топонимии, для изучения которой требуется знание ряда языков — пушту, фарси, арабских, индийских и других. Г. Г. Стратанович остановился на проблемах уточнения этнонимов и топонимов на картах Юго-Восточной Азии, отметив, что страны Юго-Восточной Азии все шире включаются в международные контакты, в то время как существующие географические, этнические и другие карты этих стран не отвечают современным требованиям. Большинство докладов носило более или менее частный, конкретно-региональный характер (доклады Э. М. Мурзаевао топонимике Синьцзяна, В. В. Цыбульского об античной топонимии Малой Азии, А. П. Дульзона о гидрономическом ареалмане в южной части Сибири).

На совещании отмечалось огромное политическое, экономическое и культурное значение транскрипции географических названий, устанавливающей единую и точную передачу их, основанную на уважении к каждому народу и его языку. Проблема транскрипции географических названий вызвала большую дискуссию. Трудность, заключающаяся в отсутствии не только знаков алфавита, но и самих звуков для передачи иноязычных названий, усугубляется наслоившимися пережитками. О работе по упорядочению этого дела рассказано в докладах М. Б. Волостновой, Г. И. Донидзе, Е. М. Поспелова.

К совещанию крупнейшими библиотеками столицы (Библиотекой им. Ленина, Библиотекой иностранной литературы, Исторической библиотекой) были организованы богатые выставки топонимической литературы. Труды совещания будут опубликованы Издательством восточной литературы.

Л. С. Матвеева (Москва)

9—10 мая 1961 г. состоялось общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР. С докладом «О состоянии и перспективах развития филологической науки в свете Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 апреля 1961 г.» выступил академик-секретарь Отделения акад. В. В. Виноградов.

В Постановлении, сказал докладчик, отмечается, что в связи с развитием советского общества и переходом его от социализма к коммунизму задачи науки все более расширяются и углубляются. Наука стала подлинно народной. Ее достижения используются для успешного развития народного хозяйства, подъема материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Перед советской наукой встают новые задачи, решение которых требует иной организации научно-исследовательских работ в стране.

Подробно остановившись на основных положениях Постановления ЦК КПСС и Совета Министров от 3 апреля 1961 г. «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР», В. В. Виноградов указал, что это Постановление должно решительно отразиться на организации работы институтов Отделения литературы и языка и направлении их деятельности в разработке проблем литературоведения и языкознания. Особо подчеркнув необходимость ликвидации ненужного параллелизма в выполнении научных исследований, на что в связи с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР указывается и Президиумом АН СССР, В. В. Виноградов наметил основные задачи, которые сейчас стоят перед Отделением литературы и языка АН СССР: усовершенствование координации работы по объединению всех научных исследований в области литературоведе-

ния и языкознания; изучение народного творчества в пределах всего Советского Союза, научно-методическое руководство научно-исследовательскими учреждениями академий наук союзных республик и высших учебных заведений по теоретическим проблемам; сближение научных исследований с потребностями культурного общества, с развитием культуры народов Советского Союза; улучшение подготовки кадров; осуществление научных связей с научными учреждениями зарубежных стран.

Президиум АН СССР, сказал В. В. Виноградов, предлагает Отделению уточнить в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР основные направления научных исследований на текущее семилетие. Предлагается также пересмотреть профили и структуру наших институтов и обсудить организационные формы координации научных исследований, а также существующую сеть научных советов и комиссий АН СССР.

Затем докладчик познакомил общее собрание с проблематикой лингвистических и литературоведческих научных исследований. Эта проблематика была выработана на заседаниях ученых советов институтов, на заседаниях Бюро Отделения, а также специально организованных комиссий.

В области языкознания предлагается сосредоточить научно-исследовательскую работу на семи основных направлениях, которые, в свою очередь, делятся на ряд проблем: 1) теория советского языкознания: а) марксистское учение о языке как общественном явлении и закономерностях его исторического развития, б) язык как система и основные единицы языка, в) теория лексикографии, г) принципы изучения языка художественной литературы и вопросы стилистики, д) критика современных буржуазных лингвистических теорий; 2) структурная и прикладная лингвистика: а) методы структурного анализа языков, б) математическое и статистическое изучение языков, в) машинный перевод как лингвистическая проблема, г) проблемы прикладной лингвистики; 3) сравнительно-историческое изучение родственных языков: а) сравнительно-историческое изучение грамматических и фонологических систем языков, б) сравнительная лексикология и этимологические исследования; 4) закономерности исторического развития разговорных и литературных языков; 5) сравнительно-типологическое изучение структур языков: а) взаимодействие языков, б) сравнительно-типологическое изучение структур языков; 6) грамматический и лексический строй современных национальных языков: а) описание и анализ грамматического и фонетического строя языка, б) исследование словарного состава языков; 7) пути развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму: а) принципы языковой политики в Советском Союзе и других социалистических странах, б) закономерности взаимодействия и развития языка в социалистическом обществе, в) принципы и приемы изучения речевых жанров, г) нормализация языка и культуры речи. Далее В. В. Виноградов остановился на отдельных замечаниях, исходивших от институтов Отделения.

В принятой общим собранием резолюции подведен итог состоявшемуся обсуждению. В резолюции отмечается, что собрание горячо одобряет Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР» и считает первоочередными задачами: в области литературоведения — расширение на основе марксистско-ленинской методологии основных научных проблем, связанных с современным литературным развитием и практикой культурного строительства; в области языкознания — углубление марксистско-ленинской теории функционирования языка в обществе и его соотношения с другими общественными явлениями, выяснение реальных перспектив дальнейшего развития национальных языков СССР. Общее собрание в основном одобряет изложенную В. В. Виноградовым проблематику научных исследований институтов Отделения на текущее семилетие.

М. А. Бакина (Москва)

11 мая 1961 г. на заседании Ученого совета Института русского языка АН СССР был заслушан доклад ст. научн. сотр. Е. А. Земской «Об основных процессах в истории словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в.»[3]. Отправным пунктом доклада явилось положение о том, что изменения в соотношении функционально близких или тождественных элементов в синхронной системе языка являются фактором его исторического развития. Рассмотрению подверглись словообразовательные процессы двоякого рода: а) обусловленные имманентным развитием словообразовательной системы литературного языка и б) происходившие под влиянием внешних импульсов.

Процессы первого типа были подчинены интенсивному развитию категории качества, одним из результатов которого явилась замена отглагольных и отсубстантивных прилагательных со значением широкого недифференцированного отношения формами производящих основ. Это нашло свое отражение в угасании продуктивности притяжательных прилагательных с суффиксами *-ов*, *-ин* и прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, образованных от основ существительных неодушевленных, и вытеснении их близкими по функции формами косвенных падежей существительных, в развитии качествен-

[3] Доклад является частью главы, подготовляемой Е. А. Земской для «Очерков по истории русского литературного языка XIX в.», над которыми в настоящее время работает сектор истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР.

ных значений у отыменных прилагательных с суффиксом *-ск-* и его производными *-овск-*, *-инск-*, в ослаблении глагольных процессуальных значений у отглагольных прилагательных с суффиксами *-л-* и *-тельн-*, а также в развитии словообразовательных типов прилагательных (например, на *-цкий* и *-ствующий*), выражающих экспрессивную оценку признака через его отношение к явлению, названному основой.

В процессах второго рода проявилось активное иноязычное и диалектно-просторечное влияние, а также влияние специальных сфер литературной речи. Из других языков в русский литературный язык XIX в. проникают и приобретают словообразовательную активность приставки *анти-*, *архи-*, *ультра-* и суффиксально осложненные основы, обраставшие на русской почве суффиксами *-н-*, *-енск-*, в результате чего образовывался сложный сплав иноязычного и русского аффиксов (*-ическ-*, *-ичн-*, *-альн-*, *-ональн-*, *-уальн-*, *-(т)ивн-*, *-ионн-*, *-арн-*, *-озн-*, *-абельн-*). В это же время создаются многие словообразовательные кальки, повторяющие значения иноязычных образцов [ср. прилагательные с приставками *сверх-* (нем. *über*), *над-* (лат. *super*), *вне-* (лат. *extra*), *противо-* (лат. и франц. *anti*)]. Из местных диалектов и просторечия в русский литературный язык в конце XVIII в. входит ряд морфем, формирующих экспрессивные словообразовательные типы прилагательных (с приставками *раз-*, *рас-*, *пре-*, с суффиксами *-енный*, *-ущий*) со значением меры или степени качества, а также некоторые способы сочетаемости аффиксов и основ (присоединение суффикса *-ов-* к глагольным и глагольно-именным основам). Одновременно с проникновением в сферу общелитературного выражения специальной и терминологической лексики шло усвоение литературным языком некоторых способов словообразования, свойственных первоначально лишь специальным стилям литературной речи. Так, охватывая все больший семантический круг основ, во второй половине XIX в. проникает в публицистические стили образование прилагательных с суффиксом *-ск-* от существительных на *-ение*, являвшееся прежде приметой канцелярско-делового стиля (позднее осложнение суффикса в результате переразложения: *-енский* — *-(ен)ческий*). Из сферы научной речи в общелитературный язык проникают модели прилагательных с приставками предложного происхождения, уже в сферах общелитературного языка расширяющими свои связи с разного рода производящими основами, развивающими новые значения и новый способ (собственно-префиксальный) прилагательных с такими приставками, семантически соотнесенных с предложными конструкциями.

Судьба всего этого языкового материала независимо от его источника и времени появления в литературном языке была подчинена в XIX в. общей закономерности изменения соотношения функционально близких или тождественных элементов внутри системы литературного выражения. Эта закономерность нашла свое отражение в сокращении вариантности словообразовательных типов и в устранении полисемии словообразовательных аффиксов, чем и был обусловлен временный характер сосуществования вариантных форм: в определенный момент одна форма вытесняла другую, как это было, например, с прилагательными, образованными при помощи суффиксов *-н-* и *-ов-*, *-ическ-* и *-ск-*, *-ическ-* и *-н-*, и с прилагательными с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, с одной стороны, и *-альн-*, *-ивн-*, *-уальн-*, *-ионн-*, *-арн-*, *-озн-*, *-абельн-* и др., с другой, или происходила дифференциация значений (прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-*). В этой борьбе выживали обычно образования, в которых значение аффиксов было внутренне единым, скрепленным инвариантным стержнем. Выражение значений угасающих типов переходило к новым аффиксам, не обремененным многозначностью (так, у прилагательных с приставками *над-* и *сверх-*, *по-* и *после-* второй член пары оказался более устойчивым). Тенденция к устранению многозначности словообразовательных морфем, развивавшаяся в русском литературном языке XIX в., нашла яркое проявление и в истории суффиксальных типов прилагательных, что отражается в размежевании значений отглагольных прилагательных с суффиксами *-н-* и *-лив-* и отсубстантивных с суффиксами *-оват-* и *-ист-*, отчасти *-аст.*

*

В обсуждении доклада приняли участие: доктора филол. наук П. С. Кузнецов, С. И. Ожегов, Н. С. Поспелов, Н. Н. Прокопович, А. Б. Шапиро, Н. Ю. Шведова, ст. научные сотрудники И. С. Ильинская, В. Н. Сидоров, Ю. С. Сорокин, канд. филол. наук Н. С. Авилова и В. А. Никонов. В выступлениях была отмечена ценность попытки автора установить два типа словообразовательных процессов в русском литературном языке XIX в., обусловленных имманентным развитием его словообразовательной системы и находившихся под влиянием идущих извне импульсов.

Общее внимание и наибольшее количество различных замечаний вызвало положение докладчика о росте категории качественности в русском литературном языке XIX в. Наряду с высказанным в связи с докладом требованием четкого отграничения явлений словообразовательного порядка от лексических подчеркивалась необходимость усиления стилистического аспекта в изучении словообразовательных процессов русского литературного языка XIX в. и выработки четкого представления о границах литературного языка и его стилей.

Выступавшими была особо отмечена широта привлеченного докладчиком фактического материала, одобрен метод исследования, при котором в центре внимания оказывается не судьба отдельных словообразовательных типов, а процессы их взаимодействия. *И. А. Старкова* (Москва)

С 15 по 18 мая 1961 г. в Институте русского языка АН СССР проходило восьмое диалектологическое совещание, в работе которого приняли участие представители высших учебных заведений и научных учреждений страны. Совещание было посвящено итогам диалектологической работы за 15 лет и перспективам ее дальнейшего развития. Особое внимание было уделено новому и важному участку работы — диалектной лексикографии.

Во вступительном слове акад В. В. Виноградов указал, что задачи, стоящие перед диалектологией, следует связать с общими задачами языкознания. В настоящее время главными направлениями, по которым должно развиваться советское языкознание, являются: теория языкознания, структурная и прикладная лингвистика, сравнительно-историческое изучение языков, закономерности исторического развития отдельных языков и диалектов, сравнительно-типологическое изучение языков, изучение грамматического и лексического строя языков, исследование путей развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму. Диалектологические исследования должны способствовать разрешению проблем, возникающих на указанных направлениях.

В. В. Виноградов отметил далее, что в плане подготовки к V съезду славистов поставлены широко сформулированные темы, затрагивающие и вопросы диалектологии. Такова, например, проблема классификации славянских языков и их диалектов в связи с данными и задачами созданных и создаваемых атласов этих языков. Останавливаясь на задачах диалектологии, связанных с проблемами изучения русского языка, В. В. Виноградов подчеркнул, что сейчас важно перевести диалектологические исследования в исторический план с привлечением материалов письменных памятников. В плане изучения системы современного языка возникает проблема исследования всего многообразия живой устной речи. В заключение В. В. Виноградов призвал участников совещания к широкой научно-лингвистической пропаганде.

В. Г. Орлова (Москва) в докладе «Изучение говоров русского языка за последние 15 лет и наши очередные задачи» показала, что русская советская диалектология находится на качественно новом этапе своего развития. Богатый материал, собранный для атласов русских народных говоров, и первоначальный анализ значительной части этого материала (в виде карт и сопроводительных статей четырех подготовленных атласов) дали представление об общей структуре говоров русского языка на территории Европейской части СССР. Теперь назрел переход к интерпретации данных лингвистической географии и созданию теоретических работ обобщающего характера.

Наряду с обзором того, что уже сделано и делается в этом направлении, в докладе были намечены перспективы диалектологической работы. Среди наиболее актуальных в настоящий момент задач В. Г. Орлова назвала следующие: разработка истории русского языка позднего периода и обогащение исторической фонетики и морфологии русского языка данными исторической диалектологии, с тем чтобы осветить процесс развития русского языка во всех его ответвлениях и на всем протяжении его существования; разрешение вопроса о генезисе основных групп великорусских диалектов; изучение процессов нивелировки говоров; создание диалектных региональных словарей по основным массивам русских говоров, что помогло бы выявить лексические различия русского языка и решить многие вопросы исторической лексикологии, а также создало бы базу для этимологических исследований восточнославянской лексики. В некоторых из названных областей уже проделана значительная работа, но многие вопросы еще ожидают обработки. В. Г. Орлова сообщила, что в Институте русского языка АН СССР решено в ближайшее время создать для высшей школы курс диалектологии, отражающий современный уровень этого раздела науки.

В ряде докладов были отражены итоги изучения русских говоров на базе собранного и картографированного материала диалектологических атласов.

Доклад И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко (Москва) «О синтаксических различиях русских говоров» был связан с изучением структуры говоров русского языка в синхронном плане. В нем намечена типология диалектных различий в области синтаксиса. На основании изучения обширного материала показано, что различительные явления в области синтаксиса русских говоров в большей степени касаются категории словосочетания и в меньшей — категории предложения. Картографирование изучаемого материала показало, что синтаксические различия могут приниматься во внимание при установлении группировки говоров. Л. И. Баранникова (Саратов) на материалах, собранных для атласа и для областных словарей, осветила некоторые особенности современного состояния диалектной лексики: значительное стирание лексических различий и заметное разрушение диалектной лексической системы, что должно учитываться при работе над диалектными словарями. В докладе О. Н. Мораховской (Москва) «Итоги исследований вокализма первого предударного слога после твердых и мягких согласных в русских народных говорах» выявлены новые возможности и аспекты исследования вокализма первого предударного слога в связи с новыми материалами, собранными для атласа. В современных исследованиях приобретает все большее значение изучение вокализма говоров как определенных структур, для моделей которых характерны свои, в каждом случае типичные отклонения. Такие аспекты исследования являются продуктивными для решения вопросов генетического порядка. В докладе были изложены те по-

правки, которые внесло картографирование в наши представления о распространенности типов вокализма и о территориях их распространения. О. Н. Мораховская затронула также вопрос об упорядочении терминологии, связанной с явлениями безударного вокализма.

В докладах Е. П. Луппповой (Ленинград) «К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области» и Г. А. Турбина (Челябинск) «Русские говоры на Южном Урале в связи с историей заселения края» была дана характеристика обширных территорий русских говоров. Е. П. Луппова выделила среди диалектных особенностей консонантизма говоров Кировской области три группы черт в зависимости от их распространения. В связи с этим она охарактеризовала территориальное деление кировских говоров. Г. А. Турбин, рассмотревший географическое распределение и состав русских говоров на Южном Урале, указал на необходимость создания карты русских говоров Урала. Он отметил ошибочность отнесения всех говоров Челябинской области к северновеликорусскому наречию на карте МДК 1915 г.

Конкретным особенностям отдельных говоров были посвящены доклады И. А. Попова (Ленинград) «Некоторые особенности неударного вокализма Павловского и Острогожского районов Воронежской области» и В. И. Чагишевой (Ленинград) «Об одном из значений предлога *от* в говоре с. Журиничи Брянского района Брянской области».

Другая группа докладов была посвящена вопросам теории и практики составления диалектных словарей. С докладом «Типы диалектных словарей» выступил И. А. Оссовецкий (Москва), уделивший основное внимание вопросу о тесной зависимости между объемом и качеством диалектного лексического материала и характером его лексикографической интерпретации, т. е. типом словаря. В зависимости от характера исходного материала на базе диалектной лексики можно строить словари: одного говора и многих говоров; полный и дифференциальный [4]; словарь только современной диалектной лексики и словарь, включающий диалектную лексику памятников письменности; словарь, построенный на лексике, отобранной по тематическому принципу (словарь производственной терминологии, ремесел и т. п.); словарь художественной формы диалекта, т. е. словарь фольклора, и др. Г. Г. Мельниченко (Ярославль) в докладе «Об использовании старых словарей при составлении новых региональных словарей» высказал мнение, что региональный словарь должен отражать диалектную лексику не только живых народных говоров, но и письменных источников, относящихся к данной местности. Наиболее правильным путем использования старых словарей докладчик считает предварительное составление сводного словаря, объединяющего материалы всех старых словарей (таковым является составленный им «Краткий ярославский областной словарь»). В дальнейшем Г. Г. Мельниченко предполагает сопоставление этого словаря с данными современных говоров, а затем составление нового словаря на основе всех имеющихся материалов.

Е. А. Некрасова (Москва) в докладе «Картотека словаря одного говора» поделилась теми соображениями, которые вытекают из опыта ведущейся в Институте русского языка АН СССР работы над словарем одного говора на территории рязанской мещеры. Затронув многие практические вопросы, она особо подчеркнула, что накопление обильного иллюстративного материала является необходимым условием для полного и точного толкования значений слов. М. Н. Янценецкая (Томск) рассказала о типах диалектных фразеологизмов, установленных на материале говоров Томской области, и о принципах помещения этих фразеологизмов в региональном словаре. С критическими замечаниями по присланным для обсуждения словарным статьям выступила Т. С. Коготкова (Москва). На совещании был заслушан и обсужден ряд сообщений о широко ведущейся словарной работе на местах.

В прениях по докладам было отмечено, что в большинстве докладов отразилось современное состояние русской диалектологии, характеризующееся переходом к обобщающим исследованиям, в том числе и исследованиям теоретического характера. Выступавшие с удовлетворением отметили, что большинство докладов было представлено научными работниками вузов страны, что является положительным результатом координационной работы, которая проводилась Институтом русского языка в течение ряда лет. Во многих выступлениях указывалось на назревшую потребность публикации новых материалов, диктуемую задачами развития диалектологии и практическими нуждами высшей школы.

С. И. Ожегов (Москва) затронул вопрос о необходимости подвергнуть специальному изучению процессы нивелировки говоров и взаимодействия их с литературным языком. Учитывая существенные сдвиги в становлении литературных норм в связи с широким проникновением народных тенденций в литературный язык, С. И. Ожегов подчеркнул необходимость изучения всех этих процессов. Он указал на особое значение собирания диалектных материалов в соответствии с такими аспектами исследования, а также широкой популяризации научных достижений в области русской диалектологии. Н. И. Толстой (Москва) отметил в своем выступлении важность широко поставленной работы по составлению словарей русских говоров на основе единых методологических установок. Эта работа особенно важна в связи с новыми задачами

[4] Подробнее см. в статье: И. А. Оссовецкий, О составлении региональных словарей, ВЯ, 1961, 4.

структурной лингвистики в области лексикологии. В выступлении Ф. Т. Жилко (Киев) указывалось на необходимость внедрения экспериментальных методов в изучение фонологической системы восточнославянских языков. Особенно оживленный обмен мнениями состоялся по вопросам, связанным с составлением региональных словарей.

В своем решении в качестве первоочередных задач диалектологов-русистов совещание наметило: завершение работы по составлению диалектологических атласов, дальнейшее развертывание работы над областными словарями, осуществление на базе этих работ теоретических исследований в области диалектологии и общего языкознания, широкое применение при изучении проблем русской диалектологии методов лингвистической географии. Совещание подчеркнуло, что особое значение приобретает создание работ, популяризирующих научные достижения в области русской диалектологии на современном этапе ее развития.

Е. Г. Бурова, О. Н. Мораховская (Москва)

В Ростове-на-Дону с 22 по 24 мая 1961 г. проходило второе совещание языковедов юга России и Северного Кавказа. На совещание, посвященное проблеме связи слов в словосочетании и предложении, были представлены 20 докладов.

Е. В. Кротевич (Киев) сделал два доклада. В первом из них, озаглавленном «Словосочетание и синтагма», докладчик определил словосочетание как соотносительное со словом синтаксическое единство слов подчинительного характера, сужающее семантику господствующего слова. Оно является минимальным контекстом для полнозначного слова. Словосочетание имеет внутреннюю и внешнюю форму. Внутренняя форма — это совокупность всех формально-грамматических средств, которыми выражаются синтаксические отношения между словами словосочетания (*молодой актер, актер-трагик, актер драмы, актер поневоле*). Внешняя форма — это то, чем связывается господствующий член словосочетания с другими словосочетаниями или отдельными словами в предложении. Е. В. Кротевич предлагает различать словосочетания простые, сложные, расширенные и слитные. Вне предложения словосочетание обладает стабильным порядком слов, в предложении этот порядок может быть нарушен. Структурно-синтаксические свойства языков, в том числе и близкородственных, обнаруживаются больше в словосочетании, чем в предложении. В отличие от словосочетания синтагма не может существовать вне предложения. В зависимости от контекста обстоятельств и других причин синтагматическое деление предложения может быть различным. Синтагма — категория стилистико-синтаксическая. Во втором докладе Е. В. Кротевича «Художественная речь и ее отношение к языку, к категориям мышления и явлениям действительности (в порядке постановки вопроса)» говорится о специфике художественной речи, представляющей собой мышление в образах, ощущениях и представлениях. Речь писателя более выразительна, своеобразна, индивидуальна, эмоциональна, чем обыденная речь. Докладчик устанавливает отношение художественной речи к языку, категориям мышления и явлениям действительности.

П. В. Чесноков (Таганрог) в докладе «О предикативных и модальных связях в предложении» отметил, что предикативная связь расщепляет целостную мысль на противоположные части, а не соединяет их в одно целое. Под предикативными связями, отражающими отношение мысли к действительности, он понимает не только связь сказуемого с подлежащим, но и любые связи сказуемого с другими членами предложения, а также любые связи главного члена односоставного предложения с второстепенными членами. Модальная связь выражает характер отношения содержания предложения (мысли) к действительности. Если предикативная связь разъединяет мысль в предложении на две противоположные части, то модальная связь, наоборот, соединяет их.

Доклад А. А. Дыброва (Ростов-на-Дону) «Связь слов в безличных предложениях как фактор, влияющий на степень их „безличности“» был посвящен выявлению влияния связи слов на степень безличности в безличных предложениях. Докладчик утверждает, что полной безличностью обладают предложения, сказуемое которых выражается безличными глаголами и неглагольными образованиями; в безличных (в том числе и безлично-инфинитивных) предложениях с дательным или творительным субъекта степень безличности уменьшается, и они сближаются с двусоставными предложениями.

Б. И. Скупский (Дагестан) в докладе «Из наблюдений над согласованием сказуемого с подлежащим в числе в старославянских памятниках» сообщил о результатах своих наблюдений над согласованием сказуемого с подлежащим в числе в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом, Остромировом евангелиях и Саввиной книге. В ряде случаев им учитываются соответствия с греческим текстом евангелия. В старославянском языке в определенных условиях сказуемое и подлежащее ставились во множественном числе там, где в современных славянских языках обычным является единственное число. Это отмечено, когда подлежащее или сказуемое выражены неличными местоимениями или прилагательными, неопределенными числительными и собирательными существительными (*градъ, народъ и братия*).

З. Д. Попова (Воронеж) в докладе «Виды примыкания в современном русском языке», используя метод сопоставления словосочетаний, связанных способом примыкания, с синонимичными и аналогичными конструкциями, различает четыре вида примыкания: одностороннее примыкание зависимого слова к главному (словосочетания глаголов с наречиями,

целевой инфинитив), взаимное лексико-грамматическое объединение слов (субъектный инфинитив и инфинитив при безличном сказуемом), одностороннее притягивание зависимого слова главным (объектный инфинитив), одностороннее приспособление формы зависимого слова к форме главного (связь глагола с деепричастием).

Г. А. Золотова (Москва) в докладе «О связях слов в предложении», анализируя случаи связи, которые осложняют традиционное представление о подчинительных и предикативных связях слов в предложении, вносит уточнение в понятия примыкания и управления, отграничивая от управляемых форм косвенных падежей формы конструктивно обусловленные и функционально обусловленные. В докладе показаны двусторонние связи слов в предложении, объясняемые взаимодействием подчинительных и предикативных отношений. Подчинительные связи усложняются, когда слово распространяет не одно слово, а целое словосочетание, предложение и, с другой стороны, распространяется вторично функционирующим словосочетанием и целым предложением.

И. А. Фигуровский (Елец) в докладе «Влияние внешних связей (между предложениями) на связь слов внутри предложения (порядок слов, ритмомелодия)» исследовал влияние связей между предложениями на связь слов внутри предложения. Докладчик доказал, что на связь слов внутри предложения сильно влияют связи между законченными предложениями целого текста. Особенно заметно это на порядке слов и на ритмомелодии. Порядок слов оказывается средством связи слов в предложении. Его изменение под влиянием внешних связей приводит к изменению норм в использовании морфологических и ритмомелодических средств. Влияние внешних связей обычно сказывается на втором, третьем и т. д. предложениях целого текста.

М. К. Милых (Ростов-на-Дону) в докладе «Распространение слова предложением» отметила, что характер подчинения придаточного предложения главному неодинаков; это зависит от значения поясняемого слова и от отношения к нему придаточного предложения. В связях придаточного предложения с главным можно усмотреть общие черты со связями слов в словосочетании: придаточное предложение или управляется одним из слов главного предложения, когда относится непосредственно к полнозначному, но семантически не законченному слову главного предложения; или согласуется с ним, когда относится к местоименному указательному слову главного предложения или к второстепенному члену; или примыкает к главному предложению, когда не является обязательным для семантического дополнения одного из слов главного предложения и когда союз свободно сочетается с семантически разными группами глаголов.

В первом докладе С. А. Фессалоницкого (Владимир) «О словарях употребления косвенных падежей» подчеркивается, что до сих пор изучались значения падежей, исследовались словосочетания не только с разными подчиненными, но и с разными подчиняющими словами. Сейчас назрела необходимость описать употребление всех косвенных падежей при одном слове. Теоретическое и практическое значение подобных словарей очевидно: они послужат основой для уяснения связи лексики и грамматики, изучения словосочетания, обучения правильному употреблению косвенных падежей и т. п. Во втором докладе «Проблема лексико-грамматического употребления отдельного слова» С. А. Фессалоницкий предлагает различать общенародное, стилевое и индивидуальное употребление слова. Употребление слова — это его связи в контексте. Лексическое и грамматическое употребления слова тесно связаны.

В. И. Собинникова (Воронеж) в докладе «Предложное управление в языке воронежских грамот конца XVII — начала XVIII вв.» выделяет пять видов управления: сильное — если господствующее слово оказывается недостаточным без зависимого слова; факультативное — если зависимое слово тесно связано с господствующим, но последнее не требует обязательного присутствия зависимого слова; слабое — при слабой связи падежной формы с господствующим словом и зависимости ее от предложения в целом; конструктивно обусловленное — если обязательная постановка падежной формы связана с определенной конструкцией (*а та помога чинилась от них* ***девицких жителей***); выраженное двойной зависимостью падежной формы (***У него Бориса*** *правая нога выше колена и около поясницы гниет*). Воронежские грамоты отражают некоторые явления исторического развития управления: становление управления на месте паратаксиса, образование зависимостей второй степени, закрепление места предлога, замену старых беспредложных конструкций предложными, образование новых предлогов и т. д.

В. П. Малащенко (Ростов-на-Дону) сделал доклад «Роль предлогов в оформлении синтаксических отношений». Он утверждает, что конкретные смысловые отношения в предложном словосочетании выражаются лексическим значением господствующего и зависимого слова и предлогом и что предлоги имеют самостоятельное лексическое значение. Средствами связи в предложных словосочетаниях являются сильное и слабое управление, примыкание, свободное присоединение (***Перед ночным походом*** *ребята варили кашу*) и координация (в предложении ***Работник без*** *инициативы*).

В. М. Никитин (Рязань) сделал два доклада. В первом докладе «Схема глаголов по характеру связи с ними косвенных падежей существительных», в зависимости от характера связей глаголов с управляемыми косвенными падежами существительных, он устанавливает семь групп глаголов: собственно-переходные (*Съел хлеб*), косвенно-переходные (*Достиг успеха, На-*

деялся на встречу), глаголы двупадежного управления (*Доложил о случившемся начальнику*), глаголы двойного употребления — то с косвенным падежом, то без него (*писать, смотреть*), глаголы варьирующего управления (*говорить о деле — говорить про дело*), глаголы факультативного употребления с косвенным падежом или с наречием (*сидеть в комнате — сидеть дома*) и глаголы допустимого, но не обязательного употребления с косвенными падежами — глаголы движения, состояния, изменения и т. п. (*ехать, умываться*). Второй доклад В. М. Никитина был посвящен «основным случаям варьирования и соотносимости с наречиями косвенных падежей, выступающих в роли обстоятельства».

Е. А. Черницына (Рязань) выступила с двумя докладами. В первом докладе «Варьирование форм зависимого слова в словосочетаниях, выражающих причинные отношения, в современном русском языке» анализируются синонимичные предложные словосочетания, выражающие указанные отношения. Докладчица установила, что основной формой выражения причинных отношений является род. падеж с предлогом *из-за*; редки в том же значении дат. падеж с предлогом *по* и вин. падеж с предлогом *за*. В разных стилях языка предпочитаются те или иные конструкции с причинным значением. Большой интерес представляет исследование синонимичных рядов, составляемых из косвенных падежей существительных, фразеологизмов, наречий, деепричастных и причастных оборотов, приложений и придаточных предложений, имеющих причинное значение. Во втором докладе Е. А. Черницыной «Нарушения норм управления в глагольных и именных словосочетаниях» выявляются типы нарушения современных речевых норм в управлении слов и причины их появления.

З. В. Валюсинская-Донскова (Ростов-на-Дону) выступила с докладом «Глагольные фразеологизмы в качестве главного компонента словосочетания». Она отметила, что фразеологизм осуществляет свою связь с другим компонентом словосочетания формально через одно из слов, в действительности же — через весь фразеологизм. Управление глагола в составе фразеологизма значительно отличается от свободного управления глагола: глагол может утратить некоторые связи, может потерять сильное управление, может выбрать одну из возможных управляемых форм и т. д.

«О природе отношений компонентов в фразеологизме и свободном словосочетании» сделал доклад И. С. Торопцев (Орел). В докладе утверждается, что слово обладает двусторонней самостоятельностью (значение и звуковая оболочка) и способно выполнять номинативную функцию, компонент же фразеологизма лишь односторонне самостоятелен (звуковая оболочка) и не в состоянии нести номинативную функцию. Компоненты фразеологизма не должны отождествляться со словами. Целостности значения фразеологизма соответствует целостность его формы, что проявляется в отсутствии живых синтаксических связей между его компонентами. Поэтому фразеологизмы синтаксически не членимы. Однако полного параллелизма содержания и формы в фразеологизме нет. В слове форма целостна, не расчленена, в фразеологизме же она хотя и целостна, но расчленена, состоит из фонетически самостоятельных компонентов.

В. И. Чернова (Орел) в докладе «К вопросу о границах уточняющих членов» говорила о том, что традиционная грамматика сужала их границы, например, за счет некоторых «приложений» или образований, лишенных всякой характеристики. Нет оснований разграничивать уточнения и пояснения: это одна категория, и лучше ее называть поясняющими словами. В. И. Чернова привела семантические и грамматические признаки категории пояснения. Пояснение может представлять собой иное наименование предмета, признака или действия; сужение общего понятия о предмете, признаке, действии; наполнение поясняемого члена, выраженного местоимением или местоименным словом, через поясняющее слово.

Почти все доклады вызвали оживленное, откровенное и принципиальное обсуждение со стороны присутствующих. В прениях выступили А. Н. Савченко, Г. В. Валимова, И. А. Федосов, Е. В. Кротевич, Б. И. Скупский, И. С. Торопцев, В. М. Никитин, М. К. Милых, И. А. Фигуровский, С. А. Фессалоницкий, З. Д. Попова, Г. А. Золотова, В. П. Малащенко, В. И. Собинникова, З. В. Валюсинская-Донскова и др. В ходе обсуждения выяснилось, что участники совещания по-разному трактуют содержание терминов «согласование», «управление», «примыкание», «предикативная связь». Е. В. Кротевич, например, считает, что понятия «сильное и слабое управление» — дело не синтаксиса, а семантики. И. А. Федосов подверг критике расширение объема термина «предикативная связь» за счет связи сказуемого с второстепенными членами в докладе П. В. Чеснокова. В. М. Никитин подчеркнул, что семантические исследования в синтаксисе и изучение синтаксических параллелей помогают глубже проникнуть в то или иное синтаксическое явление. Г. В. Валимова высказала свое несогласие с мнением Г. А. Золотовой о том, что предикативные связи не являются подчинительными. В этом случае, как и в работах Е. В. Кротевича, смешиваются синтаксические отношения и связи.

Участвовавшие на совещании лингвисты отметили отсутствие руководства научной работой вузов со стороны Института русского языка АН СССР и Министерства высшего образования, а также то, что в программе по современному русскому языку для вузов очень слабо, по старинке разработаны некоторые вопросы синтаксиса, в частности сложноподчиненное предло-

жение и классификация второстепенных членов.

Участники совещания пришли к единодушному мнению по ряду важнейших вопросов: 1) необходимы работы обобщающего характера по различным проблемам синтаксиса; 2) тезисы научных конференций, имеющие большое теоретическое значение и являющиеся итогом научной работы языковедов, необходимо доводить до сведения всех научных работников и учителей средней школы; 3) журнал «Русский язык в школе» обязан чаще публиковать научно-популярные статьи по теоретическим вопросам русского языка, а не ограничиваться методическими статьями.

Конференция считает, что обмен опытом и координация сил научных работников, ведущих исследования в области проблемы связи слов в предложении, являются плодотворными. Конференция полагает, что внимание научных работников Южного филиала научно-технического совета Мин-ва высшего и среднего специального образования РСФСР может быть направлено, кроме вопросов связи слов в предложении, на следующее: 1) уточнение лингвистических терминов и сближение точек зрения на содержание отдельных терминов; 2) публикация обзоров и рецензий на важнейшие опубликованные труды, посвященные вопросам синтаксиса; 3) исследование проблемы связи слов в структуре сложного предложения; 4) составление словарей употребления косвенных падежей; 5) разработка вопросов исторического синтаксиса (синтаксиса древнерусских и старославянских памятников) и синтаксиса живых русских говоров. Изучение синтаксиса разговорной речи; 6) исследование интонационных особенностей структуры предложения.

Участники совещания выразили также пожелание практиковать на конференциях Южного филиала обмен опытом преподавания лингвистических дисциплин в вузах. Совещание приняло решение созвать в ближайшее время третью конференцию по вопросам синтаксиса с широким привлечением языковедов Москвы, Ленинграда и других городов, а также специалистов по синтаксису кавказских и иных языков.

И. А. Федосов (Ростов-на-Дону)

24—26 мая 1961 г. в г. Мелекессе Ульяновской области проходила пятая научно-исследовательская конференция кафедр русского языка педвузов Поволжья. В конференции приняли участие работники Башкирского и Саратовского университетов, педагогических институтов Саратова, Куйбышева, Сталинграда, Ульяновска, Мелекесса, Пензы, Астрахани, Оренбурга, Бирска, Балашова, учителя г. Мелекесса, студенты Мелекесского пединститута.

Два пленарных заседания конференции — 24 и 26 мая — были посвящены обсуждению наиболее актуальных вопросов преподавания русского языка в высшей школе. Проф. В. А. Малаховский (Куйбышев) и доц. А. Ф. Кулагин (Ульяновск) доложили о задачах и опыте работы кафедр русского языка по осуществлению Закона Верховного Совета СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г. Проф. А. Ф. Ефремов (Саратов) сделал доклад «Борьба за культуру речи в советский период» с привлечением материалов дискуссии на страницах газеты «Известия» («О родном нашем языке»). В ходе обсуждения этих докладов особое внимание было обращено на необходимость борьбы за культуру речи студентов и учащихся. Возник вопрос о создании коллективного сборника упражнений по стилистике и культуре речи; конференция приняла решение к следующему межобластному совещанию разработать при общем руководстве Саратовского пединститута проспект такого сборника. На пленарном заседании 26 мая были обсуждены два вузовских пособия для практических занятий по русскому языку и языкознанию, разработанные членами Поволжского зонального объединения. Доц. Л. И. Баранникова (Саратов) сделала доклад о выпущенном в 1960 г. Учпедгизом «Сборнике задач и упражнений по курсу „Введение в языкознание“» проф. В. А. Малаховского. Доц. Е. С. Скобликова (Куйбышев) доложила о подготовке к новому изданию «Сборника упражнений по современному русскому языку» А. Н. Гвоздева, дополненного ею практическими упражнениями по правописанию, а также новыми упражнениями по синтаксису и другим разделам. Оба сборника упражнений получили одобрение конференции.

24 и 25 мая состоялись заседания трех секций конференции: современного русского языка, истории русского языка и диалектологии (на ней обсуждались и доклады по языку отдельных авторов), методики русского языка.

На секции современного русского языка обсуждено 10 докладов. Большая часть их была связана с различными проблемами синтаксиса. Общим теоретическим вопросам синтаксиса были посвящены доклады доц. И. П. Распопова (Уфа) «Проблема вариантности в синтаксисе», доц. О. Б. Сиротининой (Саратов) «К вопросу о словосочетании (О роли порядка слов в организации словосочетания)», канд. филол. наук Л. М. Васильева (Уфа) «Категории предикативности, модальности, экспрессивности и эмоциональности в семантике предложения». Оживленная дискуссия развернулась именно по этим докладам.

Доклад доц. А. Ф. Кулагина (Ульяновск) «Единство частей сложного вопросительного предложения по цели высказывания» ставит новую проблему в трактовке предложений по цели высказывания — проблему функциональной оценки сложных предложений. При неразработанности синтаксиса разговорной речи факты, анализируемые А. Ф. Кулагиным, имеют большое значение: они наталкивают на новую область в изучении

разговорной речи. Интересны эти факты и с точки зрения пунктуационных особенностей письменного оформления разговорной речи.

В остальных докладах по синтаксису анализировались отдельные синтаксические конструкции, связанные со структурой словосочетаний, простых или сложноподчиненных предложений.

В докладе канд. филол. наук Н. Н. Чурило вой (Оренбург) «Именные словосочетания с неотчленяемым прилагательным» устанавливается лексическая обусловленность таких словосочетаний, рассматриваются их грамматический состав, синонимика, стилистические особенности, синтаксическая роль подчиненного элемента словосочетания.

С проблемой классификации придаточных предложений связан доклад препод. О. А. Громаковской (Куйбышев) «Параллелизм сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими и придаточными дополнительными». В докладе канд. филол. наук М. Д. Мишаевой (Ульяновск) в плане традиционной классификации придаточных предложений рассматривался вопрос о разграничении обстоятельственных и атрибутивных функций придаточных предложений с союзным словом *когда*. Канд. филол. наук В. П. Шутова (Пенза) сделала доклад «О структурных особенностях номинативных предложений и синтаксической природе в них именительного падежа существительного».

С синтаксической тематикой не были связаны только два прослушанных на секции доклада: доц. А. А. Дементьева (Куйбышев) «Имена существительные со сложными суффиксами, выражающие категории субъективного отношения» и канд. филол. наук Д. И. Алексеева и Р. Л. Ковалевского (Мелекесс) «Русский язык как источник интернационализмов».

На секции истории русского языка и диалектологии, кроме собственно исторических и диалектологических докладов, обсуждались 4 доклада по языку отдельных произведений следующих писателей: В. Шишкова («Емельян Пугачев»), Д. А. Фурманова («Чапаев»), Н. А. Добролюбова (статьи об А. Н. Островском), А. Н. Толстого («Иван Грозный»). Эти доклады, посвященные синтаксису указанных произведений, представили преподаватели Л. Н. Мурзин (Бирск), Д. Е. Горелик (Оренбург), М. Г. Свотина (Балашов) и Г. А. Мамаев (Астрахань).

В докладах по истории русского языка освещались вопросы морфологии и лексики. Канд. филол. наук М. С. Карясова (Мелекесс) на большом материале памятников русской письменности XI—XIV вв. убедительно доказывала ошибочность акцентологической теории акад. С. П. Обнорского в объяснении форм на *-у* в местном падеже. Доц. Т. С. Розанова (Оренбург) представила доклад «Из наблюдений над соотношением форм времени сказуемых главного и придаточного предложений древнерусского языка». Н. К. Жученко (Саратов) предприняла интересную попытку классификации древнерусских омонимов по особенностям их образования.

Большой интерес и оживленное обсуждение вызвал доклад Д. И. Алексеева (Мелекесс) об условных языках ремесленников Ульяновской и Пензенской областей. Д. И. Алексеев объединил свое сообщение с докладом отсутствовавшего на конференции доц. В. Д. Бондалетова (Пенза), который много лет занимается изучением условной речи на территории Пензенской области. За 6—7 лет авторы сообщения собрали материал по условным языкам ремесленников более чем в 50 селах Поволжья. В. Д. Бондалетову и Д. И. Алексееву удалось установить принципиальные различия между условными языками ремесленников и арго воров, в частности по линии понятийного состава, стилистической окраски лексики и другим особенностям. Участники конференции признали необходимым скорейшее обобщение и опубликование материала, собранного В. Д. Бондалетовым и Д. И. Алексеевым, так как исчезающие условные языки представляют большой интерес в лингвистическом и социальном отношении. Кроме того, публикация материалов по словарю условных языков позволит строже подойти к квалификации лексики, собираемой для региональных словарей, в которые нередко просачиваются специально не помечаемые собирателями слова условной речи.

По общетеоретическим вопросам на секции был заслушан доклад доц. В. П. Меньшикова (Сталинград) «Вопросы языка в „Философских тетрадях" В. И. Ленина».

На секции методики русского языка было обсуждено 10 докладов, посвященных преподаванию русского языка в школе и вузе.

Е. С. Скобликова, Д. И. Алексеев (Куйбышев)

С 5 по 10 июня 1961 г. в Праге (Чехословакия) происходило третье заседание Международной комиссии по подготовке общеславянского лингвистического атласа [5].

На совещание прибыли слависты из ряда государств, специалисты по языкам польскому и кашубскому (из Польши), по сербскохорватскому, словенскому и македонскому (из Югославии), по болгарскому (из Болгарии), по лужицким язы-

[5] Работа над этим атласом была начата по решению IV Международного съезда славистов. Два первых заседания Международной комиссии происходили: в Варшаве с 25 по 28 ноября 1959 г. (под названием Международная диалектологическая конференция по вопросам общеславянского атласа — см. ВЯ, 1960, 2, стр. 152—154) и в Будышине (ГДР) с 17 по 19 октября 1960 г.

кам (из ГДР), по русскому языку (из СССР) и большое количество научных сотрудников из институтов чешского и словацкого языков Чехословацкой и Словацкой академий наук. В заседаниях приняли также участие слависты из Румынии и Венгрии.

Характеристику очередных задач и обзор важнейших проблем, связанных с подготовкой общеславянского лингвистического атласа, дал в своем вступительном слове акад. Б. Гавранек (Чехословакия). С анализом проделанной работы и современного ее состояния выступил чл.-корр. Чехословацкой АН Я. Белич. Основным содержанием третьего заседания Международной комиссии послужило рассмотрение вопросов, связанных с разработкой программы по собиранию материалов для общеславянского лингвистического атласа.

После IV Международного съезда славистов работа по подготовке программы велась на основе широкого международного сотрудничества. Многие проекты и предложения уже опубликованы в журнале «Slavia» и других изданиях, а также разосланы (напечатанные на пишущей машинке) на рассмотрение отдельных национальных комиссий. В связи с этим на данном заседании оказалось возможным создать коллективы, которые должны заняться окончательным оформлением программы по некоторым разделам и наметить организации, подготавливающие материал для программ по другим разделам.

Так, проекты программы по фонетике, представленные ко времени заседания третьей Международной комиссии членом-корр. ПАН З. Штибером, доцентом А. Лампрехтом (Чехословакия) и Институтом славяноведения АН СССР (ред. проф. С. Бернштейн), при их обсуждении были признаны внутренне едиными. З. Штиберу было поручено подготовить на их основе окончательный проект. При подготовке этого проекта предложено также использовать составленную доц. Ф. Копечным (Чехословакия) картотеку основного общеславянского словарного фонда. Эта картотека, доклад о которой был сделан на заседании Ф. Копечным, и сама по себе явилась предметом рассмотрения. Было признано, что она — после дополнения и проверки ее специалистами по разным славянским языкам — будет источником материала для разработки различных разделов программы.

В качестве основы для создания программы по морфологии был принят проект чехословацкой диалектологической комиссии, доклад о котором на заседании сделал проф. И. Штольц (Чехословакия). Было решено, что при оформлении окончательного варианта программы будет использован материал польского и югославского проектов. Доклад о последнем проекте на заседании комиссии сделал проф. Р. Алексич (Югославия).

Совещание постановило программу по фонетике, морфологии и словообразованию дополнить вопросами акцентологического характера. Некоторые данные для разработки вопросов этого рода были представлены в материалах, подготовленных доц. Д. Брозовичем (Югославия). Наряду с этим было решено организовать специальную комиссию с участием специалистов по акцентологии отдельных славянских языков, которая дала бы для этого более исчерпывающий и систематически рассмотренный материал.

Обзор целого ряда проектов, связанных с подготовкой синтаксической части программы, сделал в своем докладе доц. Я. Бауэр (Чехословакия). С рядом соображений о возможном характере вопросов по синтаксису выступили также проф. Й. Вукович (Югославия), проф. Р. Колярич (Югославия). В распоряжение участников заседания поступили также материалы, подготовленные кафедрой польского языка Варшавского университета. Было решено, что окончательный синтез и обобщение имеющихся материалов будут проведены в Брно под руководством Я. Бауэра.

Наименее близким к завершению был признан раздел словообразования. На заседании по этому вопросу был прочитан доклад акад. В. Дорошевского (Польша) (отсутствовавшего на заседании); доклад по тому же вопросу был также сделан проф. С Стойковым (Болгария). Разработка проблем словообразования будет продолжена силами польской и болгарской комиссий.

На заседании удалось также подвести итоги работы по подготовке лексической программы. Третья редакция программы по лексике под ред. В. Дорошевского, представленная заседанию, была создана уже при участии югославской стороны. Специальный раздел программы «От слова к значению» принадлежит советским специалистам (сост. В. Кононова, ред. член-корр. Р. И. Аванесов). Все эти проекты лексической программы были признаны достаточными для оформления окончательного варианта. При этом была подчеркнута необходимость как более четкого разграничения лексического и этнографического планов первого раздела программы («От значения к слову») и использования уже упоминавшейся выше картотеки Ф. Копечного, так и тщательной проверки всего материала специалистами по разным славянским языкам.

Кроме указанных проектов программ, на заседании был рассмотрен вопрос о фонетической транскрипции. К проекту, предложенному З. Штибером, было намечено сделать некоторые частные поправки. Доц. М. Ромпортлом (Чехословакия) внесено также предложение подготовить вопрос о способах выражения интонации предложения.

Для окончательного определения территории, которая будет картографирована в общеславянском атласе, было признано необходимым установление тесного контакта с Венгерской, Немецкой, Румынской академиями наук; с этой целью была создана специальная комиссия, в состав которой вошли акад. Е. Петрович (Румыния), доц. П. Кирай (Венгрия).

акад. Г. Г. Бильфельдт (ГДР), З. Штибер.

Вопрос о сети населенных пунктов остался еще недостаточно обсужденным. Большинство участников совещания высказывалось за то, чтобы при построении такой сети была прежде всего отражена лингвистическая дифференциация того или иного языка (его диалектное членение), которой и следует подчинить соображения о равномерности в расположении сети обследуемых пунктов.

Основные усилия Международной комиссии направлены в настоящее время на то, чтобы подготовить к V Международному съезду (который состоится в Софии в 1963 г.) законченную и внутренне единую программу, утвердить ее на съезде и в последующие годы приступить к собиранию материала и составлению карт общеславянского лингвистического атласа. Всю работу по подготовке и составлению атласа комиссия стремится провести в возможно более короткий срок, осуществляя принцип синхронности при собирании материалов, используемых в атласе, весьма важный при изучении славянских языков методами лингвистической географии.

В. Г. Орлова (Москва)

Сообщение. Редактор «Краткого этимологического словаря русского языка» член-корр. АН СССР С. Г. Бархударов и авторы словаря Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская обратились в редакцию с просьбой оповестить читателей об их намерении ответить в ближайшем будущем письмами в редакцию на помещенную в этом номере рецензию О. Н. Трубачева.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО. —1961, 92—98.

Г. Джаукян. История языкознания. I.— Ереван, 1960. 635 стр. [на арм. яз.]

Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык.— М., 1960. 132 стр.

В. М. Никитин. Обстоятельство как грамматическая категория в русском языке и его место в системе членов предложения.— Изд-во Сарат. ун-та, 1959. 89 стр. [Ряз. гос. пед. ин-т.]

Г. Г. Почепцов. Стилистическая инверсия в английском языке.— Харьков, 1961. Стр. 23—28. (Тезисы докладов на XVIII научной конференции Авиационного ин-та) [Отд. отт.]

А. Супрун. Старославянские числительные.— Фрунзе, 1961. 106 стр.

Ф. С. Фасеев. Способы образования терминов в татарском литературном языке.— М., 1961. 40 стр. (Автореф. канд. диссерт.) [Ин-т языкознания АН СССР]

Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров».— М.— Л., 1961. 198 стр. [Ин-т русского яз. АН СССР]

Emkeele seltsi aastaraamat. [Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Emakeele selts]. VI — Tallinn, 1960. Стр. 1—248.

Kodumurre. [Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Emakeele selts].— Tallinn, 1960. Стр. 1—92.

Ю. О. Карпенко. Учбово-методичні вказівки 3 курсу історичної граматики української мови.— Київ, 1960. 44 стр.

Польско-український словник. II.—Київ, 1960. 608 стр.

М. І. Свенціцка. До питання пристосування іншомовних сліву сучасній німецькій мові (Львівський держ. ун-т). — 1960. 38 стр.

A magyar nyelv rendszere. Leiró nyelvtan. I. — Budapest, 1961. 600 стр.

Annali. Sezione slava. III.—Napoli, 1960. 118 стр.

Československá rusistika. IV, 4. 1959; V, 1—4, 1960; VI, 1—2. 1961.

Evangelien und Episteln ins Lettische übersetzt von G. Elger nebst einem Register seiner geistlichen Lieder aus der Zeit um 1640, hrsg. von K. Dravinš. 1 — Texte. 1960. 152 стр.

Materiale şi cercetări dialectale. I.— [Bucureşti], 1960. 290 стр.

Nyelv — es irodalomtudományi közlemények. (Akadémiai kiado). II, 1—4. 1958; III, 1—4. 1959 [A Román Népköztársaság Akadémiája, Kolozsvári fiókjának, Nyelvtudomanyi intézete].

Probleme de lingvistică matematică. Traduceri din literatura sovietică de specialitate.— 1960. 212 стр. (Academia Republicii Populare Romine. Institutul de studii Romino-Sovietic. Biblioteca Analelor Romino-Sovietice, Ser Tehnică Nr. 79).

Prof. Dr. Eugen Häusler 65 Jahre [Sonderdrucke aus der Wissenschaftlichen Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. (Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe). X, 1. 1961. Стр. 212—279 (Als Manuskript gedruckt).

Språkliga bidrag. Meddelanden från seminarierna för slaviska språk, jämförande språkforskning och finsk-ugriska språk vid Lunds Universitet samt östasiatiska språk vid Göteborgs Universitet. III. 15.— Lund, 1960. 187 стр.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig.— X (1961), 3. Стр. 351—486 (Als Manuskript gedruckt).

Zpravodaj. Místopisné komise ČSAV. I, 2. 1961.— Praha. Стр. 69—133 [ротапринт].

W. Boeck. Wechselbeziehungen zwischen Aspekten und Aktionsarten in der russischen Sprache der Gegenwart. [Отд. отт. из «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. X, 1. 1961.] Стр. 225—232. (Als Manuskript gedruckt).

O. Ducháček, Champ conceptuel de la beauté en français moderne. [Отд. отт. из «Vox Romanica». XVIII, 2. 1960]; его же. Les champs linguistiques. [Отд. отт. из «Philologica Pragensia». III, 1. 1960.] Стр. 22—35; его же. Les verbes exprimant l'action de «rendre beau». [Отд.отт. из «Kwartalnik neofilologiczny». VII. 1960.]

H. Heintze. In Memorian Victor Klemperer. [Отд. отт. из «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. X. 1. 1961.] Стр. 9—14. (Als Manuskript gedruckt).

H. Křižková. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině.— Praha, 1960. 202 стр.

T. Slama-Cazacu. Langage et contexte. Le problème du langage dans la conception del' expression et del' interprétation par des organisations contextuelles.—'s-Gravenhage, 1961. 251 стр.

G. Thomson. The Greek language.— Cambridge, 1960. 101 стр.

Технический редактор *Д. А. Фрейман-Крупенский*

Т-09154 Подписано к печати 18.IX.1961 г. Тираж 5465 экз. Зак. 2131
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 13,7 Бум. л. 5 Уч.-изд. листов 17,0

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

SOMMAIRE

Articles: Linguistique et la société soviétique; A. K. Borovkov (Léningrad). L'étude des langues turques en URSS; T. Y. Elizarenkova (Moscou). Éléments distinctifs des phonèmes consonnes en hindi; **Discussions:** L. Zabrocki (Poznań) Remarques sur le developpement du consonantisme arménien; F. Feydit (Paris). Remarques sur le consonantisme arménien; E. A. Makajev (Moscou). Sur le problème de l'isomorphisme; Sur la formation des langues nationales littéraires des slaves orientaux; Sur l'atlas linguistique slave; **Matériaux et notices:** V. P. Grigoriev (Moscou). L'interdépendence de composition des mots et d'affixation; T. V. Popova (Moscou). Sur la caractéristique typologique des dialectes bulgares; O. I. Moskalskaja (Moscou). Groupes des mots fixes de caractère grammatical; M. A. Čerkasskij (Alma-Ata). Essai d'une description formelle de l'harmonie vocalique dans les langues turques; **Linguistique appliquée et mathématique**; S. I. Kaufman (Sverdlovsk). Sur le caractère nominal du style technique (fondé sur les matériaux de littérature americaine); **De l'histoire de la linguistique:** V. N. Makejeva (Léningrad). M. V. Lomonosov — auteur, rédacteur et critique des oeuvres lexicographiques; **Consultations:** O. S. Akhmanova (Moscou). Sur les conceptes fondamentaux de la meta-langue linguistique; **Critique et bibliographie**; **Vie scientifique:** A. M. Demirčizade, Z. H. Tagizade (Baku). 40 ans de linguistique soviétique en Azerbaidjan.

CONTENTS

Articles: Linguistics and the Soviet society; A. K. Borovkov (Leningrad). The study of the Turk languages in the USSR; T. Y. Elizarenkova (Moscow). Distinctive features of consonant-phonemes in Hindi; **Discussions:** L. Zabrocki (Poznań). Some remarks on the development of Armenian consonantism; F. Feydit (Paris). Notes on Armenian consonantism; E. A. Makayev (Moscow). On the problem of isomorphism; On the formation of East Slavonic national literary languages; On the Slavonic linguistic atlas; **Materials and notes**; V. P. Grigoriev (Moscow). The interdependence of word-composition and affixation; V. Popova (Moscow). On the typological characteristics of Bulgarian dialects; O. I. Moskalskaya (Moscow). Fixed locutions with grammatical character; M. A. Čerkasskij (Alma-Ata). Contribution to the formal description of vowel-harmony in the Turk languages; **Applied and mathematical linguistics:** S. I. Kaufman (Sverdlovsk). On the nominal character of technical style (based on American technical literature); **From the history of linguistics:** V. N. Makeyeva (Leningrad). M. V. Lomonosov as compiler, editor and reviewer of lexicographical works; **Consultations:** O. S. Akhmanova (Moscow). On the basic concepts of linguistic meta-language; **Critics and bibliography**; **Scientific life:** A. M. Demirčizade, Z. H. Tagizade (Baku). 40 years of Azerbaidjan Soviet linguistics.

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание и советское общество 3
А. К. Боровков (Ленинград). Изучение тюркских языков в СССР. . . 10
Т. Я. Елизаренкова (Москва). Диффэренциальные элементы согласных фонем хинди 22

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. Забродский (Познань). Замечания о развитии армянского консонантизма 34
Ф. Фейди (Париж). Заметки по армянскому консонантизму 46
Э. А. Макаев (Москва). К вопросу об изоморфизме 50
Об образовании восточнославянских национальных литературных языков . . 57
Об общеславянском лингвистическом атласе 63

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. П. Григорьев (Москва). О взаимодействии словосложения и аффиксации 71
Т. В. Попова (Москва). К вопросу о типологической характеристике болгарских диалектов 78
О. И. Москальская (Москва). Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью 87
М. А. Черкасский (Алма-Ата). Опыт формального описания гармонии гласных в тюркских языках 94

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С. И. Кауфман (Свердловск). Об именном характере технического стиля (На материале американской литературы) 103

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Н. Макеева (Ленинград). М. В. Ломоносов — составитель, редактор и рецензент лексикографических работ 109

КОНСУЛЬТАЦИИ

О. С. Ахманова (Москва). К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики 115

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Т. М. Николаева (Москва). О русском языке в зарубежных работах по машинному переводу 122

Рецензии

О. Н. Трубачев (Москва). Об одном опыте популяризации этимологии 129
Г. Ф. Благова (Москва). Sovietico-Turcica. Beiträge zur Bibliographie der türkischen Sprachwissenschaft in russischer Sprache in der Sowjetunion 1917—1957 136
Н. П. Дебец (Москва). *M. Kahla.* Bibliografinen luettelo neuvostoliitossa vuosina 1918—1959 julkaistusta suomalais-ugrilaisesta kielitieteellisestä kirjallisuudesta 139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. М. Демирчизаде, З. Х. Тагизаде (Баку). Азербайджанское советское языкознание за 40 лет 141
Хроникальные заметки 144
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию 159